

K 903

1847p

УКРАИНСКІЯ

НАРОДНІЯ ПРІДАНІЯ.

УВРАТНО ДІВ

НАРОДНІ ПРІДАННЯ

УКРАИНСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПРЭДАНІЯ.

СОБРАЛЪ

П. КУЛЮШЪ.

Разговорный языкъ простаго народа, не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ, достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Пушкинъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1847.

УКРАЇНСЬКА

НАРОДНА БІБЛІОТЕКА

СОБІРАЧ

В. П. П. П. П.

Текст, що є зворотним відбитком з іншого боку паперу. Зміст неможливо розкрити повністю, але можна побачити частини фраз, наприклад: "визначення", "визначення", "визначення".

УКРАЇНСЬКА БІБЛІОТЕКА

P 890618

10

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

2023

02

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изучая источники Исторіи Южно-Русскаго народа, я не разъ объѣзжалъ обитаемыя ими губерніи для собранія народныхъ пѣсень и преданій. Со временемъ надѣюсь представить любителямъ Исторіи и народной Поэзіи свой сборникъ пѣсень; теперь издаю только преданія. Предоставляя судить каждому объ ихъ исторической важности и поэтическихъ достоинствахъ, считаю долгомъ сказать только, что я записывалъ ихъ стенографически, какъ пѣсни, дорожа каждымъ оборотомъ и словомъ народной рѣчи. Я позволялъ себѣ исправлять нѣкоторыя фразы только въ тѣхъ преданіяхъ, которыя доставлены мнѣ моими пріятелями, но и объ этомъ жалѣю: гораздо лучше было бы напечатать ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они были мнѣ доставлены.

П. К.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Преданія Историческія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Преданія Історическія.

УВРАИНСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

ЗОЛОТЫЕ КІЕВСКІЕ ВОРОТА.

Якъ лыхолитье було, то прышовъ чужоземець, Татарынь, и ото вже на Вышгородъ бѣе, а дали вже й пидъ Кіевъ пидступае. А тутъ Михайлыкъ лыцарь бувъ, да якъ зыйшовъ на башту, да пустывъ зъ лука стрилу, то стрила и впала у мыску тому Татарыну. Той скоро сивъ коло скамьи обидаты, тилько що поблагословывсь йсты, ажъ та стрила такъ и встромылась у печеню. „Э!—каже,—се жъ тутъ е сылный лыцарь!“—„Подайте мыни,—каже, до Кілянь,—подайте мыни того, Михайлыка, то я одступлю!“ Отъ Кіяне шушу, шушу и радяцьця: „А що жъ? Оддаймо.“ А Михайлыкъ и каже: „Якъ оддасте вы мене, то въ останній разъ будете бачыть Золотыи ворота.“ Да сившы на коня, обернувь до ихъ, да й промовывъ:

„Ой Кіяне, Кіяне, панове громада!

Погана ваша рада!

Якъ бы вы Михайлыка не оддавали,

Поки свить сонця ворогы бѣ Ківа не достали!“

Да взявъ на ратыще ворота, такъ якъ отъ снпъ святого жыта вызьмешъ, да й поїхавъ у Цареградъ черезъ Татарське вйсько, а Татары ёго й не бачать. Отъ, якъ открьвъ ворота, то чужоземци ввалылись у Кіевъ, да й пшлы потоптомъ.

А лыцарь Михайлыкъ и доси живе въ Царыгради; передъ нымъ стоить стаканчыкъ воды и проскура лежить, бильшь ничего не йсть. И Золотыи ворота стоить у Царегради, и буде, кажуть, колысь таке время, що Михайлыкъ вернецьця въ Кіевъ и поставыть ворота на свое мисто.

И якъ идучы хто мимо скаже: „О Золотыи, Золотыи ворота! Стоить вамъ изновъ тамъ, де стоялы!“ то золото такъ и засяе. А якъ же не скаже такъ, або подумае: „Ни, вже не буць вамъ у Кіевѣ!“ то золото такъ и померхне.

(Разказывалъ одный старикъ ницїй въ Кіевѣ.)

ЖИДОВСКІЕ ОТКУШЫ.

Було колысь такъ,—ище передъ Хмельныщиною,—що церковны ключи були въ Жыда. Якъ чого треба до церкви, то йды вже до Жыда, да торгуйся, що винъ вызьме. То зъ того-то й лыхо зачалося.

(Розказывалъ Климъ Бликъ, съ Кумейкаго, Кіев. губ.)

КОЗАКИ И ЖОЛНЕРЫ.

Есть десь ричка Жовтенька. То по одну сторону на заходъ сонця стоялы жовниры, а протывъ сонця стоялы Запорозьци. Изыйдуцьця було въ шынкъ на дешеву горилку; то жовниры, а то Козаки; у ряду сыдять собі. Да якъ напыюцьця горилки, то й заведуцьця быцьця за гряницю, да часомъ который которого й зарубае. А дали вже такъ завельсь, що стали й дуже быцьця, и проженуть бувало жовниривъ ажъ геть за слободу, а въ слободи позабырають усе, да й вериуцьця. То жовниры просылы Короля, щобъ поставлено имъ певну гряницю. Отъ Король и каже Козакамъ: „Проженить тихъ жовниривъ ажъ у Варшаву“. Отъ вони якъ прыгнали, то Король и каже отаману: „Чымъ тебе наградыть? Отъ тоби награда: де побачышь Жыда, або багатого мужыка, то печи й дери“. Такъ оттоди-то бувъ Нечай и Хмельныцькый.

(Розказывалъ Дмитро Погорпльий съ Звенигородль, Кіевск. губ.)

ХМЕЛЬНИЦКІЙ И БАРАБАШЪ.

Сталы Лыхы душе вже налягать на Козакивъ; прышло ихъ у Запорожжа по два Лыхы на одного Козака. То Козаки слалы до Короля лысты, що „такы намъ збыткы роблять, що не можно ни якъ прожыты.“ Такъ Король и давъ имъ права, а Барабашъ сховавъ, да никому й не показавъ; отъ Лыхы Козаками й орудують. А Хмельныцькый бувъ пры Барабашеви за писара въ Чыгырыни; самъ у Суботови сыднвъ, а туды издывъ на писарство. Отъ якъ родылась у Хмельныцького дытына, то винъ кумомъ узавъ Гетьмана. Якъ же вповнъ Гетьмана добре, тоди вынявъ у ёго зъ кышени хустку, и перстень зъ руки знявъ, до й посылае до Чыгырына свою джуру: — „Два кони беры, да бжи въ Чыгырынь по права!“

Прийжае той джура до Гетьманшы: „Пани! Зайлысь изъ Гетьманомъ паны; порубають; такъ дайте тыи права, що одъ Короля.“ — „Оттамъ же,—каже,—вони въ стани пидъ воритьмывъ глухимъ киньци,—де пятка*, — у пудерку въ земли.“

* Замбчаеьт расказицьк отъ себя.

Просыпаєщця Гетьмань: „Ой, куме!—каже,—куме! Була въ мене хустка въ кышени, а теперь нема; бувъ у мене перстень щыро-злотый на руци, а теперь нема!“

—„То,—каже,—мій хлопець роздагавъ тебе, якъ клавъ у лижко, то повыймавъ.“

А самъ усѣ позырає, въ вишко. Колы жъ гляне Гетьмань, ажъ хлопець повивъ у станю коня такого, що тилько хахъ-ха-хха-хха! Тоди вже й постеригъ, що Хмельницькый посылавъ по права.

„Ой Хмелю,—каже,—Хмелыку!

Вчиныьвь вси ясу.

И помижъ панамы великую трусу.

Лучче було бѣ тоби брать сукна не мирячы,

А гроши не личачы,

Лучче бѣ було тоби зъ панамы добре прожывашы,

А нижъ теперь по лугахъ Базалугахъ потыраты,

Комаривъ, якъ ведмидивъ, годоваты!“

Гетьмань же иде до дому, а воны зъ хлопцемъ коней спдлають, да идуть у Сичъ. Приѣхалы, вдарылы въ котлы; зибралысь Козакы, винь вычитавъ одынь указъ,—не слухають; вычитавъ другый,—не слухають; да вже якъ третій прочытавъ, тоди вси й стали на баталію.

(Разказывалъ Климъ Блшкѣ, въ Кумейкахъ, Кіевск. губ.)

ХМЕЛЬНИЦКІЙ ВЪ ЗАПОРОЖСКОЙ СЪЧИ.

..... Да й поѣхавъ у Сичъ тымъ бокомъ* Днѣпра. Приѣхавъ до Сичи, ажъ тамъ стоить жовнирство, и бере одъ Козакивъ десяту рыбу. Отъ, Хмельницькый, показавшы тайно Запорозыцямъ Королевскый лысть, усовитовавъ имъ, якъзбуты жовниривъ:—Я,—каже,—выйду на майданъ, да й зачну крычаты: „У Раду! въ Раду! въ Раду!“ а вы вызьмите пидъ полу по дрючку, и якъ жовниры прыйдуть безъ шабель у Раду, то вы на ихъ зъ дрючками, да всихъ и перебыйте.

Такъ и сталося. Да потимъ якъ пишовъ воєвати Хмельницькый, то розбывъ Ляхивъ и на Жовтій Водѣ и коло Корсуни, да загнавъ ажъ за Случъ, да й сказавъ: „Знай, Ляше, по Случъ пише!“

(Разказывалъ Омелько Каплаухій, въ Суботовѣ, Кіевск. губ.)

* Львыиъ берегоиъ.

ПЛАТА ХМЕЛЬНИЦКАГО ЗА ПЛЕННИХЪ.

Якъ воёвавъ Хмельницькій зъ Ляхами, то всякому, хто піймає, Ляха, обіщавъ давати за кожного по рублю, а за ксєндза по три копы. То якъ піймає було Козакъ Ляха, то выголыть ёму на голови лысыну, да й скаже:—„Гляды жъ ты мини, вражый Ляше! Тилько скажешъ, що ты не ксєнзъ, то заразъ духъ зъ тебе вонъ!“

Отъ, и приведе до Хмельницького.

— „Хто ты такой?“

— „Ксєнзъ.“

То Хмельницькій выме зъ кышени три копы, да й дасть.

(Отъ жсе.)

ХМЕЛЬНИЦКІЙ НАДЪ СЛУЧЬЮ.

Якъ ставъ Хмельницькій надъ Случчу, на гори, то обобравъ свое войско такъ, що не зосталось у Козакивъ грошей ни въ кишени, ни зашытыхъ.

(Розказывалъ одинъ старикъ въ Корсунь, Кіевск. губ.)

ВОЙНЫ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Хмельницькій первый пиднявъ гайдамакъ. Написавъ такой лысть, що: „Гей! Хто до мене пристане?“ да й назбиравъ Козакивъ. Якъ назбиравъ, то й почавъ ризаты Ляхивъ и Жидову; а якъ побачить було яку хорошу пани, або Жыдвку, то змилуецця да й перехрыстыть у свою виру, и панивъ перехрыщувавъ. Отъ, якъ ставъ воёвать, якъ ставъ воёвать, то повоёвавъ Ляхивъ ажъ по Случь, да загнавшы ихъ за Случь, одиславъ войско до дому, а надъ Случчу поставивъ витрянны барабаны. Шо подме витерь, то Ляхы думаютъ, що у Козацькому войску въ трубы грають, да й боющця иты за Случь. А Хмельницькій тымъ часомъ бачить, що багацько лыха наробивъ, да взявъ, да й полизъ до Короля прохаты мылосты. А Король нарядивъ одынадцять кативъ у королевське платъте, а самъ дванадцятый ставъ. Якъ прылизе Хмельницькій до якого ката, заразъ ёму голову одять. Отъ же Хмельницькій не полизъ й до одного ката, да прямо до Короля. Прылизъ до ёго рачкы и впавъ у ноги. То Король пиднявъ ёго за голову, да й сказавъ: „Ой ты, свавольнику! Багацько ты невынныхъ душъ занапастывъ!“

А Хмельницький йому: „Найяснійший Королю! Я хотивъ бы добре робить, але Козаки мене не слухають; я такъ хочу, а вони такъ, да й свалять и всякы пакосты роблять.“

То король ёго и одпустивъ.

Одъ того-то Хмельницького пишла й Гайдамаччина. То була Хмельнычина, а описья настала Гайдамаччина.

Хмельницький той бувъ такый, що зъ Туркомъ знавсь. Пидйде було до Турка, да й продасть одынь, другый городъ, або село. То Турки вже ти села розорялы и ясырь бралы. Медвидовку и Ташлыкъ два разы продававъ. А коло Смилои, кажуть, мимо саму греблю Турки йшлы, але Смилои не займалы, бо не була продана. Есть и писня зъ того часу:

„Бодай Хмеля Хмельницького перва куля не мынула,

Що веливъ браты дивкы, й парубкы, й молодыи молодыци!

Парубкы йдуть стреляючы, а дивчата спиваючы,

А молодыи молодыци старого Хмеля проклинаючы.“

А dalje не знаю якъ.

(Розказывалъ Кондратъ Тарануха, въ Смьлой, Киевск. губ.)

ЮРІЙ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Хмельныченко побусурманывшысь збывъ пушкою зъ горы Валка (въ 2 верстахъ отъ Суботова) верхъ зъ батькивської церкви, хотячы довидатысь батькивськихъ грошей, що, кажуть, byly замурованы на горыци на церкви. Винъ бы то прыйшовъ за ными й до Суботова, але боявся, бо тутъ стояло вйсько; то вже зъ злосты хотивъ розбыть церкву.

Хмельныченко живе ще й доси. Наши старыи чумаки розказувалы, що бачылы ёго въ горахъ на свои очи, и самъ винъ имъ казавъ, що „Я сынъ Хмельницького“. Ёго ссе гадына и винъ страшно мучыцца и буде мучытысь и блукаты помижъ горами ажъ до Страшного Суду; а тогди вже Господь ёго простыть, що побусурманывъ и хотивъ розбыть батькивську церкву.

(Розказывалъ Омелько Каплаухій, въ Суботовъ.)

ЦАРЬ ПЕТРЪ И ЦАЛІЙ.

Бувъ-то такый Мазепа, такый-то Гетьманъ, що й Царь ёго батюшкою звавъ. А Кочубей да Искра довидалысь, що винъ хоче зъ Шведомъ быть на Восточнаго Царя, да й пишлы до Царя до Восточного: „Эй,—кажуть,—Царю Восточный! Хоче Мазепа на тебе быть.“ А Царь, не понявъ виры: „Чы можна,—каже,—щобъ винъ на мене быть?“

Отъ же и въ писъни спивають:

„А Царь,—каже,—виры не понявъ,
Да назадъ ихъ одиславъ.“

Тилькы що вони одишли, ажъ бижыть гонецъ до Царя: „Ста новицьця,—каже,—на баталію, а то Мазепа бытыме на васъ!“

То Царь тоди зумывся: „Бижы жь,—каже,—чы не наженеш ихъ; бижы якъ можна, щобъ винь ихъ не потратывъ.“

Колы жь прыбжыть, ажъ имъ уже й головы одято.

Ото якъ ставъ бытъ Мазепа на Царя, то Богъ знае, що й робыть. Ажъ на роздиль на церкву постягувавъ у Батурыни пушкы, да бывъ. Такъ избывъ, що вже, каже Козакъ*, такъ наше вѣйсько завертилося, що пропадаты да й тилько!

— Царь бидкавцьця: „Чы нема—каже,—въ нашому царствѣ такого человека, щобъ знавъ, якъ одолитъ Мазепу? Нехай обзываетьця,—каже,—буду жаловать ёго.“

А одынь старый Запорожець осмыльвсь, да й каже: „Пійду я до Царя, да й скажу, що есть такый, Палій Семень (а первый Императоръ такый жорстокий бувъ, що тилько збрешы, то й голову зниме), да й пишовъ.

„А чого ты,—каже**—, Козаче, прышовъ?“

— „Прышовъ,—каже,—я, Царю, порадыть тебе, що есть у насъ такый чоловікъ, Семень Палій. Винь одоліе Мазепу.“

А Царь каже: „Нема Палія, страчений.“

— „Ни, Царю, жывъ, тилько на Сыбири.“

Отто послады по ёго пошту таку огненну, що й птыця не злетыть. Примчалы до Царя: „Эй,—каже,—Палію, Палію, Семене! Отъ царство втратымъ!“

А винь каже: „Не бійсь, колы я зайду, то ще буде по нашому.“

Ото заразы ёму йсты.

„Ни,—каже,—нехай задзвонять до службы Божои.

Теперь,—каже,—давайте мѣни коня!“

Пишовъ по стани, такъ не добере соби коня: струсне за гриву, то такъ и впаде. „Ни,—каже,—Царю, нема въ тебе такого коня.“

А Царь розгнивавсь: „Якъ - то нема? Я Царь, да нема въ мене коня для тебе?“

„Нема,—каже,—Пуститъ мене въ Козацьке вѣйсько, то я соби выберу коня. Пійшовъ у Козацьке вѣйско; гяне, ажъ ёго конемъ воду везуть. Винь ажъ заплакавъ: „Я,—каже,—въ неволи, и кинь мій у неволи!“

Сивъ на коня, то кинь пидъ нымъ такъ якъ орель! „Теперь,—каже,—пойдьмо, Царю, у Мазепыне вѣйсько, то почувешъ, що про тебе говорять.“

А Палій такый лыцарь бувъ, що не вольшебствомъ, а Ангельскимъ чыномъ воёвавъ, такый, що издытъ по чужому вѣйську, ниhto

* Отъ котораго слышалъ это преданіе расказацькь.

** Царь.

ѣго и не бачить; а якъ гляне кому въ вѣчи, то зроду не выдержить.

Пойхали, ажъ сыдять у намети трое: Мазепа, Шведъ и Турецкый баша, да й кажуть: „Оце забьемъ усе ѣго вѣйсько, да й царство ѣго на троє разделимъ.“

— „Бачъ,—каже,—Царю, що говорятъ!“

Мазепа жъ и Турецкый баша не вбачылы Царя зъ Паліемъ, а Шведъ постеригъ, що се щось не певне, да й выстрельвъ на Палія зъ рушвыци. Такъ Палій обернувся до Царя, да й каже: „Якъ бы не стара шкура, то бѣ, може, й пробывъ бы! Вражкый сынъ и се добрый!“

Идутъ звидты уже, а Запорожцы сыдять, да въ карты гуляють, а Палій каже: „Здоровы, паны молодци! Чы будемъ быцьця, чы будемъ мырыцьця?“

А одынъ Запорожець каже: „Се Палій пойхавъ“!

„Де тоби, кажуть, у чорта той Палій тутъ буде!“

Колы жъ винъ уйхавъ у свое вѣйсько, да й клейноды свои выставивъ, такъ вони й похолонулы.

А Мазепа одъ Палія бувъ и навченъ*. Такъ Царъ каже: „Що жъ, Палію! Ты ѣму ничого не зробишь, бо й винъ одъ тебе навченъ.“

— „Ни,—каже,—Царю, хочъ винъ и навченъ одъ мене, да я ѣму не сказавъ усѣи правды.“

Отъ и взявъ зарядать пушкы навхрестъ: та туды, а та туды; та туды, а та туды. „Теперь,—каже,—стреляйте, то не багато зостанецьця“. Якъ ударылы жъ, то такъ якъ былына на пожарыци зостанецьця, то такъ зъ того вѣйска зосталось. Отъ и погналы Мазепу....

Такъ хотивъ Царъ за Мазепу усю Гетьманщину выгубить, да ото й каже Палію, якъ уже побылы Мазепу: „Ну, теперь, Палію Семене, чого ты одъ мене хочешъ? Чы великого панства, чы злата, чы що“?

А винъ каже: „Що жъ, Царю! Я буду просить тебе объ одну ричъ, подаруй мыни!“

„Що таке? Кажы!“

„Не плондруй,—каже,—Гетьманщины.“

„Ну,—каже,—добре, для тебе дарую.“

(Розказывалъ Климъ Бѣликъ въ Кумейкахъ.)

МАЗЕПА И ПАЛІЙ.

Мазепа боялся Палія, щобъ винъ ѣго не звоёвавъ, да взявъ ѣго да й замуровавъ у стовбъ, у такый, що тилько маленьке оконце, а то весь замураваный, и якъ хто подасть у те виконце шматокъ

* Народъ каждому своему *лицарю* приписываетъ *Характерство*, т. е., чародѣйскую науку *воевать*. Въ словѣ *навченъ* здѣсь разумѣется наученъ характеру.

хлиба, то тилько винь и живь. Отъ, замурававшы Палія, и ставь Мазепа воєвать зъ Царемь. А тогда ще Московської земли бувъ тилько одинь рукавь, да й годи; а се вже теперь такъ Государь розжився: давъ Господь милосердний, що позавоєвувавъ соби и городивъ, и земель. А тогда Московської земли було тилько такъ якъ на рукавь. Отъ, зовсимъ уже Мазепа одоливає Царя. А Царь якъ дочувсь, що въ такимъ и въ такимъ мистечку замураванъ у стовбъ Палій, заразъ пославъ такихъ, що розруйновали геть чисто той стовбъ. Отъ, якъ выпустилы Палія, то винь ажъ тремтыть увесь, такъ ослабъ. То Царь мусьвъ прохаты у Мазепы на дванадцять день згоды, поky одхавъ Палія; а якъ одхавъ, то Палій сивъ на коня, да обьїхавъ кругомъ Мазепино вїйсько, да якъ поставивъ оттакъ (показывая рукою) ратыще, то имъ здалось, що лисъ стоить. Отъ воны и почалы ихаты черезъ той лисъ, зхыляючысь, а Паліевы Козаки давай рубать имъ головы. А Мазепа постеригъ, що лихо, да якъ ударыть у тарабаны: „Гей, братци, втикайте, бо ще старый собака живь!“

(*Розказывавъ Кондрать Тарануха, въ Смьлой, Кіевск. губ.*)

СТЕПАНЪ ПЛАХА *.

Ни, Панычу, не такъ вы розказуєте; а се ось якъ було. У Мазепы родився сынъ. Царь Петро бувъ кумомъ. Отъ якъ уже булы на подпытку, то Петро и призвавъ до себе Козака *Степана Плаху*. А той Степанъ Плаха такый бувъ чоловикъ, що знавъ усе, що буде напередъ за сто лѣтъ.—„Скажи,—каже,—Степане Плахо, що во мною буде?“

—„А отъ що зъ тобою буде, Царю,—каже Плаха: черезъ тридцять рикъ твій крыщеникъ вовватиме на тебе.“

—„Брешешъ, Степане,—каже Петро: Чы то можна, щобъ мое дитя пидняло на мене руки?“

Да й звеливъ забить Плаху въ кайданы и посадить у темницю, не подавать ёму ни пыты, ни їсти, тилько рижокъ зъ табакою положыты били ёго:—„Отъ же,—каже,—тоби, Степане, рижокъ табаки. Колы твоя правда, то ты въ темницю будешъ жыть тридцять литъ одною табакою; а колы брехня, то згынешъ.“

Посадивъ, да й байдуже описья на того Плаху. А Мазепенко тимъ часомъ росте, и скоро сповнылось ёму тридцять литъ, заразъ зибравъ свою ватагу, гайда въ степъ, да й забушовавъ!

* Это тотъ же самый Семень Палій, переименованный народомъ, видно, по ошибкѣ.

Мазепа является здѣсь Мазепенкомъ.

„Гей, каже, Царю, давай на погуляньє!“

Петро жажнувся. Знавъ, що ни якою сылою не одоліє.

Мазепенко бо сей такій бувъ ломусъ, що поставивъ пушку на долони, да якъ стрелывъ изъ Быкова*, то досягнувъ ажъ у Остеръ и розбивъ у Остри церкву. И доси стоить та церква розбита.

Узялы Цара Петра думкы, да гадкы; сумув на столыци, не може жадной рады прыложыты. Колы жъ, де взявся старый салдатъ:— „А що,—каже,—Царю! Бачъ теперь, що правду казавъ Степанъ Плаха.“

— „Якый Степанъ Плаха?“

— „Якый! А забудь хрыстыны въ Мазепы? Тамъ Степанъ Плаха тобі сказавъ, якъ у око влиповъ, що твій хрыщеникъ черезъ тридцять рикъ воєватые на тебе.“

То Петро ажъ за голову вхопывъ.— „Заразъ, заразъ выпустить ёго зъ темницы!“

Прышлы до Степана Царьскыи слугы, да якъ глянулы на ёго, то ажъ за сердце ихъ закодупыло. На тому Степану Пласи вже тилько кожа да кости, увесь ажъ мохомъ обрисъ, и борода до пояса. Била ёго рожокъ, але въ рижку вже пусто. Якъ бы ще днемъ, або двома, Петро опизнивъ, то тилько бъ и бачылы Степана Плаху!

Отго заразъ розбылы на ёму кайданы, понесли на носылкахъ до Петра, бо куды вже ёму самому иты! Прынесли до Цара, то Царъ ажъ слёзамы вмывся.— „Просты,—каже,—мене, Степане, за твою обыду! Прышлось и мыни теперь круго. Мазепенко гасав по степену, да зове на погуляньє.“

То Плаха тогда: „Все забуваю, да ще й зъ биды тебе вызволю. Дай тилько мыни выгуляцьця на воли!“

Отъ и пишовъ гулять. Пье день, пье другый, пье третій. И якъ выгулявся, то бере зъ собою одынадцять Козакивъ, а самъ дванадцятый, да й гайда въ степъ. Скоро забачывъ Мазепенкову ватагу, заразъ узавъ, да й обыхавъ ии кругомъ. Якъ обыхавъ, то Козакы Мазепенковы мовъ подурилы и стали одынъ одного колотъ да рубать. А Мазепенко навтикача, а Степанъ Плаха зъ Козакамы за нымъ; скоро настыгъ, заразъ ёго и проколовъ списомъ. Але то бисова тварь! Изожравъ одынъ списъ, изожравъ другый, изожравъ третій, и такъ уси одынадцять списивъ поивъ, да вже якъ ударывъ ёго Плаха своимъ дванадцятымъ, тогда вже ёму и капуть. А потимъ узавъ Степанъ Плаха Мазепенка, зпалывъ, да й попелъ по степену розвивъ. То оце въ память тому Пласи и ярмарокъ у насъ на Остапё

Отъ за того-то вражого Мазепенка розгнивався дуже Царъ Петро на Украину. Заразъ шле указъ, щобъ рубылы въ пень увесь народъ.

Уже й шаблы повыймалы, щобъ рубать.

* Мѣстечко въ Переяславск. уѣздѣ.

А тутъ усюды у трубы, да въ шоломійки смутио, да жалбно выграваютъ, а поцерквахъ молебни правлятъ, щобъ одвернувъ Господь гнѣвъ Царскій.

Ажъ ось шле Петро другый указъ: велить всімъ головы здѣй-
мать.

То вже й шабли поодпускалы, але ще такы голивъ не здѣй-
маютъ. А тутъ усюды у трубы, да у шоломійки смутио, да жалбно
выграваютъ, а по церквахъ молебни правлятъ, щобъ помыловавъ Го-
сподь невынныи души.

Колы жь шле Петро третій указъ: прощае весь народъ.
Тогда вже усюды скокы да музыкы. Звеселься весь людъ Христіянскій.

(Доставилъ П. Е. Чуйковичъ, а ему рассказывалъ поселянинъ на степу, около
новой Басани, въ Переяславскомъ уездѣ.)

Примѣчаніе. Въ XVIII столѣтїи Польское государство простиралось на востокъ до западныхъ, означенныхъ теченіемъ Днѣпра, границъ Черниговской и Полтавской губерній и до рѣкъ: Тясмина, Выси, Кодыма и Синюхи. Всѣ пограничныя земли отъ Каменца Подольскаго до Крылова на Днѣпрѣ правительстве Польское роздало во владѣніе вельможамъ, или ихъ родственникамъ за истинныя, или мнимыя заслуги, съ условіемъ, чтобъ владѣльцы помѣстьевъ содержали на свой счетъ отряды кавалерїи или пѣхоты для защиты границъ. И такъ всякій помѣщикъ, соразбно съ своѣмъ могуществомъ, имѣлъ всегда въ своемъ имѣніи полкъ, сотню, или хоть десятокъ Козаковъ, набранныхъ изъ крестьянъ. Козаки эти назывались *надворными* или *городовыми* и составляли гарнизоны въ укрѣпленныхъ замкахъ, подъ присмотромъ, однако жь, Польской шляхты. Не смотря на то, что Украинцы въ XVII вѣкѣ выгнали изъ Украины Католиковъ, въ XVIII вѣкѣ Католики опять были господствующимъ классомъ народа въ этой странѣ, ибо Россія не могла удержать за собою всѣхъ земель, отвоєванныхъ у Польши Козаками, и уступила Полякамъ всю Украину праваго берега Днѣпра, удержавъ за собою только Кіевъ. Долго усиливался гетманъ Дорошенко возсоединить обѣ стороны Днѣпра въ одну гетманщину, и хотя онъ палъ въ борьбѣ съ неблагопріятствовавшими ему обстоятельствами, хотя западная Украина нѣсколько разъ признана была Польскою провинціею, однако жь Запорожцы никогда не оставляли своей идеи, идеи противодѣйствія господству пановъ и Католичества въ Украинѣ. По этому, не смотря на трактаты между Россіею и Польшею, всякой *саталко* Запорожскій считалъ добрымъ дѣломъ пробраться въ Польскую Украину, напасть на дворъ какого-нибудь пана, вырѣзать все Польское, Католическое и Жидовское и награбить при этомъ всякаго добра, чтобъ, возвратясь въ свои степи, погулять на славу съ Козаками. Такъ какъ паны отдавали свои села въ аренду Жидамъ и мелкой Шляхтѣ, старавшимся всѣми мѣрами выжать изъ крестьянъ побольше доходу, или же управляли своими имѣніями посредствомъ губернаторовъ (управителей), экономовъ, лѣсничихъ и т. п., все Шляхтичей, позволявшихъ себѣ всякія наглости съ крестьянами для своего обогащенія, то господство ихъ поселяло къ нимъ глубокою вражду въ Украинцахъ. Къ этому присоединялось еще насильственное введеніе Поляками въ Украинѣ Уніи. И потому Запорожскіе выходцы, извѣстные вообще подъ именемъ *Гайдамакъ*, всегда имѣли межъ крестьянами своихъ сторонниковъ, а иногда присоединялись къ Гайдамакамъ и надворные или городовые Козаки. Наѣзды Гайдамакъ продолжались отъ конца XVII почти до конца XVIII вѣка въ большемъ или меньшемъ объемѣ. Часто цѣлыя поколѣнія пановъ Католиковъ погибали подъ ихъ ударами въ одну ночь, а дворы ихъ превращались въ кучу непла. Но самая кровавая драма разыграна была Гайдамаками въ западной Украинѣ 1768

года. Ова-то называється *Колівциною*, и къ ней относится значительная часть помѣщенныхъ въ этой книжкѣ преданій. Только помощь, поданная Польше противъ Гайдамакъ Россією, спасла тогда Поляковъ отъ совершеннаго истребленія ихъ во всѣхъ провинціяхъ, населенныхъ Южнорусскимъ народомъ.

ЧУПРИНА И ЧОРТОУСЬ.

(Вольный переводъ съ Польскаго рукописнаго мемуара.)

Початокъ Гайдамаччины, зъ якихъ часивъ вона ведецьця, Богъ, святой знає. Чувавъ я, що нище и за батькивъ, и за дидивъ нашихъ завжде показувались на Украини, да й на Подолу, Гайдамакы. А брались вони усе зъ Сичы! Знаєте, на Сичь утикає було всяка погань: хто або прошпетыцьця въ чомъ небудь, або вбъв кого, да боицьця, щобъ и самому на лобъ очей не поставили, то все тев билго на Запорожьжя. А знаючы уси входы и выходы, уси стежки, а часомъ и мстючысь на якого пана, приде туды, да: „Ходимо, брацьця, на Украину! Я вамъ покажу, де зимують раки.“

Ну, а тиі до сего торгу и пишки. Заразь зберецьця ихъ десяткивъ або и сотень скилько, выберуть соби ватажку, характерныка такого, що вже ёго хыба срибна куля визьме, да такъ якъ вовкы пидъ село, такъ вони було тыхо пидберуцьця на Украину. Де байракъ глухой такый, що ни звирь, ни пгыця не знає, де хуторокъ або пасица стоить на одшыби, тамъ вони переднюють, а въ ночи якъ смыкнутъ, то мыль десятка якъ не було. Эге!

А вйська, знаєте, тогда у Ляхивъ на Украини не дуже товсто було: де-негде команда та паршыва дере крупы, да латає чоботы по замочкамъ. То вони похозяйствуютъ у панивъ, да въ Жыдивъ якъ у себе въ господи, навьючать усякымъ добромъ батовню коней, да й гайда назадъ! Покажуцьця и зслызнуть такъ живо, якъ нибы во снѣ прысбылось: тилько й знаку, що въ Ляхивъ, да въ Жыдовы скрыни пүстыи, да въ нишого душы въ тили нема. Отакіи-то булы тиі затизьци!

Ридко, ридко колы удавалось жовнирству застукаты ихъ саме на хазайствѣ, хыба здрадою. А то було прыблизить корогва гусаріи, чы рейтаръ на чутку, що *Гайдамакы деруть*, да полчыть тилько слиды одъ пидкивъ на шляху, да зъ тымъ и вернецьця. Але вже якъ и застукують, то и имъ, сердечнымъ, добре було доставецьця.

Довелось и мыни быть разивъ зо два у тій справѣ. Ото разъ стоялы мы въ Полонимъ, замку у князя Любомырського. Ажъ ось, саме увъ обидню годину, якъ мы, выпившы по чарци, тилько що взялись за ложкы, летыть гонецъ. Кинь пидъ нымъ ажъ хытаецьця, а низдры роздуло ёму якъ рижокъ. Заразь ёго, такъ якъ бувъ, у грязи и въ пылу, передъ Князя.

— „Що таке?“

— „Гайдамаки на Подолу. Просить лиментарь Подольський посылку, бо самы нычого не вдіють.“

— „А багацько жь ихъ?“

— „Сто кильканадцять чоловіка.“

— „Добре. Завтра самъ зь військомъ рушу.“

Заразь ёму другого коня и выправылы назадъ.

Отъ, мы вже тогда годи вылежуватысь на сонци, а давай лагодытысь у походъ: перечыщать самопалы, споряжать кульбаки, патронташы, уюки. Назавтра, скоро свить, зайграно въ трубы, и рушылы зь замку. Пихоту й гарматы везлы пидводамы. Третёго дня стали й коло Ялтушковъ, де Гайдамаки обсыклись у лису. Ото стали въ ряды. Панъ лиментарь пріихавъ, подывысь. — Ну, теперь оддыхайте, да будьте готовы на ничъ. Треба добре пылноваты, а то выскочать зь рукъ, якъ мыло въ воду.

Ото одночывшы, якъ наставъ вечиръ, пылнуемо мы. Кругомъ лису поставлено мужыкы вь килько тысячъ зь ципами, а декоторы и зь рушныцями; а за нымы, одступывшы ступеней сто, чы бильшь, стало військо: те, що прышло зь самымъ лиментаремъ, своимъ чередомъ, а наше своимъ чередомъ, а було всихъ тысячъ зо дви, и гусары, и панцырныкы, и пихота, — чого тамъ не було! И вси на ту жменю тыхъ гольтипакъ.

Сыдымъ мы, огни скрызъ розложилы, балакаемъ де-що, але все тыхо, бо заказано було одъ старшыны, щобъ, Боже бороны, якого гвалту, а щобъ добре чувалы. Я ще тогда бувъ молодой, не знавъ ище, що то за Гайдамаки; то дивно мыни стало, що таке військо на нихъ зобрано. Отъ и пытаю у одного старого гусарына, що вже ёму усы росли, росли, да ажъ за ухо закрутылысь. — Що оце, дядушка, — кажу, — за дыво таке си Гайдамаки, що ось на нихъ уси ко ровгы стягылыся?“

— „Эге, — каже, — а ты, хлопку, ще не знаєшь, що то за звирята? Коли бь у жадного зь насъ було по десять рукъ, то ще ва ихъ мало, бо тиі галганы обороняюцьця мовъ скаженны. Вони знають, що вже имъ помилванія не буде; то кыдаюцьця на людей, якъ проды, и часомъ пробьюцьця скрызъ цылый повкъ, не то самы, а и зь усією добыччу. Ось завтра побачышь, якъ вони повбираны. Се въ насъ такъ спорядылысь, бо зь Сичы попрыходылы въ одныхъ лоёвыхъ сорочкахъ, да въ телячихъ шэроварахъ.“

— „А якый же, — кажу, — ватажко теперь имы доводитьъ?“

Каже: — „Иванъ Чупрына. Пятнадцять разъ уже выходыть вынъ на добычу; разивъ скылько пробывавсь скрызъ нашихъ жовныривъ, да вже теперь, здаецьця, дамо мы ёму перцю.“

Отакъ мынула и ничъ. Стало на зорю займатысь. Коли жь по той бикъ лису, де стояла пихота, самопалы — пукъ! пукъ! перше зридка, а дали разъ по разъ. А тутъ зь гарматы — гу! пишла грукотня по лису. Дерево трещыть, да падае. Крыкъ, гамъ! Гарматы ревать, а луна по ранній роси такъ и розлягавцьця.

Наши заразъ на коней, а мужыкы злякавшысь навтикача. А мы тилько рушылы ихъ перейматы, ажъ тутъ изъ лису душъ сорокъ Гайдамакъ, вси въ кармазыни, да въ блаватасахъ, такыя гетьманы выскочылы, що ажъ очыма на ихъ не зглянешъ, и коней навьюченыхъ зъ двадцяттеро зъ собою ведуть. Выскочылы, да якъ ударять зразу на чотыри корогвы Волоськыи, що стоялы спереду, такъ ихъ и розидралы на дви часты. И отъ якъ бачышь, часомъ блыскавка зъ грому впаде на дуба, або на густу да стару сосну, да якъ розчახне ии одъ верху до низу, то одно гильде на сей бикъ, а друге на той бикъ важко впаде и затрещыть: оттакъ тии Гайдамакы розвалылы велыку купу Волохивъ, а самы, якъ весною огонь по сухымъ очеретамъ, такъ и понеслысь, такъ и понеслысь по полю, ажъ поле закрасылы. А Волохы якъ сунулысь на компутовыхъ, а тутъ ще й мужыкы побиглы, куды хто втрапывъ, то все такъ змишалось, якъ каша, що вже чортъ бы й найшовъ свою лаву; вертысься кругомъ, язъ коза въ череди, да й годи. Описыля вже декоторы опамняталысь и побиглы за нымы, але *въ пустый сльдъ, хочъ тупыцею* Гайдамакы вже за селомъ, а село за нымы до неба падае.

Але тимъ, що булы на другимъ киньци лису, выпала инаша доля. Ще, кажуть, зъ вечора ватажко Иванъ Чупрына, гріючысь коло багаття, постеригъ, що вся мужа зъ сорочки зибралась ёму до ковнира, да й каже: — „Отеперь же, панове, буде намъ льхо зъ вражымы Ляхамы! Бачыте, якъ уся мужа зибралась мыни до ковнира!“

То вже Гайдамакы, почувшы сев, повисылы носы и запысалы соби пропадо. Але Запорожець не такъ пропадае, якъ простый человекъ. У нихъ вовча натура: уміе добре шарпаты, уміе жъ и вмерты, не скиглячы дармо. Отаманъ и каже: „Роздylimось же, панове, на тры батовы; то кому-небудь да поможе Господъ выскочыть зъ западни, а въ купи вси пропадаемо. Чекайте, каже, мого гасла зъ пистолета. А якъ почувете гасло, заразъ два разы зъ янчарокъ на Ляхивъ грукныть, да й зъ Богомъ на проломъ!“

Отъ, якъ стало займацьця на зорю, то винь и полизъ рачкы на край лису, щобъ подывытысь, що Ляхы роблять. А зъ нымъ порачковало зъ десятокъ молодцивъ, и зачепысь одынь лизучы рушныцею за гольючку! Рушныця—бехъ! а на те хвальшыве гасло по лису трахъ! трахъ! пышла гуркотня! Пыхота наша заразъ до лису, да зъ самопалывъ и затопыла. Чупрына лигъ, кажуть, одъ первой кули, а Гайдамакы ще не вспылы впасть на коней и потрапыть до ладу, а тутъ ще й ватажка немає! Збылысь воны зовсимъ зъ пантельку! Одиаче жваво вражы сыны боронылысь: убылы пидповковныка Ляцького, скылькось охыщерывъ и зъ сотию рейтаръ. Але и имъ добре було: разъ то, що стрельба кругомъ, а тутъ зъ гармать що ревнуть, то дерево по поламъ, або и все въ скипкы розскочыцьця и падае на нихъ. Жарко було дуже сиромахамъ. Выбыто ихъ мало не всихъ, а решту пораненыхъ и постриляныхъ забрато въ плинь. Найшылы самого Чупрыну мертвого. Здорова да гладка шельма! Лежыть выверувшысь, якъ быкъ, що довго рывъ пидъ ризныцькою довбнею и завадавъ усимъ страху, а дали такы, хочъ якый дужый бубъ, упавъ, сер-

дечный, и землю глыбоко вдавивъ; лежить, якъ гора, и на мертвого ще страшно дывытысь. Оттакъ же й той Чупрына, велькый да страшный, лежавъ у пышныхъ кармазынахъ рядома зъ старымъ дубомъ, що звалено гарматою. А броня пры ёму, и на кони збруя така, що не-счисленны грошы коштуе: Срибло да золото, да робота, робота жъ така, що ажъ очи бере! На обохъ рукахъ у ёго дорогыхъ перстнивъ, по кышенямъ золотыхъ дзыгаркивъ скилька, и грошей, то и зличыты не можна. Да и на всехъ Гайдамакахъ, и коло самыхъ, и коло коней, знайдено срибла, золота и всякихъ дорогыхъ матерій на великыи ты-сячи. Усе те подилыды мижъ собою жовниры и лейстровы Козаки. Доставсь и мыни ригъ зъ порохома у срибній оправы, да ладовныця подь срибною бляхою. Але все те якъ прышло, такъ и пышло: про-пало въ Уманську руину. Ото подилышысь добыччу, раненыхъ оди-слалы у Каменецъ на зтрату, а мертвыхъ закопалы въ Ялтушовско-му такы лиси, надь шляхома, и могылы надь нымы насыпалы високу.

Ото була перва моя справа зъ Гайдамакамы. А зновъ рокивъ черезъ два пышла по Вкраини поголоска, що зза Сынюхы ричкы вышла добра купа Гайдамакъ зъ ватажкою *Чортовусомъ*, да прошла ажъ на Подильля, награбовала срибла, золота и всякого добра скиль-ко уюковии кони знесуть, и повергае назадь лисамы да байракамы. Але нихто не знавъ, де саме вони теперь и въ якому мисьци выт-кнуцьця на степену изъ лису.

Тревога зробылась усюды така, що Боже твоя воля! Не було иншой розмовы, якъ про Гайдамакъ. Оце сёгодня почувешъ, що тамъ и тамъ спалыды пана зъ паніею и зъ дитками, а завтра, що напалы на кляшторъ и всехъ ченцивъ Кательцькыхъ выривалы. Той каже, що бачывъ людей якыхъ чудныхъ; а той, що въ одномъ шынку на-ткнувсь на самого Чортовуса: сыдыть за столома въ червонимъ жу-панн, руки по локоть закачаны, по кармазыновымъ рукавамъ чорна кровь Жыдывска стикае; кружавъ видромъ горилку и никого не бо-ицьця, бо вміе такъ робить, що оце е, а схоче, то й нема. Шо день, то все страшійшыи слухы: сёгодня скажуть, що въ ёго тры сотни молодцивъ, а завтра тры тысячи. По дорогахъ знай товчецьця Жы-дова зъ усимъ збожемъ; утикають то до замочкивъ, то до мистечокъ. Выславъ Князь Любомырьскый зъ Полонного двоухъ, чы трёхъ, Жыдывъ на розвидыны, обещавъ вельку плату, але Жыдова такъ боялась Гай-дамацькыхъ лапъ, що повертылась трохы поза мистечкомъ, да й вер-нулась ни зъ чымъ. Тогди призывае Князь мене, да Ласуна, да Глад-кого, да ще Лободу. — „А що, — каже, — Козаки! Чы послужыте вы мыни по вирн и по правди?“

— „Послужымъ, — кажемо, — мылостывый Князю и батьку.“

— „Отъ же, — каже, — вамъ по десять червинцивъ на дорогу. Идыте и привезите мыни певну звыстку, де Гайдамакы и скилька ихъ.“

Взялы мы, поклонылысь и поихалы вси четверо пынымъ шля-хамы. Довго бився я по пуцахъ и бездорожжяхъ, ажъ покы пры-бывсь до одного хутора. Лисъ кругомъ густый такый, що тилько не-бо да землю выдно, а хатынка стоить однимъ одна, и на бикъ уже

похылылася, и въ землю вросла, а солома на їй уся одь моху, да одь бурьяну ажъ зазеленила. Ни дороги, ни стежки до тїи хатки нема; тилько поузь самый причилокъ тече навельчкый ривчакъ. Думаю собі: видно жь тутъ нема никого! Колы жь дывлюсь, ажъ пидъ повиткою за хатою сыдыть дидь, сывый, сывый! Бровы ёму понависали ажъ на очи, а борода до пояса. Сыдыть и струже стругомъ держано на ратыще, а била ёго пидъ повиткою стоить зъ десятокъ ратовищъ зовсимъ готовыхъ. Отъ я, злизшы зъ коня, прышовъ до ёго; а винь мене и не бачыть, що я йду: струже собі, да бурчыть щось. Я прышовъ такы близенько, да и ставъ: послухаю, що винь бурчыть. Колы жь чую, що то винь писню старосвицьку хоче спиваты, да вже голосъ ёму дрыжыть и не выведе, тилько муркоче:

„Перебійнишь просыть немного, трошь Козаченькивъ за собою, Рубав мечемъ головы зъ плечей, а решту топыть водою:

Ой пийте, Ляхы, воды калюжы болотяныхъ,

А що пывалы по тїй Украини меды, да вына сытныи!“

— „Здоровь,—кажу,—дидусю!“

— „Здоровь,—каже,—здоровь, дыти мое!“ да й не дывыщця такы на мене.

Я думаю собі, якъ бы тутъ зъ нымъ заговорыты, да й мовчу. А винь тогда пиднявъ свои важки билыи бровы, да глядь на мене: — „Э,—каже! — А що ты за чоловікъ?“

— „Оттакъ,—кажу,—якъ бачь, чоловікъ хрыщений, волочусь безъ талану.

— „А чы наша впра?“

— „Наша“—кажу.“

— „Чого жь тоби, сынку, треба?“

— „Треба,—кажу,—мыни напередъ усёго попоисти.“

— „Правда,—каже,—сынку, правда. Попереду треба нагодовать чоловіка, а тогда вже й роспытуй.“

Заразь пивовъ, несе мыни хлиба, сала, меду, бо и пасичка въ ёго тутъ невеличка загорожена. Попоившы, я кажу ёму, що хотилы ныбы мене Ляхы повисыты за те, що я згубивъ пеській дзыгарокъ, а я втикъ, да хочу пристать до Гайдамакъ, тилько горе мое, що не знаю, де ихъ знайты.

Винь тогда мыни и каже: — „Добре, сынку. йдь же отуды и туды, мимо такого й такого дуба, то тамъ ихъ и знайдешъ на урочыщци *Обозовищи*.

А самъ зновъ сивъ, да й почавъ стругать ратыще.

Поихавъ я, ажъ такъ: у яру попидъ густымы дубамы кони ходять и жупаны червоиють де-не-где. Прихавъ я ближе, ажъ стоить пидъ дубомъ Козакъ зъ ратыщемъ на вартѣ. Я заразь по Запорозькій: — „*Пугу!*“

А винь мыни: — „*Пугу, пугу!*“

А я знову: — „*Козакъ зъ Лугу!*“

— „А де той Козакъ зъ Лугу?“ крыкнувъ хтось товсто изъ лицу: — „А йдь лышень сюды!“

Я й їду. Дивлюсь, аж супротывъ мене їде здоровенный Запорожець зъ усима, що я ще зъ роду не бачывъ: чорны, чорны, да довгы, да роскошны такы, що ажъ вылыскующьця. Жупанъ на ёму шовковый червоный, ажъ свитьщья, якъ огонь; шапка червона схлыста, поясъ золотый, за поясомъ pistolsы, пры боку шабля, кульбака; и стремена все те въ щыримъ золоти, ажъ горыть. А кинь пидъ нымъ пречудовнои уроды: билый якъ лебедь, такъ и одбывае одъ зеленого лису и травы, ты бь сказавъ, що й земли не доторкащья. Знявъ я шапку и поклонивсь ажъ до кинської грывы; забувъ, що то й Гайдамака; такъ бы, здащья, взявъ, да й пидославъ ёму душу пидъ ноги: стою передъ нымъ, якъ передъ гетьманомъ, або передъ королемъ.

— „А що,—каже,—брате! Чы наша вира?“

„Наша,—кажу,—вельможный пане,“

— „А ну, перекрестысь!“

Перехрыстывьсь.

— „Ну, їдь же,—каже,—соби до куреня!“

Прийхавъ я, ажъ той курень увесь обсыпанъ валомъ. Впущено мене черезъ ривъ у ворота. Якъ уихавъ я, да якъ гляну, то въ мене й въ очахъ зарябило. Повно Козакивъ, да вси жь то повбираны такъ, що й не розказаты: кармазынь коло кармазына, срибло коло срибла, золото коло золота. Такъ якъ отъ, часомъ, зимою зайдешъ у вынныцю, да прислдешь коло печи погрищья, да подывысься, що тамъ у тій печи робыщья того жару: и красне, и жовте, и сыне, горыть, ходыть, мыгыть и мрїе, ажъ нибы ворущыщья все: такъ у тимъ табори ходылы одынь поузь одного Гайдамакы; той у червоному, той у жовтому, той у блакытному; а золото на ихъ якъ огонь сяе, що й очыма не зглянешь. На сылу я трохы освоивсь, що вже не такъ дько мыни мижь ными стало. Поставывъ свого коня до ясель. Нихто въ мене не пытае, що я за чоловікъ. Слоняюсь я помижъ ными якъ дома. Дивлюсь, ажъ Ласунъ уже тутъ. Ходыть, заложывшы руки за поясъ, тилько вылѣтамы помахуе. Зъ старшыною вже за панибрата, а мене будимъ и не бачыть; тилько погладывъ уса, да бровою моргнувъ, подывышыся на мене зъ убоча.

Колы жь на другый день прийїжае и Лобода зъ Гладкымъ. Попрыбиралысь мужыкамы и прывелы нибы-то коней продавать. Ласунъ самъ и торговавъ у ихъ и могорычъ изъ ными пывъ, да нышкомъ и сказавъ, що Чортовусъ жде, покы постягающья ёго чаты, бо теперъ ще тилько дви чаты зїйшлось, а ще дви злучащья зъ нымъ у *Мазепиний Могыли*, що завтра мы туды рушымъ, то щобъ Князь бувъ готовъ и державъ ногу въ стремена а зъ насъ або Ласунъ, або я, дамо дропака и Князю дорогу покажемъ.

Выправылы тыхъ коноводивъ, а самы другого дня пишылы у Мазепину Могылу. А та Мазепына Могыла да есть то островъ увесь у бору, а кругомъ таке грузьке багно, що ни чоловікъ, ни кинь,

ми собака не перебрыде. И на той островъ черезъ багна высыпано три гребли.

Не заборомъ надійшла ще одна чата зъ великою добыччу. Отъ, якъ зробивсь пидъ той часъ галась и кружатына въ табори, то я улучивъ счасливу годину, да на коня, да драла. Прыбигъ о пивночи у Полонне пидъ замокъ, пидъ *Кіевську* браму, стукнувъ, — не пускають мене, бо не пизнали: жупанъ на мѣни перловый, гудзыки рубыновы, поясъ лытый, шапка соболѣва, да насылу вже впустилы. Заразь мене до Князя. Такъ и такъ, мылоставый Князю; ще тилько одили чаты дочекаюцьца, да й рушать пидъ Константиновъ. бо чуюцьца на сылахъ. Треба поспшаты, щобъ не выпустыть ихъ изъ того острова.

Зазаръ усе вѣйсько на коней, а пихота на пидводы, забрали гарматы й порохы, поїхалы. А я конемъ попереду, дорогу показую. Було то полѣванье на страшного звиря, що и очы, и уши, и чутъе добре мав, а ще луччыи кихти. Заказано пидъ великою карою, щобъ ниhto не говорывъ и люльки не курывъ.

Звернули зъ шляху, потягнулысь лисомъ, мовчки, тыхо, тилько колы-неколы колесо гарматне чы возове стукне, найхавшы на корень, або трисне суха гольюка. Ишли день и ничъ зъ малымъ одпочынкомъ, а дали влизлы у таку гуцynu, у таку трущобы, вертепѣ и выбои, що ледви, ледви вытягали возы и гарматы зъ того ковтуна. А тутъ ничъ темна така, що тилько навманы вгадуешъ дорогу. Але такы, благодарыть Бога, вышлы безъ прыгоды зъ тѣи гуцыны и выбралысь на ридкый биръ. Я злизъ зъ коня, да зъ радощы ажъ землю поциловавъ.

Ото жъ скоро вже дѣйшлы мы й до того пасичныка, що ратыща струже. Обскочылы ёго кругомъ и взяли въ свои руки. А винъ тилько подывивсь, пиднявши вгору бровы, да сказавъ: „Отъ же вражи Дяхы такы пронохалы, а потимъ зновъ насупывсь, да й байдуже: знае вже, що такъ не сѣгодня, такъ завтра смерть. Але такый же старый да сывый бувъ той пасичныкъ, що ниhto ёго не бивъ и не лаявъ. Посадылы ёго на визъ, ще й сина пидмостилы, да й поїхалы до Мазепыной Могилы.

Переночовалы въ невеличкымъ сельци. А врѣзныци позганяли мужыкывъ изъ околицъ зъ раламы и зъ сокырамы. Було ихъ душъ, мабуть, зъ тысячу. Рушылы далше и въ ночи пришлы до якогось урочыща. Тамъ, выдно, була колысь давно таборщына, бо лису на килько гоней вырубано и позоставалысь вали и ровы. Усовитовавъ тутъ одынъ Козакъ перегодыть, ажъ покы на неби зайдуть Козаре. А небо було чысте якъ хустка и скрызъ зорямы заискрено. Але Князь боявсь, щобъ Гайдамакы тымъ часомъ насъ не довидались.—„Не бѣйтесь,—каже,—ниhto сюды не прыйде, бо кажуть, що се мисъце закляте; тутъ, кажуть, по ночамъ видьмы да упыры выгравують свои штукуы, зъ того-то воно и зовецься *Куцого чорта слобода*.“

Ото якъ переждали годинъ зо тры, то почалы зныкаты зъ неба зори, а на неби красныи плямы одъ багатыя, що горило въ Гай-

дамацькимъ табори. Рушылы мы тихо и прышедшы до самыхъ гребель, порозставлялы передъ кожною греблею по шесты гармать, и ровы передъ гарматамы повыкопувалы, а округы гармать пихота стала. Мужыкыиъ зъ сокырамы розставлено кругомъ попидъ соснамы, и скоро гукнуть по разу гарматы, заразь щобъ рубалы сосны. А рещту пихоты порозставлялы зъ рушныцямы понадъ багномъ, щобъ стрелять хто выткнецьця зъ лису.

Почало вже сирить. Сердечныи гулякы сплять соби, и не слыцьця имъ, що вже ихъ поймано въ матню. Ажъ ось, заразь изъ самои бильшой гребли шнсть гармать — бубухъ! а зъ другои гребли увъ одвить — гу! а зъ третей зновъ — гу! Затрещалы и загулы по лису сосны; а тутъ въ разъ застукало тысяча сокыръ объ дерево. Ой не весело жъ було Сичовымъ молодьцямы просыпатысь пидъ такый гукъ и трескотъ! Утыхлы гарматы, давшы по два разы огню; пересталы й сокыры. Я взявъ морську трубу и закрычавъ: „Здайтесь на ласку паньску, бо обгорнуты кругомъ!“

Жадного одвиту. Тыхо, тилько дымъ курить понадъ багнамы, пидіймаючысь въ гору! Ажъ ось на гребли затупоталы кони и крыкъ: „Гоны! Ловы! Постой, Кырыло!“ и покы пихота дала огню, якъ ось, летыть бисомъ щось на кони и прямо помижъ гарматы! Тилько тогди позналы Ласуна. Погоня Гайдамацька завернулаь, бо жарко повіяла пихота съ самопаливъ; чоловикъ зъ десятокъ покотылось зъ кульбакъ.

Отъ, и день развыднывся. Окрыкиувъ я три разы ихъ, щобъ здавалысь. Ажъ за третимъ разомъ гукнули зъ лису, добре потчуютчы и насъ и нашихъ матерокъ. Зновъ загуркоталы гарматы, затрещавъ лисъ, застукалы сокыры. Годынъ за три поробылы кругомъ багна засыкы, а соснамы завалылы кругомъ Гайдамацькый таборъ и самыхъ надушылы гибель. Пробовалы сердегы одстрелюватысь, пывылазышы на сосны, а наша пихота соби брала ихъ на циль; але багно було дуже шыроке, то не багато воны намъ шкодылы.

Отакъ и день цылый пройшовъ. Стукъ да гримъ, да курыва понадъ лисомъ. А якъ стемнило, усовитовавъ Ласунъ поробить тайно на гребляхъ завалы зъ гильюкъ; пенькыиъ, килья и хворосту, щобъ кинно черезъ ныхъ перебраться нельзя; бо запевне знавъ, що Гайдамакы пйдуть проломомъ. Здався намъ на добро ёго совить, бо справди Чортовусъ, роздильшы свою ватагу на три купы, смыславъ ударыть разомъ трома греблямы и прочыстыть соби дорогу.

Чатовалы мы всю ничъ пидъ оружемъ, преслихалысь до всякого шелесту. Якъ ось, о пивночи затупотилы кони, перше глухо, а дали все чутнійшь, якъ стали пидходить до гребли, а нарешти загула гребля одъ чвалу копыть, а Гайдамакы загукалы: „Нуте, брацьця, або добуты, або дома не буты!“ и прыпустилы на взаводы. Дана имъ зблызытысь, щобъ зтягнуть усыхъ на греблю, а потимъ гу! заревлы гарматы. Огогди вже зробылось правдыве пекло. Що мнута, то й гукнуть гарматы не зъ того, такъ зъ того боку. А пораненыи крычать, кони иржуть да бьюцьця помижъ понавалованымъ

гильямь, дерево скризь трещить да падае, а по бору луна такъ и розлягаецца. А ничъ же то темна, темна! Тилько разъ по разъ сле красный огонь зъ гармать. Сайне, окаже кругомъ людей, коней, блискучу зброю и рудый дымъ клубами зверху, да зновъ и погасне, тилько реве да стогне кругомъ у темноти. Правдыве було пекло! Цилу ничъ стрелялы пушкари, мовъ завязавши очи; тилько чулы, що на гребли ворожаецца все и кипить якъ у казани. А якъ розвиднило, тогди тилько побачылы, яке лихо сталось Гайдамакамъ. Думалы пробыцца, сиромахы, черезъ греблю и, позабывавшысь въ завалы, пропалы тамъ якъ бжолы въ боцци пидъ пасичною дубешкою. Якъ бжолы карабкаюцца, тонуть и вязнуть у густій патоци, колы пасичныкъ выверне въ бочку важкыи да повныи забощни, такъ воны, сердегы, вязлы помижъ гильямь и тонулы въ багнахъ. Лежало ихъ гибель. Ажъ жалъ було дывицца. Народъ усе здоровый да роскошный, и кони добры; да все жъ то те пороздырано картечами и покрывавлено. Лежать, бидахы, повывертывшысь, густо, якъ снопы на хорошій ныви. Якъ молотныкы, вставшы зрана, стануть у два ряды на довгому току, и спирно бьютъ дубовыми щипами снипъ за снопомъ, ажъ покы разлетицца увесь соломою: такъ ихъ порозбывано картечами, пороздырано чугунными кулями на шматкы и перемишано зъ потрощеными гильюками и колодами. На велькій гребли, у завали, знайшлы й самого Чортовуса на колоди. Ныць лежавъ, сердечный, головою на колоди, роскыдавши крыжемъ руки; а усы, мовъ дви чорныи гадыны, роставысь по колоди, у крови уси, дай позасыхалы. Картеча вдарыла сиромаху саме въ груди и выскочыла въ спыну, распоровшы пышный кармазынь. Кровь изъ раны потекла и по всѣму жупану, и по золотому поясу, залыла й дорогого билого коня, що лежавъ пидъ нимъ забытый. Шаблю пры Чортовусу и оружє найшлы пречудовне, але нихто бъ не зхотивъ ёго носыты, бо Чортовусъ бувъ, кажуть, чаривныкъ и все те наговорено чарамы да прымхою. Одынь Князь Любомырскый не боявсь ни якыхъ чаръ и взявъ соби ту шаблю и зброю. Пораненыхъ душъ тридцять забралы и повезлы до Полонного на зграту, добычу подылылы помижъ вѣйськомъ, а трупы четверговалы и розставлялы на паляхъ по селахъ и шляхахъ, але зъ того бильшь було людямъ обрыдлывости нижъ постраху.

Ого и друга наша справа. Се діялось куды ще до Колывщины!

ШЕДЕСТЬ, ЛУСКОНИГЪ, ГНЫДА И ЗАЛИЗНЯКЪ.

Росказуе було покойный нашъ Гладкый, що Гайдамакъ зъ самого початку прышло изъ Сичи въ Мотреный монастырь тилько тры, нибы то на поклоненіе. И такъ соби нибы никчемный народъ,

вахлаи такыи; ходять було схыльышысь. Одынь же пишовъ у Лебедынськый монастырь. Звався *Демьянъ Гныда*. А другый, на прозвыще *Лускошигъ*, пишовъ у Моженськый монастырь; а третій, *Шелестъ*, зостався тутъ у Мотрениному за послушныка. Жыве, каже, годивъ зо два и все робыть ратыща, скуповуе жупаны, шаровары, шапкы, чоботы. То якъ хто спытае: „На що се, брате?“ — „Се, — каже, — подамъ у Сичъ гостыньця, бо тамъ усе тев дороге, а народъ знай прыбувае, то трудно на одежу.“

Мы жъ тому й виримъ, думаемъ, що справды то винъ хоче податы у Сичъ гостыньця. Коли жъ иду, каже, я разъ до церкви у Мотренинъ монастыри, ажъ винъ, той Шелестъ, стоить на стезьци, саме на *Спасовимъ Яру*, и вже въ жупани. Бо перше було ходыть у неврешенькый свитоцьця, а теперъ вже, — каже, — ёму жупанъ, сыни штаны, шапка добра, шабля прыпасана, за поясомъ pistolsеты, — ёсть все чысто. „Здоровъ, — каже, — брате Антоне!“

— „Здоровъ!“

— „Прыставай, — каже, — у Козаки.“

А я кажу — „Що жъ? У мене й батько, й маты, й браты ёсть, то будуть мене лаять.“

— „Да прыставай — каже — у насъ буде добре, въ насъ такъ буде, въ насъ такъ буде. Мы, поky вику, Козаки Козакамы будемо.“

„А мнии страшно; я й кажу: — „Намъ и такъ добре.“

— „Да прыставай!“

Я ще такы боюсь.

А винъ: — „Иды лышень до воза!“

Иду, ажъ и возокъ за деревомъ стоить. А коло визка Жыдь и Ляхъ лежать повязаныи. Я якъ подывывсь на ныхъ: — „Э, се жъ уже щось не добре, колы вяжуть!“ да й страхъ мене ще бильшыи узаявъ.

А винъ тягне зъ визка баклагу: — „Пый, — каже, — горилку!“

А я кажу: — „Що жъ, брате; ще рано; ще тилько до церковь задзвонили.“

— „Да пый, — каже, — брате. Одынь тому часъ, що неvistка въ плагти.“

Якъ узаявъ, якъ узаявъ коло мене впадаты. Я, ничого робыть, напывьсь трохи.

— „Пый ище.“

Я ще напывся,

— „Прыставай, — каже, — брате!“

Але я все такы боюсь.

Тогди винъ насыпавъ на долоню пороху, да розтеръ, ростеръ зъ горилкою, да якъ помазавъ мене по выду, то така заразы охота взяла, що тилько дай спысь у руки, то, здаецьця бь, пишовъ, да й душывь бы всякого.

Винъ заразы мнии жупанъ, шаблю, pistolsеты прыпасавъ, убравъ мене зовсимъ по Козацькый, и ратыще давъ. — „Ходимо жъ, — каже, — за клена, да тамъ и стій, да хто бь ни йшовъ, хто бь ни йхавъ, беры, й вяжы!“

Пишовъ, каже, я за клена; колы жь дывлюсь, ажь усюды вже Козаки й стоять поза деревами. А винь-то хотивъ, щобъ ниhto не давъ звисткы у Жаботынъ команди. Поставивъ мене: — „Гляды жь, добре пылнуй, щобъ ниhto не пройшовъ, не проихавъ.“

Отъ, я постоявъ тамъ трохы, покы той чадъ пройшовъ, да потимъ якъ одумаюсь, якъ схоплюсь за ратыще, да якъ пушчусь додому! Прыбигъ, а батько: — „Де се ты бувъ?“

— „Вида, кажу,—тату! Шелестъ Козакивъ уже збирає.“

Отъ батько полаявъ мене трохы, да й каже: — „Ховайся жь, вражий сыну! А то буде тобі одъ ёго льхо!“

То якъ пишовъ я ховацця, то ховався ажъ тры годы.

А Шелестъ якъ почувъ, що вже команда про ёго знає и пишла на Ведмедовку на *Пис.рську Гать*, то зобравъ, саме на Святу Недилью, двисти Козакивъ, да прямо у манастыръ. Да чудно, що де тыи Козаки удругъ узялись, де воны и коней набрали и усёго. А народъ тилько що зъ церкви почавъ виходить, ажъ сии назустричь; то народъ такъ и шарахнувъ зъ манастыра: „Э, се жь Гайдамакы!“ А Шелестъ и почавъ гулять зъ Козакамы: музыкы, письни, танци!

А манахы ничого имъ; сыдять соби по келіяхъ, бо давно ще про тев зналы. Ще скоро Шелестъ прыйшовъ у Мотренынський лисъ, а тамъ тогда булы великыи трущобы, гущына непроходьма, и живъ тамъ улису одынъ чернець, — ще й досы келійка стоять: то винъ и сказавъ заразы тому ченцеви: — „Иды.—каже,— соби звидси, отче, тутъ тобі не жить, бо тутъ Козаки будутъ, тутъ буде таке, тутъ буде таке!“ То чернець и зойшовъ зъ того мисьця и выкопавъ соби у другимъ мисти пещеру, такъ, може, якъ до того плетня попыдъ землею, муръ стоять.

Отъ же, погулявши-то тамъ Шелестъ зъ Козакамы, и повивъ ихъ у лисъ на *Сигъ*. А тамъ есть таке мисто у Мотренынському лису, що и звидси байракъ, и звидты байракъ, а посередыни такъ, якъ шпыль стоять. То воны на тымъ шпылыку обрубались и жыды годивъ зо тры. Оце було поїде ихъ чоловікъ десять, пятнадцять, да попадуть якого чоловіка, и давай мучить, щобъ казавъ, у кого є грешны, або хороша одежа, да прыдуть у ночи, да й деруть. Такъ що всяку ничъ було люде выбираюцця спать у бурьянъ, але часомъ и въ бурьяни знаходылы. А команда до ихъ не прыходыла, бо и сама боляла. Да що тамъ тиви и команды було!

Отто якъ зобралось ихъ у кожному манастыри по трыста чоловікъ, то и *Зализнякъ* зъ Запорожьжя прыхавъ, да зобравшысь до купы, усихъ девять сотъ чоловікъ, и рушылы въ Польшу. Прышлы въ Талне, а тамъ ярмарокъ; то ярмарокъ такъ и сунувъ! А *Зализнякъ* пославъ завертаты: „Не бійтесъ, люде добры, не бійтесъ: мы васъ не зачепымъ; гуляйте соби и базаруйте!“

А зъ Талного пишлы до Уманя. И тамъ тежъ ярмарокъ. Да якъ побачылы, що йде *Зализнякъ*, то ярмарокъ у замокъ и заперсь. А воны замокъ узялы, да й выризалы усихъ *Ляхивъ* и *Жы-*

днів. То казавъ мѣни Лопата,—а той Лопата да бувъ три годы чурою при Зализняку; то казавъ, що отакъ изъ замку кровь бигда (показывая за косточку ноги.).

Отъ, якъ опановали Умань, то й поставили усюды свѣй карауль. Коли жъ йдуть два Дони: одинъ нибы-то старшій, а другій простій. Зализнякъ прынявъ ихъ за гостей, угощає такъ, що куды! Ажъ ось, трохи згодомъ, иде зновъ три Дони. Винь и тихъ прынявъ. Коли жъ иде чоловічка уже пять Гусарь. Тогда винь и постеригъ уже, що бѣда буде, да й зове Лопату, свого чуру, — а се самъ Лопата й розказувавъ мѣни.

„Иване!“ каже.

А я, каже, а я кажу: — „Чого, батьку?“

— „Иды лышь, каже, уже сюды!“

Я, каже, й пишовъ, такъ изза грубы въ грапськихъ домахъ. Винь узявъ, розщепнувъ каптанокъ, разщепнувъ чересь коло себе, такъ якъ кычка набытый червиньцями:—„На, каже, тоби сей чересь; якъ вывезешъ, то будешъ мене згадувать.“

— „А вы жъ, батьку?“

— „Э, мы,—каже,—туть пропадемо.“

Уже постеригъ, сердечный. Кажу:—„Якъ же я звидси выйду?“

Каже: — „Визьмы мого коня, да веды до воды. Якъ стануть тебе пытать: „Куды йдешъ“? то ты скажы, що поведу батькового коня наповать; то вони й пытать.“

Колы жъ я выгляну зъ хаты, ажъ уже вляжуть Гайдамакъ, и оце вляжуть двоухъ за руки спынамы одинъ до одного, да й мишокъ земли на рукахъ положить; то вони бидныи й стоять такъ по двое вкупи. А я взявъ коня, да й веду. А вже всюды Московська сторожа стоить, и пытають мене: — „Куды йдешъ?“

— „Поведу,—кажу,— батькового коня наповать.“

То вони й пустылы.

Отъ я напоивъ коня, и вже бѣ то треба мѣни втикати, да такъ мѣни стало ёго (Зализняка) жаль! Думаю соби: вернусь!

Только що выбривъ зъ воды, ажъ бижить зъ мѣста Козакъ, уже на Жыдивськимъ кони:—„Куды?“

— „Поведу батькови коня.“

— „Уже,—каже,— батька чортъ узявъ и тебе визьме.“

Да рвоне въ мене зъ рукъ того коня, а мѣни кынувъ Жыдивського: — „Пумъ,—каже,— втикати!“

Кынулысь мы втикать, а за нами два Дони; то гналысь за нами одъ пивдня до самой ночи, да вже ажъ коло Талного згубылы насъ у лису. А мы йхалы до дому двое сутокъ, блукалы все по закуткамъ, и ницогисинько не йлы. А всюды вже стоить сторожа: ловлять Гайдамакъ. Приихалы ниччу до *Калыхъ Болонь* (мѣстечко между Шполою и Талнымъ), а Козакъ и каже: — „Ось, потривай лышь, я туть бродъ знаю (черезъ рѣчку Гнилый Тыкычъ).“

Стали брысты, а кони въ води якъ захлюпостали, то тутъ за намы; — „Ловы! Ловы!“

Мы по коняхъ! А Козакъ хотивъ ратыще поправить, да якъ пидперъ мене пидъ чересь, такъ и переризавъ: чересь у воду тилько брязъ! Пропали грошы!

А мы якъ ускочылы въ лисъ, то полягали на коней, да тилько ногамы поганяемъ: несы, куды хочъ! Да якъ прыихалы до дому, то ще довго ховалысь, помы усовитовалы батьку люде пійты до Губернатора, да сказать, що я на тимъ боци (Днѣпра) жыто перевивавъ. То ще мусывъ батько издыты на той бикъ за свидительствомъ одъ громады, да напоившы громаду, й прыензъ мыни тев свидительство. То вже тогди я мижъ люде показавсь.

Отакъ — то колысь діялось! Лопата вже той давно вмеръ и слухъ затыхъ объ Гайдамакахъ. Да бувъ я разъ у Манастырыщи (?), а за Манастырыщемъ есть ямы глыбокыи, то я ставъ, да й дывлюсь: що бъ се за ямы булы? Колы жъ иде старый чоловікъ: — „Дидусю! — кажу, — що оце за ямы такы?“

— „А ты, — каже, — хыба не тутешній?“

— „Ни, — кажу, — я здалека, ажъ изъ Чыгрыньского повиту.“

— „Оце жъ, — каже, — вашы Чыгрыньскыи Гайдамакы лежать! Тутъ ихъ порубано ажъ девять сотъ, и якъ навалылы землею, то кровь зъ ямъ сцала вгору заввышкы зъ чоловіка. А чы бачышь три хресты, гень-гень стоять? Ото лежать ихъ ватажкы. Тамъ порозстрелювалы Шелеста, Лусконога и Гныду.“

(Розказывалъ Иванъ Бурдуць, въ Александровкѣ, Кіевск. губ.)

МАКСЫМЪ ШЫЛО.

.....Почувшы Губернаторъ (Черкасскый) Росковскый, що Гайдамакы деруть одного чоловіка, Шрама, — а той Шрамъ державъ у ёго на оренди корчму у Рускый Поляни, — то винъ, почувшы, що Шрама деруть, поихавъ ёго обороняты. А одинъ Гайдамака изъ викна, недопустывшы ёго до оренды, и вбывъ зъ рушныци. То вони самы сколоды того Гайдамаку: — „О, вражый сынъ, — кажутъ, — доброго пана стратьвь!“ да взяли да й сколоды. И доси хрестъ стоить надъ тымъ Губернаторомъ у Рускый Поляни.

А потимъ бувъ Губернаторомъ панъ Сельскый. То за сёго вже Губернатора прыихавъ отаманъ Шыло зъ ватагою, душъ, мже, зъ сотню. Мене ще тогди на свити не було, а росказувавъ те все покійныкъ батько. Прыихалы, каже, вони пидъ браму (Черкаскаго замка), да й крычать, щобъ одчынылы. А Губернаторъ злякавсь, да й звеливъ одчыныты, хочъ у замку було не безъ народу. А я, каже, бувъ

на той часъ дома. Прибигаю до замку, ажъ уже мене не пускають. Я до частоколу. Дивлюсь скризъ щылыну, ажъ Губернаторъ стоить на колинахъ передъ Максимомъ Шыломъ, а той съдыть на кони, якъ разъ проты мене, и читає ёму указъ нибы - то одъ Царыци, щобъ ризать усихъ Ляхивъ и Жыдивъ, щобъ и на свити ихъ не було. А я соби думую: „Ось постой лышь, я тоби дамъ не такого указу!“ да просунувшы въ щылыну рушницю, тилько що хочу стрелять прямо ёму въ груди, а кинь махне головою, то й нельзя влучить. Я зновъ пережду покы кинь понурыцьця, да щохочу зновъ стрелять, то винъ знову и махне головою. А литне, знаєте, время, саме передъ Тройцею; то мухы коня кусають.

Колы жъ прибигає, то жъ взъ миста, повковныкъ замковый, Пацына Францышекъ: — „Бога бійся, Омельку! Не стреляй. Ходимо перше роспытаємось.“

Пошлы, стали стучать. Впущено насъ у башту.

Отъ, батько пиднявъ пидъ руки Губернатора и каже: — „Устань, пане! Що ты передъ ледацомъ оце робышь? Да вы ихъ не слухайте! Се Гайдамакы. Выстреляймо ихъ, вражыхъ сыннвъ!“

Губернаторъ и вставъ. А Максимъ и каже батькови: — „Хто ты за чоловікъ?“

А батько каже: — „А кого тоби треба?“

— „Ты, выдно, Омельку Судденку.“

— Такъ, Омельку Судденку.“

А батько да бувъ первый на всю губернію стрелець. То вже Максиму сказано: — „Стережись, Максиме, Омелька Судденка, бо той чоловікъ тебе зъ свиту зжене.“

То Максимъ и каже батькови: — „Не стрелай же, брате, сёго хлопця свинцёвою пулею, а стрелай срибною!“

А батько каже: — „Молю Бога за пана повковника, а то доси и одъ свинцёвой ты на кони не сидивъ бы, да ще, що кинь головою махавъ. „Выколимъ, каже, ихъ, панове!“

Отъ наши й заходылись коло Гайдамакъ. А Максимъ и каже: — „Що жъ, панове? Що зъ того, що вы насъ выколете? Насъ е багацько, то выколють и васъ. Я не по своій воли прихавъ; мене послано, а посланого не вбывають.“

Наши пораховалы, пораховалы, да й выпустили ихъ. Гайдамакы стали на кватыри у Андрийця, коло Тройци. А описья присылає Максимъ Козака зъ запискою до замку: просить Губернатора выйти за хвиртку на тайну розмову. Губернаторъ вышовъ безъ оружья, а батько зъ нымъ пры pistolетахъ; и Максимъ вышовъ самъ безъ оружья, а Козакъ зъ нымъ пры pistolетахъ. — „Не знаю, — каже, — що мыни и говорить своему старшому. Зъ їдь, — каже, — зъ Черкасъ, а я скажу, що дома не заставъ.“

Губернаторъ послухавъ, да и зыхавъ. А Гайдамакы порозбывалы зъ горилкою бочки, пограбылы багатыхъ людей, да й потягнулы зъ Черкасъ.

(Розказыває Василь Судденко въ Черкасахъ.)

ГАЙДАМАКИ ВЪ ЧЕРКАСАХЪ.

Гайдамаки приходили въ Черкасы разивъ, може, зъ пять, иноди въ день, а иноди въ ночи, иноди въ великій, а часомъ въ не-великій, купи. Разъ їхавъ Тышко Гарасыменко зъ хлопцемъ изъ ярмарку. Колю жъ глядь, ажъ по Медведовському шляху идуть на коняхъ. Ажъ ось прыбига до воза Козакъ: — „Що за люде?“

— „Изъ Черкасъ. Булы на ярмарку.“

Козакъ вернувсь до отамана и одвистывъ. Тогда отаманъ прывславъ двоухъ уже Гайдамакъ.

Отъ, каже (Гарасыменко) мене взяли, да й звязали поясомъ, а хлопцеви звелилы поганяты коней; идемъ зъ ными ажъ до города.

Прийхавшы близенько, стали. Отаманъ заразы:—„Зъ коней!“

Уси й позлазылы зъ коней.

— „Прыпадайте до земли!“

Попрыпадады уси ныць, и хлопецъ излизъ зъ воза, да й соби прыпавъ до земли. А я лежу звязанный на вози, да й дывлюсь. А винъ щось тамъ соби мымрыты, мымрыты, — се вже, бачъ, винъ вороживъ, чы буде вдача, а дали:—„Вставайте!“

Устали, посидали на коней, да й поихалы поза городомъ Коней зоставылы за цариною, а самы пишды въ городъ, и мене везуть у вози. А хлопецъ, ще за городомъ, уставъ зъ воза, нибы про себе, да й пишовъ соби. А воны й байдуже за хлопцемъ.

Идемъ, каже, прямо до Дрыгы. А Дрыга живъ напротывъ того двора, де теперь Городнычий. Визъ зоставылы за воритьмы, а самы до брамы. Одынъ заразы перескочывъ черезъ частоколь, да й одчынывъ браму. А я, каже, лежу у вози, да все те мни й видно. Отъ, каже, Гайдамаки выкресалы багатыя. А одинъ злизъ на прычилокъ, да перелизъ черезъ хату, да й одчынывъ двери. А я, каже, давай зсовувать зъ себе поясъ, да й розвязавсь, да вже покынувшы и коней зъ возомъ, добигъ до дзвиньци, да вдарывшы разивъ зо тры въ дзвона, да зъ дзвиньци. Бижу поузь дядькывъ двиръ. А дядько на той часъ згодывся на двори: — „Хто те такый? Чы се ты Тышко?“

— „Я“ кажу.

— „Чого се ты бижышь?“

— „Ховайтесь, — кажу: — Гайдамаки Дрыгу деруть.“

Отъ, дядько порозбужувавъ своихъ, да запершы ворота, и ходять по двору на варти. А до Дрыгы бояцьця йты: такый бувъ страхъ!

А Гайдамаки положилы Дрыгу доли, да, насыпавшы ёму на голу спыну пороху, запалылы и дралы гребломъ, щобъ признавсь, де тыи червиньци, що колысь ганявъ у Шлёнське волю, да заробывъ? А мижъ ными да бувъ наймыты Дрыгы; такъ той усе й выказавъ. И ноты дралы, докы стара не внесла въ хату горшка зъ черевиньцями,

Гайдамаки не займали замкових Козаківъ, и Козаки ихъ не займали. Тилько ото Росковський угнавъ бувъ за ними въ Руську Поляну, то ёго и вбылы. Се було ось якъ. Гайдамаки напали на двирь Олексійця у Бѣлазери, а самого ёго не заскочали. А винъ, прытаившысь пидъ повиткою, и чуе, що ще хочуть иты въ Руську Поляну до Шрама. То винъ звидты, да до пана, да й розказавъ, що отака й така ричъ. Оттогди - то Росковський и вгнався за ними въ Руську Поляну.

(Розказывалъ Харко Целмыстеръ, въ Черкасахъ.)

НАЙМЫТЬ ГАЙДАМАКА.

Почувшы, що Гайдамаки ободрады Дрыгу, да ще й на другихъ людей похваляющьця, утикавъ черезъ Днипръ у дуби Сутула Гарасько, зъ жинкою и зъ дытиною, — бувъ у ёго сынокъ Андрійко. То се вже той Андрій Сутуленко розказувавъ, що, каже, треба було намъ переиздыть черезъ Днипръ у човни, а батько й коня на поводи за човномъ вивъ. То я боявсь, щобъ кинъ не перевернуть човна, да й ставъ плакати. То батько й покинувъ мене на берези: „Прпадай же, — каже, — вража дытино!“ А знае, що дытя не де динецьця! бо Гайдамаки дитей не займали. Отъ я, каже, переночовавъ у садку, а потимъ пишовъ до бабы. Баба мене нагодовала. Я й гуляю соби. Колы жъ дывлюсь, иде наймыть нашъ, що прыставъ у Гайдамаки. Уже соби и жупанъ добувъ: — „Здоровъ, — каже — Адрію!“

— „Здоровъ!“

— „А батько де?“

— „Отамъ и тамъ, — кажу, — а я въ бабы.“

А баба вбога була, то й не ховалась одъ Гайдамакъ.

— „На жъ, — каже, — тоби грошей, да не давай никому, а несы до бабы!“

Да й почавъ мини кыдаты у пазуху пятакы зъ обоихъ кышень. Повну пазуху, каже, мини насыпавъ.

(Розказывалъ Василь Судденко, въ Черкасахъ.)

ВОВЧОКЪ.

Гайдамаки драды Смилу разивъ тры, чы що. У первый разъ якъ прышлы, то пани заховалась у лёху, а панна у груби; але панну такы знайшлы и замокъ розграбылы, а потимъ узялы панну и

хлопця, Хведирку, да вывели аж до *Курьлової* могили, а тамъ ватажко змыловавсь, да й каже: — „Иды жь, панно, да молы за мене Бога, а то бь ты на сій могилы полягла!“

И хлопця, Хведирку, пустылы. А се було зимою. Панна жь такы хочь у черевычкахъ бигла по снигу, а Хведирка босый.

А въ другой разъ приходывъ ватажко, *Вовчокъ*, да й ставъ коло *Костянтинова*, у *Шолудьковимъ* садку, душъ ихъ десятокъ тилько. Стоить винь тамъ, а повкъ *Полякивъ*, почувшы, що тутъ *Гайдамаки* зибралысь, прытягнувъ ажъ изъ *Билои Церкви*, да й наткнувъ на той садокъ, а *Вовчокъ* якъ выскочыть звидты, то жовниры назадъ! А *Вовчокъ* той и самъ невеличкый, тилько плечыстый шельма, и на невеличкому коньку, да якъ узявъ ихъ гнать, то такъ ратыщемъ и на той, и на той бикъ ихъ и кладе. А на ёму бувъ кажанокъ (родъ куртки или полукафтанья изъ кожи), то зпидь того кажанка кровъ такъ и льецця, що по ратыщу бижить у рукавъ. Да якъ догнавъ до *Смилянської* гребли и воны вскочылы въ *Смилу*, тогда вернувь, да й каже: — „О такъ *Вовчокъ*! Жене *Ляхивъ* новчокъ!“

(Розказывахъ *Кондрать Тарануха*, въ *Смьлой*.)

ГАЙДАМАКА И ПАСИЧНЫКЪ.

Розказувавъ мыни одынь дидь, що, каже, сыжу я въ пасици, колы жь чортъ несе бурлаку, увесь обшарпанный: — „Здоровъ, диду!“

— „Здоровъ!“

— „А що будемо робыты? Давай на сорочки миняцьця!“

Я вже злякавсь: — „Давай, кажу.“

Оддавъ ёму сорочку. Винь скинувъ тес рямяе, надивъ сорочку: — „Давай и штаны!“

Оддавъ я й штаны.

— „Давай, диду, меду!“

Я, каже, ажъ тремчу весь зъ переляку. Пишовъ, одризавъ ёму забоцень такого вже гарного гречаного.

Винь наивсь, да й каже: — „Чы ты, диду, знаешъ *Вовчу Гать*?“ (Въ *Черкасскомъ* уездь, около с. *Дубіевки*.)

— „Знаю.“

— „Отъ же, каже, тамъ є пенёкъ дубовый, обшморганный колесамы. То ты завтра встань до зходь соньця, да пійды туды, да одличы три ступни, и выкопавшь тамъ гроши. Ото тоби за те, що ты мене прыодивъ и нагодовавъ.“

Пишовъ я на другий день, ажъ справди повнісниський улей
самыхъ пятаківъ.

(*Розказывалъ пріятель Тарнухи, бондарь, въ Смилой.*)

МЕСТЬ ЗА ИМЯ ЖИДА.

Якъ стоялы Гайдамаки въ Мотренинському лисі, то оди́нь
отаманъ назвавъ за щось Козака Жыдомъ:— „Эхъ ты, каже, Жыдь!“

А той Козакъ:— „Такъ я Жыдь? такъ я Жыдь? да зъ пистоле-
томъ, до ёго.

А отаманъ бувъ характерныкъ:— „А що жъ—каже,— ты мене
будешъ стреляты?“

Да и груди розхриставъ:— „Стреляй, колы хочешъ!“

— „А тожъ не стрелю? Може, думаешъ, не визьме?“

Да бахъ!—той и вывернувся. Отъ, Козаки до ёго зъ дубынами
за те, що застрельвъ отамана. А винъ:— „Потривайте,— каже— панове!
Слухайте лышь, що тутъ мижь нами було за дило! Де жъ выдано,
щобъ Козака зъ Жыдомъ ривняты? То и вси вы Жыды, колы я Жыдь?“

То Козаки, розпытавшы и выслухавшы всю прычину, сказа-
лы:— „Правда, правда! *Ледачомъ ледача й смерть.*“

(*Розказывали въ Мотренинскомъ монастырѣ.*)

ГАЙДАМАКИ ВЪ МОТРЕНИНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Якъ зибралысь Гайдамаки у Мотренинському лису, то зро-
былы соби Сичъ. Выбралы таке мисто, ще зъ трѣхъ боківъ байраки, а зъ
четвертого поставылы башту. Кругомъ обрубалысь лисомъ. По сере-
дыни насыпали купу грошей и ниткою перекрестылы, да й прыбылы
иі колочками у чотырѣхъ мистахъ. И Козакъ кругомъ ходыт. Оце
жъ у одному байраци Сичъ, а въ другому, на Войковій Луци— *Скльыкъ*.
А скльыкомъ звався качанъ, що высивъ на дули и коло ёго довбня.
А то для того, що скоро яка тревога, або що, заразы прыбыжыть Ко-
закъ, да довбнею й почавъ валять, а казанъ на весь лись реве: то
вже, де бь который Козакъ не бувъ, скорійшь збигающьця до купы.
Да тутъ же заразы коло Скльыка бувъ у дуброви *Значокъ*, таке-то,

бачь, означене кругомъ мисце, де ихъ кони паслись. А одъ значка, верстовъ тры, якъ Жаботыну, було *Гульбыще*, на высокій могилі, такъ що якъ зійдешь туды, то весь Жаботынь якъ на долони. Позходять, було, на ту могилу, балакають, у карты грають, співають писень усякихъ. Рідко було який день виберецьця, щобъ тамъ никого не було.

— „А де жь, паноче, живъ описья той чернець, що Шелестъ выпроводывъ ёго зъ Сичи (спрашиваю я)?“

— „Бсть отамъ, може, зъ пиввертвы отъ монастыра, заразъ за валомъ, шпылыкъ, такъ нбы гора; то оттамъ-то, пидъ горою, винь соби выривъ пещеру и хатку збудовавъ. И доси стоить хатка, и садочокъ бсть. Зовемо мы те мисто *Скыткомъ*.“

Ото Ляхы, якъ почувы, що въ лису зибралысь Гайдамы, то прышлы, душъ ихъ сотня, на коняхъ и зъ оружьжёмъ, пидъ браму у монастырь. Ченчыкы вышлы до ихъ зъ хлибомъ и зъ силью.

— „А де Гайдамакы, сизматыкы вы пшекленты?“

Ченчыкы бидныи трусяцьця.

— „Не знаемо, вельможныи паны!“

— „Не знаете, галганы! Охъ, вы галганы не знаете, пшекленты хлопы.“

И давай шукать по монастыру, и въ церкви шукалы всюды, заглядывалы и за иконостасъ, — Нема! Такыи - то навиженыи Ляхы! Ото бь дурныи булы Запорозьци, щобъ ховалысь за иконостасомъ! Имъ у лису найдучча схованка.

Шукають Ляхы Гайдамакъ, а отаманъ, скоро вчувъ про се, заразъ и пославъ двоухъ Козакывъ у Замятныцю. Тыи, прыбигшы туды, давай колоть орандара и всихъ Жыдивь. А мужыкы прышлы до корчмы, да й пытающьця :

— „А що, панове? чы наша вира?“

— „Аже жь бачь, що ваша: не колоды бь Ляхивь да Жыдивь.“

То мужыкы ихъ и не займають, а ще до ихъ пристають.

А Ляхы тымъ часомъ порающьця все ще въ монастыри. Якъ ось прыбигъ зъ Замятныци вистовый: — „Панове! Гайдамакы Замятныцю выризалы!“

Ляхы драла! да до Жаботына. А отаманъ пишовъ за нмы, да й порозставлявъ кругомъ Жаботына Козакывъ. То оце выскочыть изъ лису Козакъ, повертыцьця, повертыцьця на кони передъ Жаботыномъ, да зновъ й пойдє въ лисъ. Тожь Ляхы думаютъ:

— „Оце жь кругомъ Жаботына вже стаить по лису Гайдамакы!“

Да покинувшы Жаботынь, да въ Смилу. Команда жь рушыла въ Смилу, а намисныкъ, зъ Козакомъ Лопатою, що бувъ описья чурою у Зализняка, такъ намисныкъ изъ симъ-то самымъ Лопатою у Камнянку, бо тамъ винь живъ и була тамъ у ёго сотня лейстровыхъ Козакывъ. Отъ и пытаещьця намисныкъ у отамана тихъ Козакывъ: „А що, отамане, чы можна стать противъ Гайдамакъ?“

„Можна, батьку, тилько що ихъ куля не бере.“

То намисныкъ якъ почувъ сев, то побиливъ якъ хустка, да й каже: — Куля не бере? Куля не бере? Такъ ихъ, ты кажешъ, куля не бере?“

Да вже боицьця и отамана, и одъ ёго одходять, да все тилько: — „Куля не бере! Куля не бере... Гмъ! куля не бере! Такъ ты кажешъ, отамане, що ихъ куля не бере?“

— „А не бере, батьку.“

— „Эге! Куля не бере... эге, эге!“

Да сившы на коней зъ Лопатою, да въ Смилу. Лопата жъ попереду бижить зъ спысомъ, а намисныкъ за нимъ. Колы жъ, не доижжаючи корчмы Сумської, наганяе ихъ гонецъ: — „Пане Намисныку! Гайдамакы Камнянку рижуть!“

Намисныкъ кынувся, якъ опареный, въ Смилу, а Лопата зъ тымъ гонцемъ изоставсь.

А Гайдамакы, стоячы коло Камнянку, послали до лейстровыхъ, вызываючи отамана до порады. Отаманъ лейстровый вышовъ до Гайдамацкого отамана. То сей и каже:—„Що вы, будете зъ нами быцьця, чы ни? Мы не по своей воли прышли. Глядитъ, щобъ не було й вамъ такого лыха, якъ Ляхамъ!“

И показавъ лейстровому отаману бумагу. Якъ показавъ, то й Каменьская сотня прыстала до Гайдамакъ.

(*Разказывали въ Мотрешинскомъ монастырѣ.*)

МАКСЫМЪ ЗАЛИЗНЯКЪ.

.....Саме у Петривку, у первый день, у понедилокъ, прыхало чоловікъ дванадцять затязьцивъ на розвидыны. Повстричалы Андрійця, да й розсыгують:—„Де тутъ отакий-то вийтъ?“

— „Я,“ каже Андрієць.

— „Веды жъ насъ до себе на кватыру!“

Зазвавъ ихъ до себе на кватыру. Послали до пана Сельского въ замокъ, щобъ давъ напыткивъ. Той имъ заразы й прыславъ, бо вси болысь Гайдамакивъ. Отъ, вони пьютъ да й кажуть:

— „Нехай вражий Ляхъ дае, а письли звяжемъ ёго, да й поведемъ да коша.“

А Андрієць, почувшы сев, да въ замокъ:—„Бережысь,— каже,— пане: отака й така ричъ!“

То панъ Сельскый заперсь у замокъ. А Гайдамакы повертились попида частоколомъ, да й вернулись до коша. А кошемъ вони стоялы тогда цилы суткы у *Велькихъ Курганивъ*.

А такій бувъ народъ шалений, тыи затязъци, що оце йде по улыци, да вбачить у двори чоловіка, то выме пістолеть, да й крычыть: — „У хату, мурею! а то запалю!“

То чоловікь схлыщця, да пидъ повитку.

.... На другый день у Петрівку рознесла по Черкасамъ чутка, що йде якась військо. А мы тогда булы ще хлопцями. То люде боящця, а намъ байдуже: сказано диты. — „Побижымъ, побижымъ! що тамъ за військо!“ Побиглы за Билазерську царыну, ажъ справди йде військо такы настояще. Попереду йде отаманъ на буланымъ кони, у кармазини, шапка на ёму сыва, чоботы сапьянцы, поясъ шалевый, за поясомъ пістолеть, а пры боку шабля. Ото жъ бувъ самъ Максимъ Зализнякъ. Не старый ище чоловікь, литъ, може, сорока, а може й бильшь, на выду повный, кругловыдый, уродою хороший, на взрость невеликый, але плечыстый, усы русявы невеличкы, за ухомъ оселедецъ. А за нымъ усе по два, усе по два зъ ратыщамы, и у переднихъ паръ, може у трѣхъ, ратыща зъ короковкамы двойчатымы, такъ що оце половина буде била, а половина красна, азнову половина жовта, а половина чорна, або червона, або сыня. А по самому заду иде чоловікь зъ десятокъ пишо безъ ратищъ и базъ усѣго, а тилько колкы позасмалювалы, да и йдутъ. То вже выныкы, то, що попрыставалы у Гайдамакы.

Отъ, мы й стали коло шляху, по праву руку, и шапки познималы. А винъ, поровнявшысь зъ нами, да й каже:—Здоровы, сучакы!“

А мы кажемо: — „Здоровъ, пане!“

— „А що вы, не орете?“

— „Ни, пане.“

— „А мы жъ оце почалы ораты!“

Да й поихавъ у городъ черезъ ту улыцю, де теперь старый базаръ, да поза Пацыною, де теперь живе Ищенко, що служитъ у суди, и прыхалы вони прямо до замку черезъ мистъ. Башта була одчынена. Я вже не бачывъ, хто їи одчынивъ. Уихалы въ замокъ, самы стали въ ряды, а ратыща въ козла поставылы. А Зализнякъ крыкне: — „Зъ коней!“

Отъ, вони позлизалы и попрыязувалы коней коло конюшни у коновазей. А отаманъ, зъ десятьма, може, чоловікамы, пишовъ прямо до покоивъ. А назустрічь ёму вышло зъ покоивъ чоловіка тежъ изъ десять, зъ отаманомъ Бузькомъ, зъ Цесарьскои Слободы. Познималы передъ нымъ шапки. И винъ, прыйшовшы до ныхъ бльжче, знявъ шапку, да заразы и надивъ, а вони усы передъ нымъ безъ шапокъ:

— „А здоровы, каже, Козацтво!“

— „Здоровъ, отамане батьку!“

— „А де вашъ отаманъ?“

Отъ, отаманъ до ёго й выскочывъ зъ купы, безъ шапки. А винъ и соби шапку знявъ. Обнялысь, поццловалысь: — „Ну, просить же на кватыру!“

Пишли въ покои.

А паны вже давно убрались на той бикъ Днипра, ище, якъ почувлы одъ Андрийця, що Гайдамакы похваляющыя ихъ перевязать. Одбылы шпыклиржъ сокырою. Шукають, чого имъ треба. А чоловікъ изъ симъ затыздивъ пишли до оренды. А мы, хлопята:— „Ходимъ, ходимъ за нымы!“

Отъ, одынъ попавъ десь сокыру, да по замку торохъ! Замокъ такъ и розпавсл. Тогди давай рубать у бочкахъ обручи. Горилка такъ и потекла зъ комиру по косогору. А жинкы згрибають писокъ, да спыняють ту горилку, да берутъ прыгорщамы, да въ горщыкы й збырають скризь намитку. А Гайдамакы жинокъ не займають, и вбогыхъ людей не займають, тилько богатыхъ грабылы, а Ляхивъ и Жы дову ризалы. То вси Жыды повтикалы зъ города и паны. А панивъ тогди у насъ було тры: панъ Сельскій, губернаторъ, Пацына, повковныкъ, и Жуковскый, лиснычый.

Отъ, я, подывившысь на се чудо, прышовъ до дому, ажъ панотець поихавъ у лись зъ двома наймытамы, а дома zostалась паниматка, да парубокъ, Сидоголовка. Прыхожу въ хату, ажъ маты плаче.

— „А де батько?“

— „И вже, сынку, поихалы!“

Колы жъ батько, не знаю вже чого, чы роздумавсь, чы що, вернувся ажъ изпидъ горы одъ церкви. Тилько що выпрягають коней, ажъ ось иде лейстровый городскый Козакъ, Головка, веде у двирь двоухъ Гайдамакъ, да й каже:— „Кажуть, цехмыстре, що въ васъ є чоботы сапьянцы, що вы робылы панамъ.“

— „Ии, каже, нема: я робывъ, да давно.“

Отъ, ёго й повелы у замокъ до самого Зализняка. Панотець описья вже розказувавъ, що, каже, скоро ввійшлы въ будынокъ, то я, каже, и вбачивъ, що Бузько атаманъ заховавсь у кимнату. А Зализнякъ и каже:— „Ты цехмыстеръ шевскый?“

А я кажу:— „Я, пане.“

— „У тебе єсть чоботы сапьянцы, що ты робывъ панамъ.“

— „Робывъ, отамане, да давно, а теперь нема.“

А Бузько скризь щылыну зъ кимняты й шепче щось, а Зализнякъ и ухо приложывъ, да й каже:— „Не знаю, хто бреше: чы той, чы той. Ну, ступай соби!“

Батько до дому, да за коней, да скорийшь зъ двора! Поихалы зъ двома парубкамы въ лись и тамъ дралы лубьбе, ажъ покы Гайдамакы повіялысь зъ Черкась.

Якъ поихавъ панотець, то я хожу по хати, а парубокъ, Сидоголовка Яковъ, шывъ чоботы протывъ окна, а паниматка тежъ поралась у хати. Колы жъ Гайдамака, идучы мымо окна: „Дугу!“

А парубокъ бувъ колысь на Запорожьжи, то й одвитывъ ёму: „Козакъ зъ Дугу!“

Аж ось и йдуть у хату два затязьци изъ Головкинъ Ивановъ, да одинъ на порози у хату зъ пистолета—бехъ! Паниматка такъ и затрусилась. А другой Гайдамака й каже:—„О, вражий сыну, злякавъ молодьцю!“

— „А ну, кажуть, одчиний, нене, комору, бо Бузько казавъ, що именно в сапьянъци“.

Одчинили.

— „Одмыкай скриню!“

Одымкнулы.

Копались, копались, нычого, не взяли; знайшли чобитъ, да й пишли собі.

Якъ пишли, то парубокъ, Сидоговолоко, зновъ сивъ, да й ставъ кончатъ чоботы. Колы жъ прыходить ще одинъ, у Жыдивському каптанку, на грудяхъ и не сходящця, и въ постолыкахъ саморибкахъ:— „Кому се ты чоботы шыєшь?“

— „Соби.“

„Ну лышь, каже, дошывай!“

Да и сивъ на лави и ждавъ, ажъ покы Сидоговолоко дошывъ.

— „А що, дошывъ?“

— „Дошывъ.“

— „Ну, на жъ тобі оци постолыкы; а я надину твои чоботы; а ты собі пошыєшь.“

Надивъ и пишовъ собі.

(Рассказываетъ Харко Целмыстеръ, см. стр. 37.)

БѢГСТВО ГАЙДАМАКЪ.

Гайдамаки наробылы багато шкоды въ Умани. А вже якъ ставъ пысать Король до Матушкы: „Велькы свить Матушка! Що оце робыщця въ Польци, що якыисъ бурлакы розбывають народъ?“ То вона якъ послала повкъ легкоконный, а другой Донцивъ, то Гайдамаки й поризнылыся.

Стоялы вони въ Розсошыньцяхъ, а Доны туды прышли, да й кажуть: „Прымите й насъ! Мы до васъ прыстанемо“. Ти и прынялы. А Доны ихъ половылы, да и повязалы. То Донскый повковныкъ пыше до Матушкы: „Що зъ нымы робыть?“ А вона ёму одпысала: „Кому школу зробылы, тому и въ руки отдайте!“

То вже якъ вони утикалы на Нызь, то чоловікъ десять ихъ плыло по Днипру, да и прыстали дубомъ коло Черкасъ, и прышли на базаръ, да взяшы перехрыста пысара (?), що бувъ пры панахъ;

повелы черезъ ричку Солоньцю до Днипра, да руки ёму поясомъ звязали, очи завязали билимъ платкомъ, и сказали ёму стать навколишки. Винъ ставъ, а одинъ зайшовъ ззаду, да бехъ ёго зъ рушницы въ спыну! винъ такъ и впавъ навзнакъ. А самы силы въ дуба, да й поплылы. А люде зійшылся, заховалы того перехрыста и хрестъ поставылы. И довго той хрестъ стоявъ, да вже водою вымыло, бо Днипръ розливаецьця ажъ пидъ самый городъ.

(Онъ же.)

Примѣчаніе. Въ 1768 году нѣсколько выходцевъ изъ Запорожья вздумали освободить Западную Украину отъ владычества Польскихъ пановъ и уничтожить въ ней Католиковъ, Уніатовъ и Жидовъ. Съ помощію, такъ называемой, *Золотой грамоты*, присланной, будто бы, имъ отъ Императрицы Екатерины II, они склонили на свою сторону городовыхъ Козаковъ и множество простолюдиновъ Украинскихъ, и какъ эта толпа не имѣла правильного воинскаго устройства, то, разсѣявшись по Украинѣ, обижала даже и своихъ единовѣрцевъ; почему народъ воспоминаеть о событіяхъ 1768 года съ негодованіемъ. Козаки тогдашніе, извѣстные подъ именемъ *Гайдамакъ*, вооружены были пиками, которыми кололи Католиковъ и Жидовъ. Отъ этого и вся трагедія 1768 года назвалась *Колішчиною*.

ЗОЛОТАЯ ГРАМОТА.

Ляхы взялыся гнать на Благочестіе. „Чого вони, кажуть, на нашій земли живуть, а Благочестывого Государа помынають?“ и давай головки лупыть Благочестывымъ. Ото спалылы першъ тытара въ Млієви, а дали й хуторкы чернечы Мотренинськы попалылы. А въ тому монастыри бувъ гумень, охъ, забудь же я якъ ёго звали! Бачыть, що лыхо Ляхы роблять, полуплять головы Благочестывымъ; а пьсакъ добрый бувъ, да якъ ударвъ *Золоту Грамоту!* А Максимъ Зализнякъ прихавъ на поклоненьне, а винъ ёму й пиднись: „Велькъ свить Государыня велыть ризать Жыда й Ляха до ноги, щобъ и не смердили на Украини.“ Якъ гукнувъ Зализнякъ на охотныка, такъ такъ и повальвъ народъ, уся Смилянщина й Чыгырынщина. Якъ пишылы выныкы, то що, то вже тоди *вешла маты й вамъ браты.*

(Разказывалъ одинъ старикъ съ Кирсуть.)

ГАЙДАМАКИ ВЪ КАНЕВѢ.

Що то, диду, за Гайдамашына була *? — Проклята була! Самовольци такы булы, що.... Невирне такъ було прославилось! Якъ попьецьця, то ёму не кажы ни злого, ни доброго, така собача юха!

* Спрашиваю я.

Булы мы зъ батькомъ у ярмарку пидъ Мошнамы, на Святу Неділю, то ихъ и наткнувъ хтось, що въ Билыка кинь добрый есть. А мого батька й торкнулы: „Утигай, Дмитре, ото буде тобі лихо!“

То батько якъ рушывъ зъ ярмарку. Добигае до сего хреста, що пидъ лисомъ стоить, оглянецьця, ажъ винь летить изъ узвозу такъ, якъ ворона, и до села не допустывъ, нагнавъ. А тутъ череда ходить, то батько выкинувъ коня, да й пустывъ у череду.

Ганявсь винь, ганявсь за тымъ конемъ, ганявсь, ганявсь, не піймавъ, да ажъ до хаты прышовъ до батька:— „Иды, сыну вражий, да коня мыни дай!“

То батько мусывъ самъ ловить коня и отдавъ ёму.

— „Ну, прыдешъ же у Каневъ, то тамъ Пежывый тобі запла-
тыть.“

— „Прышовъ батько въ Каневъ, ажъ Каневъ уже спалень. А тамъ-то паны зробылы соби замочокъ, да ажъ у тры ряды палымы обгородылы, и заперлысь тамъ. А Гайдамакы давай солону возыгъ, да якъ запалылы, то все тамъ и зъ панамы и зо вснмъ такъ огнемъ и взялось.“

У якогось пана кинь бувъ огыръ такый, що пятьсотъ рублей вартъ, а сидло саме пятьсотъ рублей варто було; такъ завелы того коня ажъ у островы у дугъ, а Гайдамакы й тамъ нашлы.

Такъ ото прыходить батько въ Каневъ, а Гайдамакы посадылы дванадцать Жыдивокъ урядъ, да зайде зъ боку, да й бье зъ пистоля. Усикъ выбылы; а до одіен тры разы примеръ робылы, такъ не спалыть, да й годи. Отъ и пишылы до отамана: — „Що тутъ робыты, пане отамане? Тры разы робылы примеръ зъ пистоля до Жыдивкы, не спалымо?“

— „А що жъ, може вона зхоче выхрыстыцьця?“

— „Хочешъ выхрыстыцьця?“

— „Хочу,—каже: я вже и *Вирую во единого Бога* знаю.“

Отъ и почалы затязьци збирать хрыстыны. Де молодыцю попалы:— „Иды кумою,“ а самы кумамы. А посьли якъ стали даровать свой хрыщеници, то поскыдалы самыхъ денежокъ стилько, що й конемъ не повезешъ.

И добра молодыця зъ тыеи Жыдивкы вышла, виру нашу описля хороше держала, и така була богомилна. Було тилько задзвонять до церкви, то й йде. Такъ ото батько й прыступывъ до тыхъ затязьцивъ. А воны у Нетеребци вырвалы казань:— „На жъ тобі,—кажутъ,— оцей казань!“ Батько взявъ казань, а Нетеребци описля прышылы, да й узялы. Take-то прокляте було, та Гайдамачына! Багато накоилы лыха, а описля ще паны, да Жыды народъ дерлы. Прыде: „Се тобі Гайдамакы далы, або ты самъ гайдамачывъ,“ да й бере, що зуздрить. Take-то!

(*Разказывалъ въ Кумейкахъ Клима Билыкъ.*)

ШВАЧКА.

Гайдамаки дерлы народъ рокивъ, може, зъ десять, ажъ покы Мандебурія стала. Тогда *стійчыки*, що замку стерегли, й застукалы ихъ отуть (показываая рукою), у лозахъ. А коліямъ ничымъ стрелять, куль нема, то оце выриже зъ лозы, да й хрестыкъ нариже, да й стреле. Бсть про ёго й писня; колы хочете, то й заспиваю:

„Ой на Козаченькивъ, ой на Запорозьцивъ, да прыгодонька стала,

Ой у середу, да й у обидній часъ, ихъ Москва забрала.
 Крыкнувъ Швачка да на осаулу: „Изъ коней додолу!
 Охъ й не даймося, панове молодьци, мы Москалямъ у неволю!“
 Москалыкы умны, Москали розумны, розуму добралы,
 Ой напередъ Швачку изъ осаулою до купы звязалы.
 Охъ извязалы, й попаровалы, й на возы поклалы,
 Изъ Богуславья до Билои Церкви ихъ у неволю забралы.
 Охъ, де жъ вашы, панове молодьци, воронны кони?
 Ой нашыи кони въ пана на прыпони, а самы мы въ неволи!
 Охъ, а де жъ вашы, панове молодьци, а срибныи узды?
 Ой нашыи узды въ коняхъ на занузди, а самы мы у нужди!
 Охъ, а дежъ вашы, панове молодьци, ясенькыи спысы?
 Ой нашыи спысы вже въ пана у стриси, а самы мы у лиси!
 Охъ, а де жъ вашы, панове молодьци, громкыи рушныци?
 Ой нашыи рушныци въ пана на скамныци, а самы мы въ темныци!
 Охъ, а де жъ вашы, панове молодьци, голубыи жупаны?
 Охъ нашы жупаны поносымы паны, а самы мы пропалы!
 Охъ, а де жъ вашы, панове молодьци, чоботы сапьянъци?
 Ой нашы сапьянъци позабиралы райци у недиленьку враньци!
 Охъ пошлимо галку, охъ пошлимо чорну, а до Сичы рыбы исты,
 Охъ, нехай донесе, охъ нехай донесе до Кошового висты.
 Охъ уже жъ галци, охъ уже чорній, да назадъ не вертацьця,
 Ой уже же намъ, панове молодьци, изъ Кошовымъ не выдацьця!

— Ну, скажы, будь ласкавъ—Гайдамакы якъ идуть було, то й писняи спивають?“*

— „Ни, Гайдамака йде тыхо. А се вже вони тогда спивалы, якъ у неволи сыдилы.“

(Розказывалъ Кондратъ Тарануха.)

* Вопросъ мой.

ГАЙДАМАКИ ВЪ ЖАБОТИНЬ.

Въ Жаботини Жыдъ поналичувавъ на людей стільки довгу, що стало вже не въ моготу й выплатыця: може въ десятеро бильшъ, нижъ вони були виноваты. То Козаки Жаботиньскы не хотили платити; кажуть: „Присягни!“ А винъ, невира, взявъ, да й присягнувъ; о тогди вже плати якъ хочъ! Отъ, пять Козакивъ поробылы соби маленьки спысы, щобъ пидъ полу можно взять, да й прышлы до ёго ввечери, якъ видъ саме сивъ вечераты. А Жыдивка надила дорогойй очипокъ, що вони проклятыи носять. Отъ одынь Козакъ узявъ да спысомъ пидъ той очипокъ и суне. А Жыдъ: — „Що ты! Що ты! шельма ты! Якъ ты смієшь?“

А винъ ёго якъ порне спысомъ! Тогди й Жыдивку, й Жыденятъ переколоды.

(Розказывали Въ Мотренинскомъ монастырь, Кіевск. г.)

ГАЙДАМАКИ ВЪ УМАНІ.

Якъ узялы Гайдамаки Умань, то силы на столыцахъ середъ города, да й звелилы позвать паноцьцивъ. Отъ и приведы до ихъ Базылянь. То отаманъ и каже:—„А що, паноцьци! Мы васъ завжди слушаемъ; послушайте жъ вы насъ хочъ разъ, а мы васъ наградымо.“

Ти бидныи трусяця, кажуть: — „Що звельте, вельможныи паны?“

— „Отъ що: визьмити вы хресты, да проидити по улыцямъ и одправте похоронъ.“

Базыляне побралы хресты, ходять по улыцямъ, правлять пахороны. А народъ плаче по всёму городу, и самы Базыляне правятъ, да й плачуть.

Якъ кончылы, отаманъ наградывъ ихъ червиньямы, да й каже своимъ: — „А що, хлопци, бачте, паны у якихъ хорошихъ жуланахъ ходять. А вы, бидахы, часомъ и сорочки не масте! А нуте, лышень, беритесь за дипло!“

Отъ, тутъ уже и пишла ризья.

(Розказывали въ Мотренинскомъ монастырь.)

НЕЖЫВЫЙ.

Нежывый робывъ колысь горшки у Артема Ганчара, и все було каже: „Я хочъ на одынь день, а буду паномъ.“ Потимъ винъ бувъ у Мотренинському лису, а звидты пшшовъ на Каневъ, и выризавшы

тамъ Ляхивъ и Жыдивъ, повернувъ на кватеры до Чыгрына. А въ Галаганивци да жывъ панъ Щерба, оттой-то й запросивъ ёго до себе въ гости. Нежывый зъ усимы Козакамы своимы пишовъ до Галагановкы, Козакивъ же зоставивъ по сей бикъ гребли, а самъ зъ дванадцятьма отаманамы пишовъ пишо до Щербы. Отъ Щерба, обачившы, що винъ у двори безъ вйська, заразы якъ крыкне своимъ: „Берить ёго!“ Тутъ ёго и зланады. А вйсько, почувшы, що отаманивъ позабирано, заразы усе порозбижалось.

(Розказывалъ Омелько Каплавхий, въ Суботовь.)

ЩЕХИМЫСТЕРЬ.

У Мыколаи бувъ священникъ, Остапъ Каряка. Полякы давай ёго пидбывать, щобъ поихавъ у Польцу, да высвятывся на Унію: „Поидь, поидь, Остапе, тоби дѣпый бендзъ.“ Винъ и поихавъ, высвятывсь и вернувся вже Уніятюмъ. Отъ, у Троици Благочестіе, а въ насъ Унія, рокивъ, може, й скильки. То якъ пйдемъ було у який манастыръ говить, то ченци насъи навучують: „Избунтуйтесь,— кажуть,— да до Преосвященного добыйтєся, то буде и въ васъ Благочестіе!“

А ся епархія тягнула тогди до Переяслова. А въ Переяслови Преосвященный бувъ Гервасій. Отъ, батько мій и поихавъ туды изъ парубкомъ, Шпакомъ:—„Ваше Преосвященство! Мы приехали просыты, нехай и въ насъ буде Благочестіе, якъ и въ людей! А то у насъ Унія, що мы ии й терпимы не можемо.“

А Преосвященный и каже:— „Диткы! Просите Каряку, нехай до мене прыиде, то я ёго поблагословлю на Благочестіе!“

А панотець каже:—„Святый Владыко! Мы всією громадою просылы, а винъ не йме впыры. „Тогди,— каже,— буде у васъ Благочестіе, якъ у мене поросте на долони волосься.“

То Преосвященный и каже:—„Люде добры! Обождитъ же; винъ схаменецъця, да не въ пору; Идъте, — каже, — диткы, до дому, а священникъ вамъ буде!“

А въ Ревовци да бувъ тогди молодой пипъ, Максимъ Левыцький. То Ляхы ёго мордовалы, щобъ прыстававъ на Унію: жаръ за халавы сыпалы и на колесо тяглы, а винъ утикъ, да въ Переясловъ до Преосвященного. Тамъ ёго панотець и бачивъ. Да тамъ же у Переяслови бувъ тогди у Преосвященного и тытарь изъ Млїева (?). Узьявъ Лядскый антимицьцъ изъ церкви, да й привизъ до Преосвященного. То панотець и того тамъ бачивъ.

Отъ, якъ сказавъ Преосвященный, що „идъте, каже, до дому, а пипъ вамъ буде!“ то панотець и поихавъ назадъ изъ Шпакомъ. А тогди перевозъ бувъ тилько у Сокрыній, да у Доминтахъ, а то скрызъ по сей бикъ стояла на бекатахъ стражъ Польска, а по той — Гетьмань-

ци на радутахъ. То оце було въ ночи й кричать, — намъ у Черкасахъ и чутно, — оце одиць: „Славенъ городъ Петинбургъ!“ а другий: „Славенъ городъ Переясловъ!“ Усе города велычали. Таке-то, бачь, було гасло.

Такъ було тогди тилько два перевозы; заплаатышь було *индугу*, то й пропустятъ. Ото мій панотець у Доминтовъ, ажъ тутъ одъ брата посланецъ Братъ заплативъ чоловіку тому, да й переказує: „Нехай,—каже,—не йде въ Черкасы, бо вже Ляхы провидали, то стережуть на дорози, щобъ піймать.“

То батько зъ Шпакомъ у Богушкову слободку, да нанявъ рыбалку, щобъ ёго перевизъ потайно на сей бикъ, а коней изъ Шпакомъ покынувь.

Прышовъ до дому, ажъ тутъ лыхо: шукать ёго Ляхы, щобъ зтратыты. То винъ до зятя, да й живъ тамъ зъ мисяць у загороди, поky все утыхомырылось.

Якъ утыхомырылось, то й ставъ панотець жыть дома вже, але все ще опасувавсь. Коды жъ прысилає разъ за нымъ панъ Швагроныстый. А тогди у насъ у Черкасахъ команда стояла, то панотець лядунки обшывавъ. Отъ винъ и пишовъ до того Швагроныстого, саме туды, де теперь суда стоять.

Прыхожу, каже, я туды, ажъ дывлюсь, привезлы Мліевського тытара, що у Преосвященного я бачивъ: руки назадъ звязаны и самъ прывязаный до полудрабка. Я, каже, якъ побачивъ, то й вмеръ! Думавъ, що й мене за тымъ оце призывалы. Коды жъ выходить Швагроныстый:—„Ну, Цехмыстеръ, гляды, щобъ у середу булы лядунки!“

— „Будуть,—кажу,—вельможный пане!“

— А винъ: — „Иды жъ, — каже, да щобъ булы!“

Отъ у мене й на души, каже (панотець), трохы одлягло. Скорійшь звидты: Нехай вамъ бисть!

А тытара того повезлы у Мліевъ, да ото, що есть тамъ коло Мліева гребелька и вербы, то тамъ ёго на верби повисилы за руки, и усякъ мордовалы: оце коноплямы обмотають, да смолою обмажутъ, да й запалятъ. А потимъ, замордовавши, голову ёму одрубалы, да й выставлы на выгони на высокій пали. А въ ночи щось украло тую голову, да й одвезло ажъ у Переясловъ до Преосвященного. То Преосвященный ще лучше почавъ старацьця, щобъ було Благочестіє.

Ажъ ось разъ прыходить чоловікъ до паноцьця.—„Идить,—каже,—пане Цехмыстре, якыйся пипъ прыхавъ, да зове васъ.“

Пишовъ панотець, ажъ то той самый Максимъ Левыцькый, що бувъ у Преосвященного:— „Люде добры,—каже, оце прыславъ мене Преосвященный, щобъ я бувъ у васъ попомъ!“

А нашы кажуть: — „Добре, батюшко; мы того бажаемъ.“

— „Ходимъ же, — каже, — въ церкву!“

Пишлы въ церкву. Винъ одправивъ акахысть, посвятывъ церкву, обійшлы кругомъ церкви, а потимъ и каже: — „Люде добры! Дайте жъ мыни кватыру! Въ мене и жинка є, и диточокъ двое!“

Отъ, наши дали ёму обществомъ хату, а потимъ уже винъ посылавъ у Ревивку пидводу, то привезлы ёму й попадаю и дитей двое: дочка була Явдоха, да сынокъ Лесько.

То якъ пожывъ той пипъ у насъ рокывъ зо два, то ёго зроблы протопопоу, а писля такъ розжывся, що було берлыномъ издыть. Будка зъ викнамы и кони въ простяжъ. То оце одынь на кони сидыть, а другый коло будкы, а самъ у будци, да ще й за будкою одынь.

(Розказывалъ Харко Цехмыстеръ, въ Черкасахъ.)

БЛАГОЧЕСТІЕ.

Довго тягались по Вкраини тїи колїи, да описля вже почалы ихъ усюды хватать, и якъ стала Мандебурїя на нихъ, то стали гоньтельства и на попывъ Благочестывыхъ. Людей гонылы сылою на прысягу, то и батько прысягавъ на Унїю. А декоторыи не хотылы, да ховались; не хотылы ламаты виры, а ждали такого времени, що зновъ буде Благочестїе. И я тогда родывсь, якъ Мандебурїя встала. То батько не хотывъ хрыстыть мене увъ Унїята, а хотылы везты ажъ у Выноградськый манастыръ, да вже якось знайшлы попа тута и въ ночи тайно охрыстылы.

(Розказывалъ Кондратъ Тарануха, въ Смѣлой.)

ЯРМАРКИ.

А якъ уже забрала край Царыця, да стало усюды Благочестїе, тогда иродъ у пекли и тужыть одынь до другого:— „Отъ, лихо, всюды Благочестїе стало! Теперь уже нельзя никого ни на грихъ, ни на що пидвесты: у будень будутъ робыть, а въ недїлю по церквамъ ходыть!“

А другый каже:— „Не журысь, брате: мы такыхъ на ихъ панывъ нашлемъ, що въ недїлю не будутъ по церквамъ ходыть, а зроблять усюды по недїлямъ ярмаркы; то й самы никоды не будутъ у церкви и народъ буде ярмарковать“.

Отъ же й справдылось дїявольске слово. Теперь у насъ: що недїля, що свято, то й ярмарокъ не въ тимъ, то въ тимъ сели.

(Розказывалъ Кондратъ Тарануха, въ Смѣлой.)

ЖОЛНІРЫ.

Після Гайдамаччыны, якъ уже Ляхы сталы зновъ правыты Вкрапною, то було на десять хать одинъ нижъ и одна сокрыра: бояльсь, щобъ зновъ народъ не збунтовавсь. Оце ввійде жовниръ у хату: — „А, ты, мужыку, Сызматыку! у тебе два ножи, галгань. Гайдамака!“

Визьме и пропало!

(Розказывавъ Кондрать Тарануца, въ Слѣпой.)

ХАРКО.

Я самъ знавъ Харка. Винъ бувъ сотникомъ у Жаботыни. Вони зъ Лелекою вышлы сюды, якъ Москаль розруйновавъ Сичъ, да й поженылысь у Жаботыни. Лелека жъ ставъ господаровать: млыны, державъ, скоть продававъ, то - що; а Харко зробивсь сотникомъ у Жаботыни, и у ёго було сорокъ чоловикъ Козакивъ. То було до панивъ посылае: „Я васъ, — каже, — заслоняю й стережу, а вы мѣни давайте кошту й провизію.“ То паны було й прысылають ёму въ Жаботынъ. Бравый бувъ Козакъ! Було їде: жупанъ голубый на верси, красный на споди, чоботы сапьянъци, шапка чорна похылыста, самъ чоловикъ плечыстый, русавый, повновыдый. Було разъ проїде сывымъ конемъ, у другый воронымъ, у третій буланымъ, у четвертый билымъ Той же однораль! а Козакъ! А було до войны такый жвавый, що вже зъ нымъ Козаки ничего не бояцьця. Назадъ отченашъ переговорывъ, — ступай сміло; куля не визьме!

И пошла вже така слава, що супротивъ ёго никто не встоить. То Ляхы й думаютъ соби: „Отъ же мы ёго, вражого сына, годуемо, да вы годуемо такого Гайдамаку, якъ Хмельныцький. То була Хмельнычына, а ще буде Харкывщина!“

Да й прыслалы до ёго въ Жаботынъ:

— „Просить панъ до Паволочы въ гости!“

Винъ и поихавъ.

А я зъ Лелекою добре знавсь такы. Зъ Харкомъ — ничего хвастать, а зъ Лелекою такы мы добре гулялы. То винъ самъ мѣни розказувавъ: — „Я, — каже, — ёму й казавъ: „Эй, не їдь бгате!“

А Лелека той кортавивъ трохи.

— „Эй, кажу, не їдь, бгате! бо не дурно кинь на воротяхъ спотыкавця!“

А Харко якъ выиздывъ до Паволочы, то кинь на воротяхъ спиткнувся.

— „Пи, якъ такы не слухать панивъ ? Вони мене й годують и все“.

— Ну було жъ ёму хочъ не напивающа, було ёму лить у кышени; хусткы въ ёго булы було ёму въ хусткы лить, то бѣ ёго такы не взылы. А то якъ напивсь, то ёго пьяного взылы къ чорту, да й зтратылы.

(Такъ розказывалъ въ Смѣлой Кондрать Тарануха, а въ Звенигородкѣ лырныкъ Уманецъ, поэтъ по образу жизни, прибавляеть нѣкоторыя подробности, болѣе поэтическія, нежели истинныя :)

У Паволочи була у ёго хрыщена маты, зъ великого покоління пани; то винъ-то надіався, що ёго тамъ не займуть, да напившысь добре, якъ лигъ спаты, тогди та паны: „Теперь,—каже—Ляшкы, маете часъ, оступайте Харка!“ То Ляхы за ёго. Отъ же ще бѣ вони ёго не зтратылы, колы бѣ ёго коня не прыковалы: конь бы ёго вызволивъ, не давъ бы ёму пропасть; винъ бы й губы, й зубы уснмъ порозбывавъ и будынокъ розвалывъ, бо то кинь бувъ лыцарскый; а то взылы бисовы Ляхы да й прыковалы за чотыри ногы у стани. То кинь, якъ почувъ Харкову кровь, то давай прыжаты, да вже ничого не врадывъ. А Ляхы якъ стали Харка рубать, то рубалы ажъ тры дни, да ни якъ не порубають: и шабля позубыласъ гиршъ, якъ зализо; да вже дорозумовалысь, що рубать ёго ёго жъ шаблею; а въ ёго шабля була лыцарська, то та шабля ёго й побидыла.

БАЗИЛЯНЕ.

Базыляне учать було по Польскій, и который хлопчыкъ, або дивочка, скаже Боже прыказаніе, то старосцына дасть пятака, гривню, або хрестыкъ. Сказано—маныла. У одного хлопчыка спытала: — „На що тебе Богъ создавъ ?“

А винъ каже:—„Щобъ панщину робывъ.“
Тому дала срибного золотого.

(Розказывалъ Дмитро Погортьлий, въ Звенигородкѣ.)

РОСКАЗЫ О ЗАПОРОЖЦАХЪ.

I.

Запорозьци прыйдуть було зъ Сичы въ Кыевъ, чоловікъ ихъ десять, двадцять, да й зачнуть гулять. Оце одкуплять бочки зъ дигтемъ, да й розильють по базару, одкуплять скилько в горшкивъ на торгу, да й порозбывають на черепья, одкуплять скилько в мажъ изъ

рыбою, да й розкыдають по всьому мисту: „Йжте, люде добры!“ А дали сидають на коней; шапки на ныхъ оксамытныи червоны, жупаны то сыни, то красны, штаны такы, що гривню бь давъ, щобъ тьлько подывицьця. Музыки йграють, а воны, побравшысь, у боки, и идуть мимо бурсы, Гетьманы такыи, що ну! То бурсаки було оце повыходять за ворота, дывляцьця на ныхъ, да й плачуть. Колы жь на друге лито дывысь — половина бурсы на Сичи и вродыцьця!

А вже якъ который Запорожець доживе до велькоп старосты, то й просить выдильте ёму грошы зь кружки, и якъ выдильте, то прыдецьця на ёго пай тысячь пять. Отъ, винь набье чересь червныицмы, да забере зь собою прыателей душъ трыдцять, або сорокъ, да й иде въ Кыевъ *прощацьця зь свитомъ*. Оце вже тутъ гуляють воны недиль зо дви, такый бенкетъ пиднимуть, що весь Кыевъ зходыцьця на ихъ дывицьця: „Запорожець. Запорожець зь свитомъ прощаецьця!“ И оце якъ идуть було вульцею, то весь народъ за воритьмы. А воны жь то повбираны, такъ якъ есть тоби макъ у горьди! Кони пидь нымы — якъ орлы, такъ й грають, а золото да срибло ажъ мыготыть увь очахъ на соньци, що й зглянуть не можна. Тутъ и бандуры, тутъ и гуслы, тутъ и спивы, й скокы и всякы выкрутасы! Оце такъ Запорожець зь свитомъ прощаецьця!

А погулявши такъ недиль зо дви, да начудовавши весь Кыевъ, идуть уже у Межыгорський манастыръ. Хто жь иде, а хто зь самымъ тымъ, що прощаецьця, танцюють до самого манастыра. Сывый, сывый якъ голубъ, у дорогыхъ кармазынахъ; выскакуе йдучы попереду Запорожець; а за нимъ народу, народу! такъ якъ на Велькдень коло пасокъ, або на Йрдани на лёду. И на ёго кошть усихъ поять, уси танцюють, уси веселяцьця, ажъ земля гуде!

А вже якъ прыдуть до самого манастыра, то и стучыть Запорожець у ворота.

А тамъ пытають:— „Хто такый?“

— „Запорожець.“

— „Чого?“

— „Спасацьця.“

Одчыняцьця ворота, винь одынь туды ввійде, а товариство зь народомъ и музыкамы зостануцьця за воритьмы. А винь скоро ввійшовъ у манастыръ, заразы чересь изъ себе и оддае на церкву, жупаны кармазынныи зь себе, а надине волосяну чернечу одежу, да й почавъ спасацьця.

(Слышалъ отъ Т. Г. Шевченка.)

III.

Запорозьци якъ пидмовлять було до себе на Сичь якого хлопця зь Гетьманщыны, то перше пробують, чы годыцьця быть Запорозцемъ. Отто звелять ёму варыты кашу: — „Гляды жь, вары такъ, щобъ

и не сыра була, щоб и не перекипила. А мы пійдемо косить. Ты, якъ уже буде готова, вийди на такій-то курганъ, да й зови насъ, а мы почujemo, да й придемо.“

Отъ, поберуть косы, да й пійдуть ниби-то косить; а де въ чорта имъ хочецца косить! Заберуцца въ комышъ, да й лежать. То оце хлопець, зварившы кашу, вийде на могылу и зачне гукаты. А вони й чують, да не озываюцца. То винъ гукає, гукає, да давай плакати:—„Отъ, занесла мене нечыста сыла мижъ сіи Запорозьци! Лучче бь було дома сидити пры батькови, да пры матери. А то ще перекипить каша, то придуть да бытумуть вражы сыны! Ой, бидна жь моя головонько! Чого мене понесло мижъ сіи Запорозьци!“

То вони, лежачы въ травы, вислухають усе, да й кажуть: „Ни, се не нашъ!“ А дали вернуцца до куреня, да дадутъ тому хлопцеву коня й грошей на дорогу, да й скажуть: — „Идь соби къ нечыстому! Намъ такихъ не треба!“

А якъ же который удасьця розторопный и догадливый, то, вышовшы на могылу, клькне разивъ зо два: „Гей, панове молодьци! идите каши исты!“ да якъ не озываюцца, то винъ: „Чортъ же васъ беры, колы мовчите! Буду я й самъ исты.“ Да ще передъ одходомъ ударыть на могыли гопака: „Ой тутъ мыни погуляты на простори!“ Да затягнувши на весь степъ Козацьку письню, и пійде соби до куреня, и давай уплитаты тую кашу.

То Запорозьци, лежачы въ травы, и кажуть: „Оце нашъ!“ Да побравшы косы, и йдуть до куреня. А винъ: — „Де васъ у биса носыло, панове? Гукавъ, гукавъ, ажъ горло заболело; да щобъ каша не перекипила, то я почавъ самъ исты.“

То Запорозьци споглянуть одинъ на одного, да й скажуть ёму:—„Ну, чуро, вставай! Годи тоби быть хлопцемъ; теперь ты ривный намъ Козакъ!“

И прыймають у товариство.

(Разказывали въ Мотрешинскомъ монастырѣ.)

III.

Запорозьци, скоро було заспорять, заразъ на поедынокъ на пистолеты. Розстелють бурку. Одинъ на одному рижку стане, а другый на другому и стреляють. Ото въ ихъ тилько й суда.

(Разказывалъ въ Александровъ Иванъ Бурдунъ.)

IV.

Було що року напздать на ярмарокъ у Смплу Запорозьци зъ Сичи. Прийде було ихъ чоловикъ дванадцять, трынадцять. А нарядъ

на ихъ такій, що Боже твоя воля! Золото да срибло! Оце шапка на ёму буде оксамитна червона зъ рижками, а околычка, такъ пальци на тры, або сива, або чорна; на споди у ёго жупань—самый чыстый кармазынь, якъ огонь. що й очыма не зоглянешь; а зверху черкеска зъ вылётаны або сыня, або голуба; штаны суконны сыни, шырокі, такъ и высять ажъ почты по передкахъ, чоботы червоны; а на ля-дунци або золото, або срибло, и черезплечныкы, то й те все позолочуване; шабля пры боку вся буде въ золоти, ажъ горыть! А якъ иде, то й до земли не доторкаецця. А оце було сядуть на коней, да по ярмарку, якъ искры сяють! Кыне було оце брыль, да й не допустыть: пидбизыть конемъ, да й ухватить; а скоро въ кого впавъ, товже оце йдуть, пьють и гуляють за ёго грошы. А храбрость, така храбрость! Було йде, то ий Богу такы до земли не доторкаецця; тилько—шамъ, шамъ, шамъ, шамъ, пишовъ гулять! Сва-тають було дивчать. Мою сестру засваталы; то коней у батька по-одгодовувалы, самы недиль зо дви гулялы, да потимъ: „Поїдемо жъ мы за свідательствомъ, да будемо винчаецця“ Якъ поихалы, то тилько й бачылы.

(Розказывалъ Кондрать Тарануха, въ Слѣпой.)

V.

Яку жъ вамъ теперь писню заспивать? Хыба про Васюрынського?

„Васюрынськый Козарлюга все пье, да гуляе.

„Отамана Кошового называе:

„Позволь, батьку отамане намъ на башти стати:“

„Якъ не стыдно Вилій Царыци а Сичъ руйноваты?“

Васюрынськый, знаєте, той бувъ такій сылный, що якъ прычащаецця, то чотыри чоловікы держать попа, щобъ не впавъ одъ духу. Такій бувъ лыцарь, що тилько дхне, то одъ самого духу не встоишь на ногахъ. Якъ прышлы Москали Сичъ жакуваты, то винъ просывьсь, щобъ тилько позволено ёму стати на башти: „Мы,—каже,—станемо зъ кулаками, то ни спысь, ни куля не вызьме.“ А описыла якъ побачылы, що Москва вже все позабирала, то сило ихъ сорогъ тысяч на човны, да й поихалы до Турка.

(Онь же.)

VI.

Я служывъ два годы у Берыславъ*, а тамъ не далеко рыбныи заводы Запорозькыи. То було якъ прыдешъ у заводъ, то воны тебе не стануть пытать, що ты за чоловікъ, а заразъ: „Дайте

* Въ 75 верстахъ отъ Херсона

лышь Козаку попойсты, да й горилкы чарку пиднесить, бо винь, може, здалека йде, то втомывся.“ Отъ, якъ наисысь, то ще ляжъ одпочынь, да тогда вже пытаются: „Хто ты такый? Може роботы шукаешъ?“ Отъ, скажешъ:—„Шукаю.—“ „Такъ и въ насъ е робота; прыставай!“ То й прыстанешъ, и часомъ за мисяць рубливъ двадцять заробышь. А народъ бувъ усе роскошный, шыи такыи, що хочъ обидьбь гны: уже вони до себе якого-небудь не прымутъ, а усы довгы, що ажъ за уши позакладують. У недилю було зберуцьця гулять, то багатыи особо, а вбогыи особо. Багатыи й шатерь соби напнуть и справляють балъ: горилку пьютъ, у карты, а наибильше въ шашкы, грають. На кобзи було лырныкъ имъ грае, пидобгавшы ногы, а вони танцюють. Пийде було навпрысидкы, то геть обйде чортъ знае де. То вже народъ муштрованый бувъ! Або колесомъ пийде, то чортъ ёго знае, якъ винь тамъ котыцьця: зо всимъ якъ колесо!

(Розказывалъ въ Звенигородкѣ пасичникъ изъ Кремчуга.)

VII.

Росказувала одна стара баба, що, каже, якъ була я дивкою, то, каже, Запорожець ставъ зо мною жартовать. А другый стоить, да й каже:—„Вражый сыну! На що ты зъ дивкою жартуешъ? Хыба тоби нема молодьци?“

— „Я,—каже,—тилько такъ.“

Да вынявъ зъ кышени такый хорошый шовковый платокъ, да й каже:—„На жъ тоби, бисова дивко, носы! Се тоби за те, що зъ тобою жартовавъ.“

(Онъ же.)

VIII.

Тогда такъ було, що оце пидмовыть дивку, завезе на Запорожьжя, продасть, а самъ вернецьця. Мыни одинъ признавався: „Я,—каже,— продавъ Варку, то й каюся и не буду до выку женьцьця.“

И не женьвся.

(Розказывалъ Дмитро Погорьлый, въ Звенигородкѣ.)

IX.

Якъ стоялы мы въ Кыевѣ, то я зъ другымы стражъ державъ. Мижъ намы булы Запорозьци въ холодныци. Старшый Запорожець

въ зализахъ сыдыть, а товариство въ колодкахъ. Старшій здоровый чоловікъ, оттакій! да й то не худо - пахолкы.

А Запорозьци, волны люде булы. Каже: „Хочь до крови не хай бьюцьця, а колы до насъ нема прозьбы, то мы й не помагаемъ.“ За те, що ихъ зъ степивъ прогонялы и добувать не позволялы, то Кошовый розсердывся, що одь ихъ весь степь одбиралы и завоеувать не позволялы. Тогда намъ такы и тиснійше стало, бо вередовать почалы. А воны нашій Царыци служылы. До ихъ изъ нашихъ утикалы, бо тамъ вольнійшь буде.

Отъ оцей старшій и товариство пидмовлялы до себе Московского карабынера; а той не пишовъ, да своимъ охфыцерамъ и объявивъ, то ихъ и позабиралы. То було говорить: „У насъ оттакъ, батьковы диты, діялось: колы зажелавъ, ступай до насъ; а ни, сказавъ: „Мени й тутъ дыбре служыть Богу й Царыци за Виру Хрыстіянську.“

А на ёму одежа славна, штаны оксамытны чорны, куртки зелены, а шапки не бачывъ, — и не надивавъ, правду сказать.

Оце за нымъ ходымо, караулымо, а винъ намъ каже: — „Що вы, батьковы диты, ходыте за мною? Вы бѣ тры дни надо мною стоялы, вы бѣ думалы, що я передь вами, а я Богъ знае, де бувъ бы!“

Да було свому товариству, що въ холодныку, гласъ и оддае: „Сыдыть, — каже, — хлопци; вы шуткуйте, шуткуйте, да ждыть ладу, покы бумага прыйде зъ полку; побачымъ, хто выновать, чы мы що пидмовлялы, чы винъ, що насъ пидъябедывъ. Не погане море, що собаки хлещуть, не поганы й люде, що пидъ прыказомъ сыдыть!“

А воны, сказано, сыдыть въ козарни*, ихъ и на работу зъ рештантаны не выгонялы. Тутъ и ложечка (кровать) для Прапорщыка.

То якый Запорожець: „Отъ увяжить мене, — каже, — въ мишокъ, чы встережете мене, що мене бережете?“

— „Чомъ?“

„Кете мишокъ!“ — да й влизе въ мишокъ, да до сволока ёго й прытягнуть за трымкы; а винъ изза дверей и йде, да: „Здоровы, вражы сыны! Устереглы?“

Або который-небудь Запорожець: — „Що вы, думаете, я не знаю, що вы вміете красты?“ Да разъ до мене: „А на що ты пятака вкравь?“

— „Я й не бачывъ пятака!“

„А ну, скинь чобить!“

Скынувъ, ажъ у чоботи пятакъ!

А винъ: „А, идять васъ мухы!“ Да й сміецця, вражый Запорожець.

А то винъ хымородою хымородывъ, сказано каверзыныкы.

А старшій було лежыть да: „Гуляйте, хлопци, гуляйте, да заспывайте лышь пысьны!“

— „А якои, — кажу, — вамъ пысенькы заспывать? Може оттакои, дядьку, оттакои?“

* Posadzić do kozy.

А я й не знавѣ, що винъ Запорожець: на ёму ни якои кавалерыи нема, а въ зализахъ, да думая: такъ, служащій, да й заспивавъ ёму Запорозькои: „Ой поїзжав да по України да Козаченько Швачка,“.... То винъ слухавъ, слухавъ, слизми облыся, да мене за голову: — „Ахъ, сыночку мій! Се жъ наша батькивщина! Се жъ наша отцевська писня! Се не писенька, се щыра правдонька! Такъ мы у своихъ батькивъ служылы, да оце про ихъ и писенью проложено!“ Сёму вже (когда онъ видѣлъ Запорожца) годъ пятьдесятъ пятый буде.“

(Розказывавъ Семенъ Юрченко, въ Мартыновкѣ, Черниговск. губ.)

X.

Запорозцьци перше звались *Козары* и сѣдили въ Каневѣ, потимъ въ Романкови, потомъ у старому Кодаку, а дали ныжче Никополя. (Происхожденіе ихъ:) Служыло ихъ три у Короля. Король заплатывъ двомъ жалованье, а третёму сказавъ — „Отъ же я двомъ заплатывъ гришмы, а ты, колы хочъ, иды въ Каневъ, осады соби тамъ слободу!“ Отъ винъ щшовъ, да й завивъ тамъ Сичъ.

(Розказывавъ старикъ въ Корсунѣ.)

XI.

Въ Запорожьжи нихто було не скаже старому: „Дурно хлибъ исы.“ Прийдѣ, ратыще встромы, янчарку повисъ, да й лежы соби хочъ тры мисяци, пый й їжъ готове. Тилько встанъ, Богу помолысь, колы е грошы, иды въ корчму, горилку пый.

А якъ же скаже хто: — „Дурно хлибъ ісы,“ то Козаки такъ и нападуть: „А ты вже закозаковався, сякий, такой сыпу!“

(Отъ же.)

XII.

Козаки пидъ Мазепою зминылы, да й пишлы пидъ Турка. Турокъ давъ имъ землю и все. Колы жъ умеръ Козакъ, а земля й выкынула, умеръ другый — и другого выкынула, третій, выкынула й третёго. Такъ вони тоди: — „Эй, брацьци сердечныи! вернимось, бо насъ тутъ и земля не приймає!“

А Царь Петро вже зазываетъ: — „Верницьця, — каже, — не буде вамъ ни якои кары, ни упомынку.“ Такъ вони й вернулись.

То їхавъ разъ батько поузь Савуръ Могылу, а тамъ великыи шляхы идутъ: одынъ у Московщину, а другый у нашу сторону. То мижъ

тымы шляхамы, коло тых Савурь Могылы камень великий лежить. А зь нымъ ходывъ тоди на Динь Василь Куценко, письменный. Такъ батько каже:—„Иды лышь, Васылю, прочитай, що на тимъ камени напысано!“ А той пишовъ, да й прочитавъ: „Проклятъ, проклятъ, проклятъ, хто буде одъ Запорожцывъ одбиратъ землю, покы свитъ сонця!“ Государь таке заклатье положывъ.

Мій батько такы водывся зь тымы Запорожцями. Бувало то горилку, то що возять у Сичь. Росказуе було, що, каже, якъ прыезешь горилку, то й прыде куповать, и заразы бере волочокъ, тягае, самъ пье и душъ десять частуе. Хто стоить, жодного частуе. Уже жь ты ёму не кажи ничего. То выпьють такъ якъ на корхъ зь бочки,“ да тоди вже: „Заплатимъ же, паны молодьци, за горилку!“ да й закупыть уси бочки, и вже заплатять добре! А якъ же бь що сказавъ, то и стоявъ бы тамъ не знятъ докы, да може й назадъ повизъ бы горилку.—„Не йдить,—кажуть,— до вражого сына куповать: чаркы горилкы жалуе.“

А вже въ ихъ такъ, що якъ садовышь, то садовы багатого и вбогого; а якъ же ни, то й хазяина по грудяхъ:—„Матери твой бисъ: багатого такъ и трактуешь, а мене такъ и ни!“

Жваый народъ бувъ! Було якъ пйде конемъ, то не такъ якъ нашы, а такъ якъ пань; колы бь струснувся! Такъ и пзнаешъ ёго оддалеку.

Разъ стою за воритьмы, ажъ ихъ йде трое, а за нымы по одному коню пидъ вьюкамы: и що тамъ срибла въ тыхъ вьюкахъ! Такъ думаю, що четверыкъ на жадному.—„Здоровъ“—кажуть!“—хлопча!“—„Здоровы!“—„А де тутъ Дмитро Билыкъ живе?“—„Оце,—„кажу“—й Билыкъ!“—„А дома?“—„Дома.“—Запхалы, пообидалы въ батька, да й понхалы. А то вони верталысь изъ Польцы Кажуть батьковн:—„Уже, Дмитре, надралы; буде зь насъ покы й нашого вику!“

Не одну жь Польцу вони дралы. Було й нашымъ одъ ихъ лыхо! Ни харчи було не провезешъ, ничего. Росказувавъ батько, що идемо, каже, зь Запорожьжя. А братъ до брата на Запорожьже ходывъ, такъ винъ ёму два возы рыбы наклавъ. Идемо зь Запорожьжя, ажъ дывимся—ратыще на шляху встромене Уже жь и не йды далше, а то якъ выскочать, прокляты комышныкы, не довго на свитъ дывытымыся. Зупынылы волпвь, ажъ и йде ихъ тры. Два жь стоить на коняхъ, а одышь до воза:—„Розшнуровуй визъ, вражий сыну!“ Розшнуровавъ. Винъ й почавъ изъ воза рыбу выкыдать. А въ другому вози спысь стрымивъ; визъ бувъ очеретомъ уккрытый, и спысь у ёму стрымивъ. Той чумаць дывывсь, дывывсь, дали якъ ухопыть спысь, да якъ суне того комышныка пидъ бикъ, такъ и пронявъ.—„А йдить,—каже,—й вы сюды! (на тыхъ уже, що на коняхъ сыдять)! Ивамъ те буде!“ То ты бачать, що се не промахъ, да й звомпылы.—„Що жь?“—кажуть,—мы бачымо, що винъ вражий сынъ глумыцьця“. Да й оружье поодкыдалы.—„Сховаймо, кажутъ,—ёго, брацьци! То такы не падлюка, то Хрыстыянынъ.“ Угорнули въ радно,—радно въ того чоловіка взяли,—да й заховаы. То-

ди питаюцьця:— „Хто жь ты такий?“— „Я“— каже— оттакий и такий, ходывь до брата въ гости!“— „Знаемо,— кажуть,— того Козака! Щобь же тебе! Колы бь ты намь хочь слово сказавь, що ты ёго брать, мы бь тебе й не чипалы.“ Да й поихалы.

Такий то народь бувь. Якь не краде Запорожець, то й кажуть ёму:— „Доки ты, вражий сыну, будешь лежаты? И чаркы горилкы ни за що выпыты!“

Нашь родычь, Яцько, бувь у Запорозьяхь, то було росказуе:— „Пишлы, каже,— разь ажь за Богь рiku надь Тылыгуль коней красты: глянёмь, ажь такий табунь коней ходыть! Оть я прылизь, ажь Нагаець вартовый спыть и вижкы замотавь коло руки. Я якь сунувь ёго спысомь, а винь у панцыри, то спысь такь и закорчывся. Винь якь схопыцьця, да до мене! то якь бы не було ножа, то заризавь бы вражий сынь; а то я якь черкну ёго ножемь по горлу, то винь такь и повалывсь.

А вже въ Сичь баба не ходы; хочь бы сестра, хочь бы маты ридна — не пустать. Такь, чортъ же знае по якому жылы тьи Запорозьяци: самы соби якь бурлаки. Бувь одынь Запорожець Нагаець, да й внадывся до попади. Коло Сичы десь тамь у сельци винь живь; такь винь до попади й внадывся. А Запорозьяци пронюхалы, да й пишлы до Кошового:— „Такий намь стыдъ робыть Нагаець, пане батьку; унадывсь, кажуть, до попади, якь той собака!“— „Постійте жь,“— каже— паны молодьци; я Козака надежного пошлю; нехай прысочыть его; тоди вже буде ёму судъ и росправа!“ Оть, Нагаець поихавь изь Сичы, а Козакь соби. Прыхавь до попади:— „Одлыны!“ Не одчняе. Винь якь суне въ двери ногою, — двери такь й вывалыдысь. У хату, ажь винь тамь за запонкою. „А що ты туть робышь, сякий, такий сын?“ Якь узявь быть ёго нагаемь. А той просыцьця:— „Брате мій ридный! Ужже хочь бый, тилько панови батьку не лсы!“ А тамь уже таке чортове заведеніе, що симь разь якь ударыть кьемь, то вже хлиба не йстынешь. Такь що жь? У такого одмолысься? И нагаемь выбывь, и Кошовому зьясовавь. Ну, звисно вже: заразы до стовба, да кيامы. Занедужавь, сердечный Нагаець, одь такой бани, да й вмерь незабаромь.

Уже що бойкий людь бувь, то такь! Разь ходывь изь батькомь у Сичь изь горилкою мой ридный дядько. Оть и питаюцьця:— „Що се, Дмитре, зь тобою?“— „Да се, — каже— мой шурынь, моей жинкы брать.“— „Якь ёго зовуть?“— „Хома.“— „Не вклепався, — каже, — пипь, що ёму таке имня давь: винь на Хому й походывь, дяволивь сын!“

А разь такы добре допеклы мойму батькови. Сыдыть винь изь нмы въ лёху, да й пьютъ. А воны й давай ёго на смихь пидіймать:— „Ге, вась, кажуть, тамь у Польци,— а се бь то, бачь, на Вкраини,— попы мыромь не мажуть, а гусячымь саломь. „А батько, не довго говорывшы, схопывсь, да на базари купывь хлиба, да й пишовь до Кошового. Кошовый выслухавь:— „Ишь,— каже,— вражы сыны! А воны жь изь чого поплодылысь? И воны жь изь мужыкывь породылысь, а теперь уже тилько ихь мыромь мазано! А пійды,— каже на Козака, що

иры ёму бувъ, пійды лышенъ помыры ихъ!“ Прышовъ Козакъ изъ батькомъ до лѣху:— „А чого, — каже, — вы тутъ, вражы сыны, змагаєтесь?“ — А воны:— „Сядь, сядь, батьку! Чарку горилкы выпый!“ Отъ винъ посидивъ трохы:— „Що жъ — каже, — я дармо чоботы топтавъ для васъ? Положить по рублю!“ Усы выняли по рублю и положили ёму въ шапку. И батько мусивъ положить рубля. Такъ розсудивъ, дїаволивъ сынъ!

А то, кажуть, ще-то въ старовину, одибравъ Кошовый що найкращый народъ да одижный, да й пославъ до Короля. Отъ Ляхы бачать, що въ ихъ усы оттакелезны:— „Чого бь, кажуть, дать имъ йсты? Даймо имъ сметаны!“ Дали сметаны, а Запорожьци кажуть:— „У насъ не дають сметаны напередъ. медъ напередъ дають.“ „Ну, дать имъ меду!“ Дали меду, а воны якъ попили меду, да позакручували усы:— „Теперь, — кажуть — давайте й сметаны!“ А пидъ той самыи часъ непрїатель прыславъ Ляхамъ лукъ:— „Якъ не натяжете, — каже, — сѣго лука, то становицьця на баталію (не о войнѣ лѣ съ Крыжаками подъ Динабургомъ?)“ Отъ Ляхы пробовали, пробовали, ниhto не натяне. А одынъ Запорожець:— „Ось кете лышь, — каже, — сюды!“ Узявъ, такъ и натянувъ той лукъ.— „Дайте жъ, — каже, — теперь мыни штабу залѣза, да взявъ, да кругомъ шыи тому послово обгорнувъ, дай завернувъ, такъ якъ отъ снпш завертаешъ, що перевесло скружышь; такъ винъ ту штабу завернувъ:— „Колы одвернете, — каже, — вы сю штабу, тоди мы на баталію зъ вами станемъ. „Якъи же ёго чортъ одверне? — Хыба бь голову одкруктывъ! Може, якъ прыхавъ, то може чортъ знае, докы пылялы. Не можна ни лягты, ничего.

Э, здоровый народъ бувъ! Уже якъ зруйновали Сичъ, то одынъ такый бувъ здоровый, що духомъ убье чоловика. Якъ пишовъ прычащацьця, да духу не втаивъ, то трохы Священикъ не вправъ навзнакъ.— „Хто ты, — каже, — старче, такый? Прызнайся.“ — „А що жъ, — каже, — батюшка, я отой и той.“ — „Зыйды, — каже, — зъ сѣго града, бо тилько дознаюцьця, то пропадешъ.“

Ще скоро рознеслась чутка, що Запорожьжѣ зруйнують, то Гетьманци було Запорожьцямъ спивають:

„Вражы сыны Запорожьци не добре зробылы,“

Що край добрый, станъ веселый да занапастылы.“

То Запорожьци було зляцьця! Воны бь то й были ихъ, такъ и тожъ народъ военный. Хочъ и по шынкамъ було зостринуцьця, то не дуже було страшно.

А було якъ очортѣе Запорожьцямъ у Сичи горилку пыть, то й понаизжають у гости на Украину, або на Гетьманщину. Прыизжають було й до мого батька. То имъ же добре, що є да що пыть, а батько зъ нымы такъ було укачаецьця въ довгы, що ну! Якъ позыздяцьця було, то й говорятъ:— „Наше Запорожьжѣ такъ изведецьця, що чортматыме ничего!“ Такъ самы було й говорятъ. Отъ же и звелось!

Якъ уже въ Сичъ Москаль порынувъ, то воны драда, а Москаль — „Бижить, да коло Кызыкермена ланцюгъ перекинъте черезъ Днипръ! Якъ будуть утитать, то зъ пушокъ на ихъ!“ А воны вербу

зрубали, да й пустылы по Днипру; то верба вдарылась объ ланцюгъ, а пушкы—гу-гу! А Запорозьци тоди:—„Оттеперъ, брацьця, гребить!“ Да й утекли одъ Москаля.

(*Розказывалъ Климъ Блшкв, въ Кумейкахъ*)

ОЧАКОВСКАЯ БѢДА *.

Бувавъ тутъ колысь часто у насъ у монастыри Повковныкъ Козацькый зъ того боку Днипра, звався Перепельця. То було якъ зачне росказувать про давнїи войны, такъ умора да й тилько. — Що, каже, теперъ за войны? То якъ колысь нашь Заднипрянськый Козаки воёвали, такъ, такъ! То, каже народъ храбрый и до войны тяжко способный. Якъ згадаю, каже, соби, що якъ бувъ я сотникомъ, то ходылы мы зъ Свитлїйшымъ ажъ на край свита, пидъ Очаковъ, да, казали намъ, що жинкы якъ перуть, то праныкы на небо кладуть: такъ небо тамъ нызенько. То нашому Козацтву и хотилось побачыты такого дыва; и страшно було такъ далеко одъ дому одбываться. Але, що маєшь робыты, колы приказъ!

Отто, ще, може тыжнивъ за два до походу, жинкы давай усячыну готовыты у дорогу: гринкы сушыты, сало въ возы укладуваты. Нарыштовалы повнїи мѣжи. Посходылыся уси родычы. Плачь, жаль такый по всѣму селу, що Господы! Де жъ бакъ! На близькый свить до Очакова, де небо вже такъ нызенько, що бабы праныкы кладуть, перучы на рицьци! Процалыся зъ нами бильшь, якъ тыждень, провожали за царыну гурбою, зъ чаркамы, зъ пляшкамы въ рукахъ. Плакалы якъ по мертвыхъ, такъ що я й самъ трохы зплакнувъ, а зъ Козакивъ деякыи и геть — то зарюмалы.

Отъ же то й пишлы мы до того Очакова на край свита. Пришлы, ажъ ни: небо ще не дуже нызько а хыба трохы ныжче, якъ у насъ.—„Ну,—кажемо,—слава жъ тоби, Господы! Ще, видно, не тутъ край свиту!“

Сталы мы стояты пидъ тымъ Очаковомъ, да ажъ обрыдло, такъ довго. Которому Козакови повны саквы жинка тютюну напхала, або ригъ кабаки набыла, то все тее повикурювалы й повныюхувалы. Дуже довго щось стоялы; прынялы й холоду, й голоду, бо стоялы въ шатрахъ, якъ Цыгане, и не було тамъ ни борщу, ни каши, а все

* Украинскіе старинные балагуры, для забавы гостей, сочиняли иногда пресмѣшныя пародїи, не щади въ нихъ даже и самихъ себя. *Очаковская бѣда* принадлежитъ къ такому роду рассказовъ.

тільки гринки зь саломъ йлы. Отаке-то лихо! Ажъ ось, не стало вже ставать и сада, а тилько самы гринки позоставались. Що тутъ чыныты! Колы бь ще Козаки зь голоду не попрпадады, то якъ тогда й до дому вертатысь? Бида! Повисылы наши носы, зовсимь змарнили; тилько що дыханіе въ тѣлѣ, бо сказано, що зь одныхъ гринокъ за смакъ?

Отъ, я, взявшы зь собою пысаря сотенного, да осаула, да отамана, порадывъ зь нымы, да й пишы до Свитлійшого прохаты, щобъ дозволювъ послаты до дому пидводы за саломъ. Прыходымъ, ажъ Свитлійшый стоить на рундуку и люльку курить. Поклонылысь ёму. А винь:— „Что вы, Хахлы?.....“

Ова, якъ же погано злаявъ! О, цуръ же ёму! — „Ваша Свитлость! Бида прышла Козакамъ!“

— „Какая бѣда?..... изновъ такъ и лягнувъ по Московскій на всю губу.“

А, якъ же паскудно лавцьця! Але ничего робыты: — „Бида,—кажу,—Ваша Свитлость; Козаки зь голоду мрутъ!“

— „Какъ съ голоду, проклятые Хахлы?“

— „Мрутъ, Ваша Свитлость: одни гринки zostались увъ обози, а сала вже забулы й яке воно.“

Ще я й не доказавъ, а винь: — „Вонъ, Хахлы!..... Ребята! Возьмите ихъ!“

Тутъ Москва якъ выскочыть, да за насъ, а мы пидобравшы полы, навтикача; а вражый Москаль, якъ репяхъ, такъ и вчепыцьця, що, геть ёго, проволочешъ може гоней зо двое. Утеклы насылу. Нехай имъ, цуръ симъ Москалямъ! Щото за народъ нависный зь нымы ни порадытысь по людскій, ни що!

— „Эге, панове, — кажу описья своимъ,—Оце вамъ наука, щобъ бралы сала ще бильшь, якъ хлиба, а то бачъ, яке лихо!“

Отто вже стоимо мы зь лихою годиною; ймо тїи гринки. Якъ ось, стала чутка, що Туркы йдутъ пидъ Очакивъ. Посылае мене Свитлійшый зь сотнею попереду, а самъ мусыть бы то й йты за нами. Поихалы мы, й думаемъ соби:— „Оттеперь же, мабутъ, прышла на насъ остатня година!“

Йдемъ, блукаемъ по полю якъ неприкаяныи. Колы жь де ни визмысь у степу курява така, якъ нибы чья велька панщына почала вїяты жыто на току у сто лопать. Оце жь Туркы йдутъ! Що тутъ, о Господы, чыныты? Стрелять бы то до нихъ, хочъ и далеко, щобъ почувъ Свитлійшый, да й шовъ скорійшь на пидмогу. Такъ що жь? Покры ще прыде, то Туркы насъ пошаткують на капусту. А хочъ и ни, то якъ пидоспіють наши, то все такы намъ лыха конемъ не обыхаты: треба стояты сьреду, то вси й пропадемо ни за собаку. Що тутъ у Бога дїяты! Дывлюсь, ажъ мостокъ надъ яркомъ:— „Брацьця,—кажу,—зхочаймось пидъ сей мостокъ. Нехай чорты бьюцьця, а мы пересыдымъ тутъ лыху году, да й жывы до дому повернемъ!“

Козаки заразъ мене й послухали. Збылись у купку коло мене тамъ, якъ бжолы кругомъ матки. Сыдымо; колы жъ земля и звидси, и звидты гуде, такъ якъ нибы дви хмары наступають, одна зъ западу, а друга одъ сходу соньця. Якъ зійшлися жъ Москали зъ Туркамы, якъ стали бытысь, то, Господы твоя воля! и родылись, и хрыстылись, такого страху не бачылы. А дали чувмо, що Москали перейшли за мостокъ, да й погналы Туркивъ.

Отъ, мы тогда зпидъ мистка. Дывимся, ажъ кони такъ играють кругомъ насъ по полю, а Туркы, що трискы на дрывитни, валяющьця купамы, а деякыи порыненыи ходять поміжъ ными и самы не знають, куды йты, бо й сылы, й смилосты вже чортъ має, а напужаны такъ, якъ овечкы одъ вовка; якъ розжене стадо, то ще довго дурныи стоять, вылупышы очы, по горахъ, а пастухъ хочъ гукай, хочъ не гукай.

— „Берите ихъ!“—крыкнувъ я своимъ,—вжыть вражыхъ Туркивъ, покы духъ имъ не одытхне! ловить коней!“

Отъ, мои Козаки давай ихъ баговаты! И набатовалы сотень зо дви, да коней сотъ зо дви, и грошей повны кышени понабиралы.

— „Теперь жъ,—кажу,—хлопци, звернимъ у бикъ зъ дороги, да одпочынемъ трохы де-небудъ у байраци, бо може втомылысь, гаяющься за киньмы; а надвечиръ вернемось до Свитлїйшого.“

Такъ изробыды. А якъ усе вгамовалось, и самъ Свитлїйшый вернувь до лагера, то й мы надвечиръ прывчалалы. Прыходымо до ганку, ажъ вишь стоить зъ люлькою такы въ зубахъ. Заразъ, якъ побачывъ насъ, такъ и загнувъ намъ по Московській:—„А что вы, Хахлы!“

О, цуръ же ёму, якъ не гарно лаецьця! Ова! Чы можны жъ такы такъ ганьты чоловіка ни за що, ни про що?

— „Да мы оце, ваша Свитлостъ, прышли спытатысь, кому оддаты плинныхъ?“

— „Какихъ плѣнныхъ, проклятые Чубы?“

— „Да отъ же бачыте, що мы ходылы увъ обьиздъ изъ своєю сотнею, то якъ напалы на насъ Туркы, а мы якъ почалы ихъ стреляты, да рубаты, то й самыхъ розогналы, и двисти плинныкывъ узялы, тилько шкода, що вси поранены!“

— „Двѣстѣ плѣнниковъ! А людей сколько потеряно?“

— „Ни одного чоловіка, Ваше Свитлостъ: уся сотня, слава Богу, жыва й цила!“

„Тѣфу, проклятые Хахлы! Двѣсти плѣнниковъ и самы цѣлы! Забрать у нихъ плѣнныхъ! Пошлы къ... .. глупые Чубы!“

Такъ намъ загнувъ на прощань, да й одпустывъ, спасьби ёму!

То вже тогда мои Козаки й кажуть:— „Якый-то тобі, пане сотнику, Вигъ розумъ давъ! Якъ бы тебе не послухалы, то вси бъ, може, марне пропалы; а теперь, слава Богу, и добычы повны руки, и самы zostалысь жывы й здоровы!“

(Розказывали въ Мотренискомъ монастырѣ.)

РАЗСКАЗЫ О ТАТАРАХЪ.

I.

..... А той Артыпармакъ такой бувъ, що водывъ Орду по всій Украины, то де позволено було асырь брать, той бралы. Була тая Орда въ Капустыной и въ Ыркахъ, и въ Калныболотахъ. А тутъ народъ зійшовся зъ цыпамы: „Ходимо, выбьемъ вражу Орду, щобъ ии й духу не було!“

А Артыпармакъ сказаць: — „Не займайте! Бо пушкы на васъ наведу и всихъ выбью, а Орда зостанецця цѣла!“

Да й повернувъ на Крывы Коліна, да тамъ уже не знаю, де винъ ии дивъ. Мабуць, де взявъ, туды й вывивъ.

А въ насъ тогда бувъ Козакъ Кузубъ. Той и каже: „Поїдемо, брацьци, за Ордою, чы не достанемо по червиньцю!“

Отъ, мій батько, да ще одинъ чоловікъ, да той Кузубъ, силы на коней, да й поихалы. Приихалы въ Ырки, ажъ тилько въ одній хати три Татарюгы сидятъ посередъ хаты голыи и гріюцця коло огню, бо се було въ зимку, и люльки курять. Отъ, нашы ихъ повбывалы, да не знайшовшы пры ныхъ ничего, — бо сказано голота, — й повернули до дому. Колы жъ зустрічають ватагу Козакывъ: те жъ идуть на хаты.

— „Здоровы, Козаки!“

— „Здоровы“ — кажуть нашы.

— „А де вы булы?“

— „Да оце, — кажуть, — іздылы за Ордою.“

— „А що вы тамъ бачылы?“

— „Ничого: трѣхъ голыхъ Татаръ убылы, да й вернулись зъ пустымы рукамы.“

— „Давайте жъ сюды, вражы сыны, и своихъ коней!“

Да й побралы въ ныхъ коней. А вони, сердечныи, мусылы йты до дому пышкы. То смиху, смиху описья зъ того було! Оттакъ воюй Орду! Довго сміялись, якъ було зберуцця у кунпаніи.

(Разказывалъ Дмитро Погорьлий въ Звенигородкѣ.)

II.

Колысь то ще, якъ Польща пановала, — бо теперъ уже Польщы тилько рукавъ, — увесь свитъ свита, а Польщы тилько рукавъ, — Польща хуторъ, — такъ Татаре набигалы. Було навяже людей рукамы до жерткы низку, да й жене. Отъ же есть и лисъ Перегинь.

Такъ тоди - то разъ Татаринъ такъ нагнавъ того мыру, що й зем-ли важко. Ото ночують вони въ степу. Такъ тіи вже до людей говорять: „Чи вже жъ мижъ нами нема такого сильного, щобъ оцю сырыцю порвавъ; або такого, щобъ ружьже замовивъ, або що? Подаваймо мы оцю мову по всьму обществу свойму, изъ коньця въ конецъ, щобъ такъ якъ оце.“ ... Подали тую мову, одиць по одному, одиць по одному. Ажъ одиць и каже: „Я,—каже,—розвяжу и соби, й вамъ руки, тилько не выдайте мене.“ — „Не бійся,—кажуть,—абы тоби Богъ помагавъ.“ Ото винъ ставъ навколишки, стенився, сырыця такъ и триснула. „Теперь же, — каже, — одиць одному розвазуйте руки, да забирайте зъ усихъ сторонъ по частямъ, дай крычить:—„Сюды наши, сюды наши! Забирай Турка, бий Турка!“ Колы такъ, каже, якъ нароблять крыку: го, го! го, го! го, го! якъ нароблять крыку, — Туркы не стямилысь, да въ ростычь, а наши за нами, — побылы, й порубалы, а самы до дому вернулисьъ.

(Розказывалъ старикъ-нищій въ Кіевъ.)

III.

Ще до Коливівщины пишла разъ по Черкасамъ чутка, що Орда йде, и вже не далеко. А се було зимою. То народъ такъ и хриснувъ на той бикъ (Днипра). А тамъ збиглось десяткивъ пять Гетьманськихъ Козакивъ на *Кручину* редуту, выще села Панського: „Сійте! Нема указу!“ Не пускають черезъ граняцію.“ А народъ сперся на лёду, то лідъ ажъ реве. Крыкъ, гвалтъ, диты плачуть! Бида такая скондась на лёду, що Боже твоя воля! Те саночкамы самотужкы, а въ кого волы, то на волахъ; а хто кони має, то киньмы. Тутъ и коровы, тутъ и овечкы, тутъ збихъже всяке. Отожъ зупынившы народъ на лёду, одиць Козакъ побигъ до суда въ Золотоношу, чы можно пустыть? А наши люде силы на коней, да побиглы ажъ до Смилянського мосту, чы йде Орда? То прыбигае Гетьманецъ: „Можна!“ Ажъ тутъ и наши вернулисьъ: „Нема Орды!“

А вона такы була, да тилько розграбила Журавку, да Бовтышку, тамъ десь коло Камнякы, да й вернулась.

(Розказывалъ Харко Цехмистеръ въ Черкасахъ.)

КОЗАКИ 1790 ГОДОВЪ.

Діялось се въ 1790 року. Тогди въ Польщи зробылась завьрюха. Мижъ Полщакыма й добры люде есть, да часомъ дило ныш-

комъ роблять. Отъ и вышовъ указъ зобратъ Малоросійськихъ Козаківъ. То насъ и зобрали въ Черниговѣ въ 1790 году, а 1791 и 1792-го у Києви вже лагерямы стоялы. Изъ трёхъ губерней насъ набрато девять тысячъ. Я и знаю, якъ Потёмкинъ набиравъ насъ. Винъ бувъ первымъ совитчыкомъ у Государыни, а Речетниковъ бувъ начальныкомъ. Ну, такъ оце насъ бывало що недилы смотрыть. А въ насъ одежа була егорська, пидъ зеленъ пидходила. Въ страженіи винъ (Потёмкинъ) багацько вѣйска потерявъ, то про ёго проложена й писня:

„Ой Потёмкинъ Генераль
Много вѣйска потерявъ,
Ой якъ же винъ потерявъ?
У картешки проигравъ.“

А Государыня,—сказано жинощина,—вона ёму те й простыла. Винъ сказавъ їй: „Государыня Екат. Алекс.! Нехай другы командують ими, а позвольте изъ трёхъ губерній чыстыхъ мыни Малоросіянъ набратъ!“ Отъ вона, нехай царствуе, и дозволыла. Винъ изъ трёхъ губерній и набравъ девять тысячъ и зъ Хвастовець тысячу. Отъ, мы вышлы въ Києвъ. А тамъ Днипръ манастырь Выдубський пидризавъ, и погреба булы открыты. То старшыи й кажуть:—„А що, Козаки! каша остыла, до буряківъ!“ Отъ мы тогда до буряківъ, да въ котлы. Тогда жъ я заслабивъ и остався въ обози. Отъ Потёмкинъ першъ смотривъ у Черниговѣ все вѣйсько. Пихота жъ махнула, а покы мы прыбулы, винъ уже пересмотривъ и махнувъ у Петенбурхъ. Ёго потребувалы туды. Ажъ ось треба! Указъ и прышовъ: „Померъ Потемка! Померъ!“ А Левандовъ же теперъ владіе вѣйськомъ и Речетниковъ, и говорятъ: „Що намъ робить изъ оцимъ корпусомъ? Чы ёго по повкамъ розбить, такъ велика сыла, чы що?“ И послалы указъ до Царыци. А вона йодпысала: „На васъ отдаюсь, на ваше сумлѣніе. Того вже нема, кому я дозволыла зобратъ!“ А вони й розсудылы, нехай царствуютъ: Пустыть ихъ у господу. Пани одслужылы, теперъ пустить ёго на свободу, де хотя прожить; тилько одноворцивъ, а наймытивъ по повкамъ, бо скаже: „Я свое одслужывъ.“ Ото жъ мы й прышлы въ Києвъ 1793 году уже не треба, замырылось се, тилько Пащокынъ,—я ёго знавъ, и на рундуку стоявъ на часахъ. Разъ иде у выступяхъ и сертуку,—а бувъ чоловичокъ соби невеличкый, старенькый,—я и зробивъ на караулъ, а винъ говорить: „Не надо, голубчыкъ!“ А винъ не пры кавалерыи, ни що. Отъ, якъ розпустылы насъ, то винъ и зложывъ муніцію въ гамазыны; а тогда жъ то потребовалы въ Польшу и пошивъ, щобъ править по Благочестію для Поляківъ, скилько ихъ привернулось. Мы жъ ото вышлы ниччу на майданъ, щобъ позводно... А протывъ насъ Астраханський повкъ. Отъ и пишлы командовать. Палы! трисъ! тамъ трисъ, Астраханський повкъ трисъ! до того до-трискалысь, що за рулю не можна було взяцьця, такъ розогрилась. Мы жъ холостымы зарядами стреляемо, а изъ Астраханського якыйсь бойнымъ только зззъ! зззъ! почала зызгать куля! Якъ холостымъ зарядомъ, то воно тилько трисне; а кулю заразы вже знать. Отъ мы стоимо: да й думаемъ:

— „Тутъ уже до дому бѣ то скоро йти, а тутъ ось яке лихо!“ Тутъ заразъ начальныкы постерегли, да „Полно! полно!“ Ото мы й розишлись. А и тогда не безъ заидивъ було. Не дали намъ за третъ года жалованья. Прышовъ же я до дому. Ну, ничего тайтъ гриха. Треба за сватацця, одружыцця. Богъ же зна, колы буде требка, бо одноворци повинны були, якъ указъ прыде, зновъ быть на мисти. А братъ каже: „Я за тебе послужу.“ Така согласна вже. А тутъ донесли Государыни, нехай царствуе, що стрилкамъ не оддано жалованья. Отъ вона й прыписала: „Оддать жалованье!“ Уже жъ намъ се жалованье даромъ не обійдецця. Пишли въ Борзну и взяли жалованье! Ажъ тутъ Леваныдовъ крычитьъ: — „Подай стрѣлковъ! Подай Малороссійскихъ стрѣлковъ!“ То тутъ кыдай й печене й варене. Леваныдовъ: — „Подай стрилковъ!“ Бѣ Польци зновъ закуѣвдылось!“ Отъ же мойму брату птыбъ служытъ, — такъ не можна: Леваныдовъ прыписавъ: — „Безъ мови видомы щобъ не переминялись; чы слипый, чы кривый, щобъ були налычно!“ Баба моя, тоди ще молода, кланяецця: — „Братыку соколыку! Иды ты, перемини!“ А я ёму й тогда ще казавъ: „А що жъ, якъ не пйдешь? Хазайку засмутышь и выгонышь; вона на тебе буде плакацця!“ Отъ й спысали бумагу, да въ Борзну. А въ Борзни Михайло Василѣвичъ Часныкъ комысаромъ бувъ. Прышли до ёго зъ бумагою. А винъ бувъ невеличкый, да грубненькый: „Голубчыкы, — каже, — не наша сыла. Сохранъ Боже переминяцця! Генералы кажуть неможна.“ Мы й пошлы, ничего робытъ, пошлы въ Черниговъ. Намъ и переклычка есть, а браты за нами идуть, якъ бурлакы. Губернаторъ каже: „Не могу я изробытъ ничего!“ Отъ мы зъ Чернигова повернули въ Кывъ. Браты кажуть: — „Э, брацця, вы насъ до убытку доведете. Мы до дому пйдемъ?“ — „Идять, — кажемъ. Що, — жъ робытъ? Мы васъ не сылуемъ.“ А въ мого брата новы чоботы. — „На, — каже — брате, тоби си чоботы, а мыни дай старенькы!“ — „Ни, — кажу — брате: ты дома не раздобудешъ, а я тутъ безъ чобитъ ходитъ не буду.“ — Ившы жъ пошлы, а другы остались зъ нами. А мій братъ каже такы: „Учы мене свого артыкулу, щобъ мене письли не былы!“ Ажъ ото почулы, що можно зминыцця. ПыВають мого брата. — „Радъ Богу и Государыни служытъ?“ — „Радъ, Ваше тысокопревосходительство!“ И запысали ёго. Отъ мы вже то бѣ й розходыцця, ажъ тутъ отгонають: — „Постойте жъ, ище не йдите, бо такъ не дйдете!“ И дали намъ бумагу. Якъ дали ту бумагу, тогда у насъ зъ братомъ сердце домлило, й радъ и смутно на души: самъ у гору пишовъ, а ёго неначе прытоптавъ: сердце оттакъ й оттакъ! Пытаю: „Що, братко? Якый я?“ — „Билый.“ — „А я, братко!“ — „И ты билый!“ Ну, що жъ робытъ, пишли до Днипра, взяли горилкы, поциловались, попрощались. „Идите соби зъ Богомъ!“ — А тутъ (дома) люде сказалы, що обоихъ визьмутъ. То маты ледви ходытъ, а жинка тилько що жыва. Сказано, бабамъ повырылы!

(Розказывавъ Семень Юрчино въ Мартыновѣ.)

ВОЙНА СЪ ПОЛЬЩЕЮ (1793 — 1795).

Костючка бувъ Кролемъ у Польщи, и старый бувъ, кажуть, да каверзныкъ бувъ великый. А якый каверзныкъ? Посадять у клитку, а винъ и втече. То давъ приказъ: „Сю ничъ поризать, або поколотъ постоялцивъ; а хто не згубить, тому самому голову зрубать!“ А въ одного бувъ кумъ изъ нашихъ. Пришовъ до дому; звисно вже, замырылось, то бувъ на гулянци, або що, — ажъ хазяинъ смутный, все здыхав — „Чого се ты, куме, смутный такый?“ — „А що жъ, каже, — намъ всимъ приказано оттакъ и такъ зробить; то повечеряй, збирай муницію, да й втикаймо обыдва!“ То положивъ ложку, уже наивсв, да за муницію, да до свого товариша: отака и така рича. — „Що ты кажешъ? Ходимъ до Поручыка!“ Отъ заразы барабанъ зборъ. Хто вечерявъ, ложку кыдавъ, за муницію; хто спать лигъ, встававъ; хто куды гулять пишовъ, и той прыбигъ. Отъ, примирно, Вильмачивка недалеко, то й почула барабанный галасъ, Ивангородъ, або Хвастовци недалеко, — и тамъ чують, що тревога, збираюцьця й соби въ походъ; а Борзна такъ 30 верстовъ, такъ тамъ не чуто було барабана, то й выризано всихъ нашихъ. Отъ тутъ уже давай збирать Козакивъ. Прыходымъ у Києвъ, ажъ тамъ уже повны шпаковни. Де Анрей Правозванный, то й тамъ ихъ повно у лѣхахъ. Ото, що имъ робить? Сталы воны рещантамы. Було поженуть чоловіка 15 на Днипръ пали бытъ. Пйде жъ 15 чоловіка, а чоловіка симъ прыйде. Тягнуть зализну бабу, щобъ убивать пали, а дали й самы бовтъ у воду свою волею, бо вмирать, вмирать. Генераламъ кажуть, що оттакъ и такъ: „Полякы топляцьця.“ А воны: „Катъ ихъ беры, нехай топляцьця!“ Ихъ брады на допросъ. „А що жъ, — кажуть, — мы не по своей воли: Король веливъ, шляхта!“

(*Разсказывалъ Семенъ Юрченко, съ Мартиновкы.*)

КАМЫШНИКИ.

Комышныкы тыи жылы по комышахъ и очеретахъ. Було йде чумацькы, то выскочать, обдеруть, да й булы такыи. Ото разъ йдутъ чумацькы, ажъ ихъ два выскакуе. Одынь ратыще на дорози востромывъ и крычытъ: „Одъ возивъ, чорта!“ Уси парубкы такъ и порозбигались, а отаманъ и зоставсь. — „Ты отаманъ?“ — „Я,“ — каже. — „Давай грошы!“ — „Що жъ“ — каже, — люде добры! Мы йдемо пидъ хуру, то де въ насъ тыи грошы?“ „Брешешъ, вражий сыну!“ И ставъ шукать, шукать у возахъ. Одну шукуру пиднявъ — нема; винъ до другои. А отаманъ чумацькый, Товстуха, соби ума прыбирае, що ёму робить. Вынявъ двйло, а Гайдамака до ёго. Дакъ и то худо-пахолокъ! Якъ ударить! — „Эй, — каже, — сюды!“ Отъ хлонци позбигались, потрощылы

имъ ноги на гамузь, да и покынули. — „Ой брацьци, докодить насъ!“
— „Ни, якъ заробылы, такъ и одвичайте!“

У чумакивъ колеса товстыи; то въ колесахъ було продовбув диркы, да туды грошы положыть, да й позабывае гвиздкамы; то ёго хочъ якъ нехай розбывае, а грошы е.

(Онъ же.)

ГЛАДКІЙ.

Тоди, якъ була та война *, зновъ, не знать чого, народъ изтруснувся. Було кажуть: „Се, выдно, десь такый лыцаръ уродывся, що вся земля затрусилась!“ Ажъ отоди саме, якъ була ота заверюха, той Гладкий-то народывсь.

(Розказывалъ Кимъ Бьликъ въ Кумейкахъ.)

УРОЧИЩА ВЪ СМЪЛОЙ.

Не знаю, чы згадаю вси врочыща, бо е въ насъ ихъ до ката. Оце заразь *Юрова гора*. Було у якогось пана троє дитей: то сынъ, Юрасъ, збудовавъ соби домокъ на Юровій гори, — ще й доси слидъ знать, — а одна дочка, *Домна*, греблю *Смилянську* сыпала, а друга, *Мотря*, *Мотренинъ* манастырь збудовала. А зновъ есть, верстовъ, може, пятнадцать одъ *Смилой*, *Герусивъ яръ*. Тамъ, кажуть, Туркы колысь сыдили, и колодязь тамъ есть, увесь выкладенъ камнемъ, а глубокий, такый, що розказувавъ *Смилянскый* такы нашъ чоловікъ, що, каже, — разъ якъ одвалывъ камень, да якъ кынувъ туды, то летивъ, летивъ, да тилько — дзеннинъ! А ще есть *Барабашыха яръ* (верстахъ въ десяти отъ *Смълой*). Тамъ колысь Козакъ *Барабашъ* сидивъ. *Плоске* на лощыни, а за *Плоскымъ* есть озеро давне, предвишне. Есть ище *Холодный яръ*, давный дуже. А коло *Юрового* есть, на гори такы, могыла; зовецьця *Роскопана*. Отъ ии и выдно звидси. Да и зъ *Черкасъ*, скоро выйдешъ за *царыну*, заразь и выдно. Да ще верстовъ чотыри отъ *Смилой* есть *Чорна могыла*. Отъ и вси вамъ урочыща, вельможный пане!

(Розказывалъ *Кондратъ Тарануха*.)

* Съ Польшею, 1793 — 1795.

УРОЧИЩА ВЪ ЗВЕНИГОРОДКЪ.

Черезъ Звенигородку тече невеличка, ричка *Погибна*. Да и все удолье, весь байракъ зовецьця Погибна. Колысь тамъ были великыи лозы. Отъ Татарва якъ набигла, то килько чоловікъ зховалось, да й сыдять у тыхъ лозахъ. Колы жъ дывляцьця, ажъ Татарюга, піймавъ чоловіка, да й веде черезъ мистокъ. То вони й кажуть:—„Отъ погыбне чоловікъ ни за собаку!“

А одинъ каже: „Побижу я ёго обороню: у мене ципъ є.“

Да зъ ципомъ до того Татарына выскочывъ, да и вбывъ Татарына, и чоловіка однявъ.

То вже тогда тїи люде й кажуть:—„Отъ же, якъ мавъ чоловікъ погыбнуты, то нехай лучше ричка зовецьця Погыбною, щобъ тутъ уже николи люде не погыбалы!“

А оцюды, черезъ гору, єсть озеро *Топыло*. Тамъ хлопецъ, чы що, втопывся, да й прозвалы Топыломъ. А воно такъ, що якъ лито жарке, то все й высохне. А за тымъ озеромъ *Брыжчына долина*. Чоловикъ бувъ Брыжка. А за тїєю долиною, черезъ стрельцю, урочище *Козацькый Куринь*. Якъ було ще тутъ колысь старство, то було старостянськыи Козаки стережуть дубыны. А ще єсть тутъ у Гудзієвци могыла *Звенигородъ*. Богъ ии знає, чога вона такъ зовецьця; тилько кажуть, що Звенигородъ бувъ колысь Козацькый городъ; одъ жадного двора Козакъ выходывъ. И на самій отгїй могылы судъ стоявъ, бо городъ далеко розходывся. А въ Гудзієвци живъ колысь чоловікъ Гудзь, то одъ ёго вже и вся слобода Гудзієвкою прозвалась. Изпидъ могылы Звенигорода тече ричка *Звенигородка* и впадає въ Тыкычъ, а въ Звенигородку впадає Погибна, трошкы выще оптекы. Ще *Шугайлова могыла* єсть. А назвалась вона Шугайловою ще тогда, якъ Україною Князи (Полякы) правылы. То було оце якъ стануть *гряныщыця*, то село на село йде. Той каже: „Сюды гряныця!“ а той каже: „Сюды!“ Такъ одинъ Козакъ, Шугайло, выскочывъ конемъ на могылу, а ёго зъ того боку кулею якъ дады, такъ винъ зъ коня. Тамъ ёго й закопалы, и могыла зъ того часу якъ Шугайлова, то й Шугайлова, да ще одно урочище зовецьця *Попивъ Ригъ*, верстовъ дво одъ города. А у самому городи, оце саме, де городнычый живє, зовецьця *Натягайлівка*. Що було якъ бьєцьця навкулачкы, паравхїя на паравхїю, то якъ доженуть до того миста, то вже добре за чубы натягають; отъ и Натягайлівка. А де теперь живє Головачевськый, то звався *Грецькый кутокъ*. Було якъ збыраюцьця на грець, чы то бачъ навкулачкы, то зїдуцьця на той кутокъ самыи старыи, да й розкладають раду, якъ зайты, чы зъ того, чы зъ того боку, кому попереду, а кому позаду, а кому по бокамъ иты, и тамъ соби тайно змовляцьця да потимъ уже й пускають дитвору, ажъ покы и до старыхъ дїйде. Було оце такый старый чоловікъ буде, якъ я, то бороду въ зубы, да й пишовъ гулять зъ кулаками, да часомъ старый бьєцьця ще лучше молодого. Теперь якъ гулять, то йдуть або на музыкы, або у шынкъ, а тогда то все навкулачны. Оце зостринутьця де-небудъ хлопци:

— „Здоровъ, брате!“

— „Здоровъ!“

— „А давай навкулачки!“

— „Давай!“

Той того въ груди, а той того.

А по сей бикъ Погыбнои — *Кучукуривка*. Колысь сев мисто було зовсимъ пуге. То якыйся чоловікъ прыйшовъ, чы зъ Бердычова, чы шо, на слободу, да й сивъ соби коло Погыбнои. Ото прызывають ёго паны:— „Якъ тебе зовуть?“

— „Олійныкъ.“

— „Э, треба тоби друге прызвыще дати, щобъ тебе твои паны звидты не взяли.“

— „Да я,— каже,— панове, на такихъ кучугурахъ сивъ, шо ни хто ни зайде, ни зайде.“

— „Ну, будь же ты Кучугуромъ!“

Якъ Кучугуръ, то й Кучугуръ, да описья и весь той кутокъ назався Кучугуриёкою.

А по той бикъ рички Звенигородки зовеця мисто *Цяписка*. То жъ була колысь пустыня, а одынь чоловікъ изъ жинкою прышовъ, на слободу жъ такы, да й сивъ соби одынь однимъ за ричкою. Такъ було жинка ёго выйде вранци, да на курей: „*Куръ, куръ, цяпъ, цяпъ!*“ А люде зъ сёго боку сміюцьца було, да й прозвали того чоловіка Цяпомъ, а одъ Цяпа и весь кутокъ ставъ Цяпивка. Бо ни шо въ свити не буде безъ прызвыща, хочъ чоловікъ, хочъ скотына, усе мае свое прызвыще. А ще якъ йхаты на Каныболота, то одъ города верстовъ пять, стоить камень *Пысанка*, шо сыны поставылы колысь надъ батькомъ. Пысанка той бувъ родомъ изъ Стебного (двѣ версты отъ Звенигородки), старый, дидызный чоловікъ, и такый, кажутъ, бувъ Козакъ, шо нехай до ёго стреляе, то руку наставить, да й кули вертае назадъ. Якъ ще были Козаки у старосцыны Салтыковой, то вже було безъ ёго не пйдуть грянычыцьца, бо не ихъ буде сыла. А якъ же Пысанка е, то вже йдутъ сміло. Такъ одъ надъ тымъ-то Пысанкою й стоить той камень Пысанка. Есть и *Пысанчыны Байраки*.

(Разказывалъ Дмитро Погорьлий.)

ПРЕЖНІЯ ВРЕМЕНА ВЪ УКРАИНѢ.

Тогда було дасы два рубли *цены* посесорови, да одбудешъ дванадцать день *шарварку*, греблю бъ то гатыть, а тамъ уже шо загадають, да *возове* одбудешъ, шить визъ прывезешъ колодь, да заплатышь *коленного* пивкопы грошей, да *осыну* корецъ жыта, да пивкорця овса и ячменю, да й сыдышь соби дома. А панщыны ни якои

не було. Тільки толокою було зоремъ лань посесорови, да выжавшы зкладемъ и звозимъ, да й годи. Оце було прыде до хаты: „Прохавъ панъ на толоку орать, або тамъ жать чы косыть.“ То зъ хаты два, або три бижыть, и въ одынь день зроблять толокою, що треба, да й напьюцяця й найдяцяця въ посесора, ще й музыкы грають. Добре було жыть! Теперь-то вже стало погано! Ой, погано, погано!

— „А якыи тогда, дидусю, булы урожай?“ *

— „Э, урожай булы куды про ты теперешныхъ! Знаете, степы булы волныи, бо ще Смилянкы, Рохмыстривкы и Ковалыхы тогда не було, то поля було доволи. Рокивъ десять, або пятнадцять перелогомъ лежыть, да якъ зорешъ на новыни, да посіешъ кавунивъ, то вродять такыи, що зъ земли не знимешъ. А на другый годъ посіешъ пшеницы, а потимъ жыта; то було якъ заложышь чотыри пары воливъ, да день попоорешъ, то вродыть тоби на однымъ дни кипъ сорокъ, да таке густе, що було кипъ чотыри за день нажнешъ, а теперь попоганайся покы нажнешъ и дви копы. Да було оце попоорешъ рокивъ тры, да й пускаешъ зновъ на перелигъ, а орешъ новыну. А теперь, якъ воно буде родыть, колы що року все на однымъ мисти оруть? Изъ копы було наберешъ четверть, якъ добрый колось.

— „А якыи жъ тогда, дидусю, цины булы?“ **

— „А цины ось якъ булы: Мишокъ гречкы такый, що четверыкывъ два, — тры копійкы; проса, овса, ячменю — тры копійкы; жыта корецъ у Смилій—двадцать копіекъ, а въ Билазерье повезы, то тры гывни; пшеницы корецъ—сорокъ копіекъ; вязъ кавунивъ—гывня.

(Разказывалъ Кондратъ Тарануха, 1843, авг 12.)

* Спрашиваю я.

** Спрашиваю я.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Преданія Ваншастическія.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Изданіе 2-е, исправленное.

КИРИЛО КОЖЕМЯКА.

Колысь бувъ у Києви якыйся князь (лицарь), и бувъ коло Києва змій, и кожного году посылали ёму дань давали або молодого парубка, або дивчыну. Ото прышла черга вже и до дочкы самого князя. Ничого робить: колы давали горожане, треба й ёму давати. Пославъ князь свою дочку въ дань змїєви. А дочка та була така хороша, що й сказаты не можно; то змій ии й полюбовь. Отъ до ёго прылестылась, да й пытаецьця разъ у ёго: — „Чы есть, — каже, — такой на свити чоловікъ, щобъ тебе подужавъ?“

„Есть, — каже, — такой у Києви, живе надъ Днипромъ. Якъ затопыть хату, то дымъ ажъ пидъ небесамы стелецьця; а якъ выйде на Днипръ мочить кожи (бо винъ кожемяка), то не одну несе, а дванадцять разомъ, и якъ набрякнуть воны водою въ Днипри, то я визьму, да й учеплюсь за ихъ, чы вытягне-то винъ ихъ? А ёму й байдуже: якъ поцупыть, то й мене зъ ными трохы на берегъ не вытягне. Оттого тилько мыни й страшно..

Княжна й взяла соби тее на думку, и думает: якъ бы ий висточку до дому податы и на волю до отця достатысь? А при ий не було ни души, тилько одынъ голубокъ. Вона згодовала ёго за счастливою годныи, ще якъ у Києви була. Думала, думала, а дали храпъ и напысала до панотця: „Оттакъ и такъ, каже. У васъ, — каже, — паночке, есть у Києви чоловікъ, на имения Кырыло, на призвыще Кожемяка. Благите вы ёго черезъ старыхъ людей, чы не захоче винъ изъ змїємъ побыцьця, чы не вызвольте мене бидну зъ неволи! Благите ёго, паноченьку, й словами, й подарункамы (щобъ не обидивсь винъ за незвычайне яке слово)! Я за ёго й за васъ буду до вику Богу молицьця.“

Напысала такъ, привязала пидъ крыльцемъ голубови, да й выпустыла въ викно. Голубокъ звывся пидъ небо, да й прылетивъ до дому, на подвирьє до князя. А диты саме бигалы по надвирью, да й побачылы голубка: — „Татусю, татусю, — кажуть, — чы бачъ голубокъ одъ сестрыци прылетивъ!“

Князь перше зрадивъ, а дали подумавъ, подумавъ, да й засумовавъ: — „Се жъ уже проклятый иродъ згубывъ, видно, мою дытину!“

А дали приманывъ до себе голубка, глядь, ажъ пидъ крыльцемъ карточка. Винъ за карточку. Читае, ажъ дочка пише: такъ и такъ. Ото заразъ прызвавъ до себе всю старшыну: — „Чы е такой чоловікъ, що прозываецьця Кырыломъ Кожемякою?“

— „Есть, князю. Жыве надъ Днипромъ.“

— „Якъ же бѣ до ёго приступыть, щобъ не обидывся, да послухавъ?“

Отто сякъ, такъ порадылысь, да й послалы до ёго самыхъ старыхъ людей. Прыходятъ вони до ёго хаты, одчынылы помалу двери зо страхомъ, да й злякалысь. Дивляцьця, ажъ сыдыть самъ Кожемяка доли, до ихъ спыною, и мне руки дванадцать кожъ, тилько видно, якъ колывае оттакою бидою бородою (Разскащикъ показаль по поясъ). Отъ одынъ зъ тыхъ посланцьивъ — кахы!

Кожемяка жажнувся, а дванадцать кожъ тилько трисъ, трисъ! Обернувся до ихъ, а вони ёму въ поясъ:— „Оттакъ и такъ, приславъ до тебе князь зъ прозьбою.“

А винъ и не дывыцьця, и не слухавъ: розсердывся, що черезъ ихъ дванадцать кожъ порвавъ.

Вони зновъ давай ёго просыть, давай ёго благать (стали на коліна)—школа! Просылы, просылы, да й пишылы, понурывшы голову.

Що тутъ робытьнешь? Сумуе князь, сумуе и вся старшына.— „Чы не послать намъ ище молодшыхъ?“

Послалы молодшыхъ, —ничого не вдіють и тыи. Мовчыть да сопе, наче не ёму й кажутъ. Такъ розобрало ёго за тыи кожи.

Дали схаменувся князь и пославъ до ёго малыхъ дитей. Тии якъ прышлы, якъ почалы просыть, якъ стали навколишкы, да якъ заплакалы, то й самъ Кожемяка не вытерпивъ, заплакавъ, да й каже:— „Ну, се жъ уже для васъ я роблю!“

Пишовъ до князя:— „Давайте жъ,—каже,—мыни дванадцать бо-чокъ смолы и дванадцать визъ конопель!“

Обмотався коноплямы, обсмолився смолою добре, взявъ булаву таку, що може въ ий пудовъ десять, да й пишовъ до змія.

А змій ёму й каже: — „А що, Кырыло, прышовъ быцьця, чы мырыцься?“

— „Де вже мырыцьця? Быцьця зъ тобою, зъ иродомъ проклятымъ!“

Отъ и почалы вони быцьця, ажъ земля гуде. Що розбыжыцьця змій, да вхопыть зубамы Кырыла, то такъ кусокъ смолы й вырве; що розбыжыцьця да вхопыть, то такъ жмутокъ конопель й вырве. А винъ ёго здоровенною булавою якъ улупыть, то такъ й вжене въ землю. А змій якъ огонь горыть, такъ ёму жарко; и покы збигае до Днипра, щобъ напыцьця, да вскочыть въ воду, щобъ прохолодыцьця трохы, то Кожемяка вже й обмотався коноплямы и смолою обсмоливсь. Отто выскакуе зъ воды проклятый иродъ, и що розженецьця протывъ Кожемякы, то винъ ёго булавою тилько лупъ! що розженецьця, то винъ знай ёго булавою тилько лупъ да лупъ, ажъ луна йде! Былысь былысь, ажъ курыть, ажъ искры скачуть. Стукъ такый справылы, мовъ у коваля въ кузьни на весни, якъ усякому треба лемешы для оранкы; то й самъ коваль бѣе, й хлопци бьють, а михъ тилько сычыть, сопучы безъ перестанку, а искры и зъ горла, и одъ зализа скачуть да шкварчатъ, кузьня ажъ ходоромъ ходыть; чутко ковальську роботу далеко по селу: оттаку жъ стукотню пиднявъ Кырыло зъ

зміємъ , такъ мицно и часто гасивъ ёго залізною булавою по голови, и якъ изъ горна свыще огонь сынёю трубою , такъ у того змія свыстало поломье изъ рота, изъ очей и изъ ушей; розогривъ ёго Кырыло ще лучче , якъ коваль лемишь у горни : ажъ пырхав , ажъ захлыпаецця проклятый , а пидъ нымъ земля тилько стогне . А тутъ у дзвоны звонять , молебни правлять , а по горахъ народъ стоить якъ неживый , зципывшы руки ; жде , щото буде ! Колы жъ зміюка бубухъ , ажъ земля затряслась !

Народъ , стоячы на горахъ , такъ й сплеснувъ руками : „Слава тоби , Господы!“

Отъ Кырыло , вбывшы змія , вызволивъ княживну и отдавъ князю . Князь уже не знавъ , якъ ёму й дяковать , чымъ ёго й награждать . Да вже зъ того-то часу и почало звацця те урочыще , де винъ жывъ , *Кожемьякмы* .

— „А де жъ змія вбытого дилы? *

— „Эге! И Кырыло зробивъ трохи не розумно : взявъ ёго , запальвъ , да й пустывъ по витру попелъ ; то зъ того попелу завелась вся тая погань : мошкы , комари , мухы . А якъ бы винъ узывъ , да закопавъ той попелъ у землю , то ничего бъ сёго не було на свити .

(Доставилъ В. М. Бьлозерскій ; а онъ записалъ возль Борзны , Чернигов. губ.)

СВИРИДОВА МОГИЛА.

Бувъ , кажутъ , колысь чоловикъ Свырыдъ . То якъ дождався Велькодня , то й думае соби : кажутъ люде Велькдень . А побачу я , чы справди Велький день ? Чы багацько я выору ? И отъ , на самый первый день Свитлого Празныка запрягъ до плуга воливъ , да зъ наймытамы й пишовъ оратъ . Люде жъ въ церкви Богу моляцця , а винъ оре . Уже й выходятъ зъ свяченымы паскамы до дому , на дзвоньци въ дзвоны дзвонять , а винъ ще оре . Тилькы що почалы , може , скыбу десяту одкыдать , ажъ пидъ землею щось загуло страшно , страшно , такъ якъ часомъ далекий гримъ загуркотыть , и Свырыдъ разомъ зъ воламы такъ и провалывся скрызъ землю . — А на тимъ мисти стала могыла . Во на й доси зовецця *Свыридова могыла* ** . То , кажутъ , якъ инколы прыйдешъ на ту могылу , да приложышь ухо до земли , то все неначе хто воливъ далеко поганяе , такъ и чутно : „Гей , гей!“

(Отъ жс.)

* Вопросъ слушателя .

** Въ селѣ Красковѣ , въ 15 верстахъ отъ Борзны , Черниговск. губ.

СОКОЛЬ І ПЧЕЛА.

Сокиль побратавсь із бжолою, говорити: „Ходимь угору: ты далеко чуешь, а я далеко бачу: я за симь мыль бачу, а ты за симь мыль чуешь“. Узяли, изняли чоловічу волосинку и понесли въ гору. И сказавь сокиль: „Леты за мною, бжоло!“ Іде сокиль у гору, и бжоло йде. „Ну, — говорити дывись, бжоло, унизь, чы велька земля?“ — Каже: „Вже такъ, якъ дижа, що бабы хлибь мисять“. Потому, изновъ идуть, идуть. Изнову каже: „А глянь, — каже, — бжоло, чы велька земля?“ — „Уже, — каже, — такъ, якъ жинка выбере ізъ дижитисто, да маленький засадчыокъ посадыть!“ — „Ну, пускайся жь у низь, бжоло, и пускай ту волосину у передь. — „А чуешь?“ — каже. — „Чую, ажъ реве!“ — „Ну, я, — каже, — не чую.“ — „Ну, леты жь, — каже, — да до земли прыпады, якъ та волосина ударыцьця.“ — „А що, бжоло, чы чула?“ — „Чую, ажъ гупнула. а угору піднялась на дванадцять сажиньць“ — „Зоставайся жь ты, бжоло, у симь край, доставай за симь мыль соби пропытаніє, а я пиду у такы край, де тебе не буде; то я за симь мыль буду птыцю выбывать и диты годовать. Бжоло просыла у Бога, щобъ братъ ізъ цвиту пропытаніє. Такъ Богъ давъ їй уси цвиты до моря, до востока: „Ходы по свиту ізъ усихъ рикъ, ізъ усихъ бергивъ избирай Богу хвиру, и людямъ дбай, и соби дбай!“

(Розказывалъ Давидъ Ольшанскъ, съ Александровкы, Чиширинск. ульда.)

ПРЕВРАЩЕНІЯ.

Одна дивка полюбылась ужеви и сама злюбыла ёго. Винь и повизь їи до себе въ господу. А въ ёго будынокъ бувъ самый чыстый скляный, увесь ізъ крышталю. Такъ мыни, бацьця, казано: застаростью мало вже що памятаю, мовь сплю, або пьяна, або, здаецьця, передь вами стою, да й брешу зъ головы, чого зъ роду ї не чула. Дыбонь будынокъ той стоявь пидь землею, въ якійсь могыли, чы що. Ну, звісно, стара маты зпершу убывалась за нею. Якъ то вже не вбывацьця? А та чы зляглась, чы не зляглась зъ ужакою, вже ї завагонила, а якъ прышло время, то розсыпалась близятками: хлопець и дивчынка; обойко якъ зъ воску выдылись, у матирь. А вона соби була така хороша, якъ квитка! Отъ, якъ давъ Богъ дитокъ, то й каже вона: „Отъ же, уже, колы воны въ людей породылись, хай ихъ у людей и перехрыстымо.“ Сила въ золоту карету, покдала дитокъ на колінкы, да й пойхала въ село до попа. Не докотылась карета до царыны, а вже матери й сказано. Стара зарепетовала на все село, ухопыла косу, да до царыны. Бачыть дочка выдующу смерть, якъ заголосыть до дитокъ, а далі: „Полынайте жь, диткы, пташкэмы, по свиту: ты, сынку,

соловейкомъ, а ты, донько, зозулею.“ Выпурхнувъ соловейко въ правѣ, а зозула въ ливѣ выконце зъ кареты; а карета, й кони, и все не знать де подилося.

Не стало й паніи, тилько надъ Шляхомъ уродылася глуха кропыва.

(Доставилъ А. В. Марковичъ, а ему разказывала Явдоха Думыха, въ Кулаисенцяхъ, Полтав. губ.)

ЦАРЕВИЧЪ И ВАВА.

У гаяхъ стояла хатка. Тамъ жывъ чоловікъ й жинка, да въ ихъ дитей не було. Отъ вони йдуть на богомилыѣ просить Бога, щобъ давъ имъ Богъ дытя, ажъ ихъ Цыганка й зустрила, да й каже:— „Не йдите куды вы йдете, а йдите на ярмарку, да купить рыбку, да зъйжъ, молодыце, то й буде въ тебе дытя!“

Отъ вони й пошлы на ярмарокъ, да купылы рыбку, да зъила; отъ у ихъ и дивчынка є маленька. Ото вона й росте. А Царевычъ у той часъ прыхавъ на охоту, да й посылає свого парубка:— „Пийды, будласкавъ, у ту хату, попросы воды!“

Прышовъ той парубокъ воды просить, ажъ та дытына плаче, а жемчугъ такъ и сыплецьця зъ очей. Маты забавыла; засмієцьця, дакъ усякы квиткы цвитутъ. Той парубокъ вышовъ, да й каже:— „Оттамъ, Царевычу, я бачывъ дытыну; якъ плаче, жемчугъ сыплецьця; а якъ смієцьця, дакъ усякы квиткы цвитутъ.“

Той Царевычъ пошовъ у хату, да нарочыто й дражнить тую дытыну, щобъ плакала. Плаче, а жемчугъ такъ и сыплецьця. Винъ и просить матери, щобъ забавыла. Якъ же засмієцьця, дакъ и бачытъ Царевычъ, що всякы квиткы цвитутъ.

Ото та дивчына росте, да й росте, а Царевычъ усе заизжає, якъ на полѣванье прииде. Ото вона й выросла. Дакъ Царевычъ каже, що оддай за мене, диду, дочку. А вона вже дакъ вышыває рушныкы орламы. А Царъ каже:— „Де жъ такы тоби, сыну, да мужычку братъ?“

Такъ Царевычъ якъ узявъ той рушныкъ, що вона вышыла, да повизъ до батька, дакъ Царъ ажъ руками сплеснувъ, якъ побачывъ. „— Чы ничого жъ?“— „Женысь, — каже, — сыну, женысь!“

„Отъ винъ и оженивсь. Да везе до дому, а зъ нымъ була баба, а въ бабы дочка. Отъ, идучы пыть хочуть. Царевычъ уставъ щось-то тамъ устрельдыть, а вона: — „Пыть хочу, пыть хочу!“

Баба прынесла ий пыть, да познимала зъ ии все, да й повиылювала ий очи, да й упхнула въ ямку, а дочку у ии одежу й прыбрала. Дакъ Царевычъ и повизъ замисто ии, не пизнавъ.

А коло тыи ямки да нехворощы багато росло. Дакъ якыйсь дидъ да нехворощы прышовъ ирвать. Дывыцьця — дивка сыдытъ у

ямці и передь нею оттака купа жемчугу, що вона сыдачы наплакала; а очей не ма. Та дивка каже: — „Визьмы мене, дидусю, и оце намыстечко заберы!“

Отъ, дидъ ии взявъ и намыстечко забравъ, да и пѣрививъ до дому. У дида дитей не було, а баба є. Вона и каже: — „Заберы, дидусю, оце намыстечко въ торбынку, да понесы у городъ, продай, да якъ зострине тебе баба якась, то ты ий не продавай, а зъ купцемъ не торгуйсь: уже винъ зна, що за єго треба!“

Отъ винъ понисъ и продавъ, и рыбы накупивъ и всего. И такъ винъ двичы носивъ до купця продавать. Уже въ дида и грошы є. А въ трете несе дидъ продавать; а та баба за всякимъ разомъ єго стричає. Отъ у трете якъ понисъ, то и стривъ тую бабу. Баба каже:—„Продай мыни намысто!“ „Купы.“—„А що за єго?“—„Дай же, що въ тебе є!“

Дакъ баба тая ий оддала плаття-одежину, що въ ии зняла. Дидъ знову несе. Баба:

— „Продай мыни намысто!“—„Оддай те, що въ тебе є!“

Вона єму и дала одно око. Изновь дидъ понисъ намысто. Баба зновь: „Продай намысто, диду!“—„Купы.“—„Що за єго?“—„Дай те, що въ тебе є!“

Дакъ вона ий друге око оддала. Дакъ отъ дивка и въ одежи, и зъ очыма. Дидъ каже: — „Отъ у Царя обидь.“

То дивка и каже:—„Иды, дидусю, на обидь, да визьмы глечычокъ, да и мыни попросышь юшкы!“

Да и почепыла свого шытѣтя диду рушныкъ на шыю. Якъ побачивъ Царевычъ у дида на шыи рушныкъ. — „Видкы ты, диду?“—„Да я тамъ, Царевычу, зъ хутора, да въ мене тамъ и дивчынка проживає, дакъ дай, будласкавъ, и ий чого-небудь у сей глечыкъ!“— „А рушныкъ, диду, де ты взявъ?“—„Да сея въ ямци дивку найшовъ, дакъ оце вона и вышиває!“

А Царевычъ уже познавъ по вышиванью. Тогда Царевычъ сказавъ визъ запрягты. Поихавъ, да и познавъ ии: — „Се жъ вона, се жъ вона!“ — А тую выпроводивъ свыней наповать, бабыну дочку. Оце жъ и вся. Жывутъ, и хлибъ жують и постоломъ добро возять.

(Разказывали єз Мартыновскль.)

ЦАРЕВИЧЬ И ЦЫГАНКА.

Ото бувъ соби Царевычъ. Де вже винъ не сватався, не оженьщца, да и не оженьщца. Ажъ зостривъ Цыганку:—„Я тоби, Царевычу, скажу щось, дакъ ты оженьсься. Пойды, оттамъ, надъ ричкою, верба, а на верби гнзедчко, а въ гнзедчку тры ячкы, дакъ ты ихъ и поберы!“

Отъ винъ пишовъ , излизъ на вербу , да й набравъ , да й иде , иде , да йде . Иде , да й каже . — „Боже мій мылий , Боже мій любый ! Иду , несу , и самъ не знаю що !“

Да й розбывъ одно яичко . Ажъ изъ яичка выскочыла панночка , така хороша , така хороша , що ни здумать , ни згадать , тилько въ казци сказать : — „Пыть хочу ! Пыть хочу !“

Бигавъ винъ , бигавъ за водою , нигде не найшовъ ; вона й вмерла . Отъ винъ иде , да й каже : „Боже мій мылий , Боже мій любый ! Иду , несу , й самъ не знаю що !“

И розбывъ друге . Якъ вышла , дакъ ще краща тыеи панночка : — „Пыть хочу ! Пыть хочу !“ Винъ за водою бигавъ , бигавъ , не найшовъ . Вона й вмерла . Отъ винъ иде зновъ : — „Боже мій мылий , Боже мій любый ! Иду , несу , й самъ не знаю що !“

Розбывъ третє , дакъ така вже , що лучча тыхъ двоухъ : — „Пыть хочу ! Пыть хочу !“

Винъ у шапку набравъ воды . Напылась вона , й жива . Отъ и йдутъ , ажъ надъ ричкою верба стоить . Вона й каже : — „Якъ же такы такъ мене ты до батька доведешъ ? Ты иды , да зъ поиздомъ выидь !“

Винъ пишовъ , а вона злизла на вербу . Ажъ Цыганка йде : — „Подывлюся лышь я въ воду на свою вроду , чы хороша я .“

Вона на верби сыдачы : — „Може я краща ?“

А Цыганка : — „А лизъ же , колы ты краща , лизъ сюды !“

Отъ вона й злизла . Цыганка ии обидрала , да й утопыла въ ричку , а сама въ ии одежу вбралась .

Царевычъ пріихавъ зъ поиздомъ , да й узявъ Цыганку . Отъ и живутъ . Царевычъ каже : — „Нехай бы пошлы намъ рыбы поймалы !“

Прынеслы рыбы , дакъ срибна луснынка , а золота луснынка , срибна перынка , золота перынка . Цыганка вже й догадалась , що и то панночка . Отъ и говорить : — „Не йжмо : помремо , якъ сю рыбу будемъ йсты !“

Отъ и выкынули тую рыбу . Якъ выросъ садъ , такъ такый садъ , такый садъ ! Срибный лыстокъ , золотый лытокъ , срибне яблукко , золоте яблукко . Дакъ Цыганка говорить , що не йжмо сихъ яблукъ : помремо !“

Да й вырубалы той садъ . А въ Царевыча въ двори дидъ живъ , да й зробывъ зъ тыеи яблуни , гребиночку . А въ дида не було дитей . Дакъ дидъ якъ пйде зъ бабою на панщину , — прійдутъ до дому , такъ у ихъ повымитано , хлеба паляныцъ напечено , попрыбирано , прыпечокъ помазаныи , да не знаютъ , хто поравецця . Дакъ дидъ и засивъ разъ . Ажъ дывыцця , зъ тыеи гребиночки да й стала панночка , така хороша , така хороша ! да й поравецця , прыбирає , вымитає . Якъ же попрыбирала усе въ хати , тоди дидъ за ии . Вона въ плачь : — „Пусты мене , дидусю , пусты !“

— „Да ты въ мене , моя дытыно , будешъ за ридну дытыну !“

Отъ вона й живе: вже не пустывъ їи гребиночкою стать. А Царевычъ и каже: — „Ты казавъ, диду, що въ тебе дитей нема, а то въ тебе яка хороша дочка?“

— „Э! се, царевычу, не моя дочка; а се я зъ тыви яблуни зробывъ гребиночку, що ты, Царевычу, казавъ орубать; да то, чы пійду зъ бабою на панцину, — прыйдемъ, дакъ не знаємъ, хто въ насъ и попрыбирае и попрымитае, да не знаємо, хто в. Ажъ изъ тыви гребиночки да стала оця дивочка.“

Якъ же почувла Цыганка, дакъ и охолола. А вона се все знала, що буде. Тоди Царевычъ: — „Ахъ, се жъ вона, се жъ вона, та, що на вербу злизла! Се жъ Цыганка їи втопыла!“

Да Цыганку тоди свывей наповать, а їи взывъ. Живуть да хливъ жують, постоломъ добро возять.

(Тамъ жес.)

МЫШЬ И ВОРОВЕЙ.

Колысь - то, ще за первого вика, за старыхъ людей, мыша да горобецъ да засіялы просо. Якъ пожалы вони просо, то почалы дилыщця, да й не помырылысь. Осъ стали быщця, а стала й збыращця усяка птыця й всякы звыры. Якъ стали быщця, якъ стали быщця, то птыця й подужала звыривъ. Да хочъ й подужала, а такы и сама побылася: тильки одна така птыця выняласъ, що добыла усихъ звыривъ. Уже й та птыця вморыласъ да й сила на такимъ дереви высокимъ! Колы жъ їде чоловікъ бовкуномъ. Такъ вона того чоловіка й просить: „Дай мьни быка, — каже, — я ёго зымъ. Я у тебе дурно не схочу: я тоби заплачу.“ Отъ винъ и отдавъ. Вона того быка й зыла, да теперь просить того чоловіка: „Донеси мьне, будь ласкавъ, до мого дому!“ Осъ винъ якъ узывъ несты, якъ узывъ несты, да й донисъ у такы пуцы страшныи. А вона й говорить: „Погуляй же тутечка, а я тоби плату вынесу.“ И вынесла ему царствечко въ золотимъ яичку. „Ты жъ, якъ увійдешъ у село, то не розчыняй ёго, а хыба на якому поли розчынешъ, колы їсты захочешъ, або що.“ А винъ й розчынивъ посередъ шляху: ажъ тутъ видтиль ярмарокъ, такый, що Боже храни! А винъ уже ходыть помижъ людьмы, да плаче. Излякався, що не збере ни якъ. Ажъ, на ёго счастье, якыйсь чоловікъ нагодывся; дакъ винъ й просить ёго: — „Сдилай мьлость, чы не можешъ ты зобратъ, да зачынить!“ Такъ у двохъ зачынылы. Отъ винъ й пишовъ зъ тымъ царствечкомъ да дому: покаавъ уже.

— „Де жъ изновъ си звыры понабыралыс, колы птыця усихъ стребыла?“ *

* Вопросъ слушателя.

— „Се жь уже на другий виць повернуло; то Богъ тогда й людей и всячину намножьвь.“

(Доставилъ В. М. Бьлюзерскій, а разсказывалъ ему Андрей Яценко, возль Борзны.)

ВОЛКЪ ПРОЖОРА.

Пришовъ вовкъ до хутора. А въ тому хутори живе дидь да баба, да дивочка, да сучка-кавилочка, й пятнадцатеро овечаточокъ. Ось, Прожора Вовкъ пришовъ, да й просить:

— „Хорошъ, хорошъ
Дворокъ, дворокъ, соломяный;
А въ тимъ тынку тынокъ, тынокъ;
Жыве дидь да бабуся,
Парень да дивочка,
Сучка-кавилочка,
Да пятнадцатеро овечяточокъ.“ —

Ось дидь говорить: „Парень, парень! Пиды ёму овечечку дай!“ Парень пишовъ, да ёму й отдавъ. Бояцьця воны того Вовка Прожоры. Винь ту овечку й зьивъ. Да заразь зновъ просить:

„Хорошъ, хорошъ,“ и т. д.

Изновъ ёму давалы, а винь усе ивъ, помы не зьивъ и останён. Тогда вже просить:

Хорошъ, хорошъ, и т. д.
А въ тимъ тынку
Жыве дидь, да бабуся.
Парень да дивочка,
Сучка-кавилочка.“

Ось дидь говорить: — „Парень, парень! Пиды отдай сучку-кавилочку!“ Винь отдавъ, Вовкъ Прожора зьивъ, да й зновъ винь:

„Хорошъ, хорошъ, и т. д.
Парень да дивочка!“

Дидь изновъ каже:— „Парень, парень! Оддай ёму дивочку. Винь отдавъ; вовкъ изьивъ, и зновъ просить:

„Хорошъ хорошъ,“ и т. д.
Жыве дидь да бабуся.
Парень....“

— Парень, парень! Оддай бабусю,“—каже дидь. Зьивъ вовкъ и бабусю. И зновъ такъ просить:

„Хорошъ, хорошъ.“ и т. д.
Жыве дидь да парень.“

Дидь той взявъ и парня отдавъ. Вовкъ изновъ :

„Хорошь, хорошь и т. д.....

Жыве дидь!“

Тогди уже дидь : — „Се жь винъ и мене хоче зъисты!“ Да взявъ булаву , якъ трисне вовка въ лобъ , то тилько й було ёго ! А зъ ёго усе и повыскакувало : и бабуся , парень и дивочка , и сучка-кавилочка , и пятнадцатеро овечечокъ .

(Онь же.)

БРАТОУВІЙЦА.

Бувъ соби чоловікъ да жинка , да у ихъ два сыны . Погналы вони кабасыка у садокъ пасты . Осъ кабасыкъ той рыецьця , да й рыецьця , и зайшовъ далеченько . Такъ старшій на меньшого й говорить : — „Пиды , заверны!“ — А той : „Не хочу ,“ каже . Старшій братъ узявъ да й убьёвъ меньшого , въ свынорыще й закопавъ пидъ хаткою . Колы жь такъ , — черезъ годъ , або черезъ два , вырость ясенокъ . Осъ йдутъ гончарыкы и купци . Гончарыкы й кажуть : — „Изрижмо оццей ясенокъ , да зробимо дудочку!“ — да й зризалы . Дудочка якъ заграє , — говорить :

„По малу , малу , купчыноньку , грай !

Не вразы мого серденька въ край !

Братъ мене вбьёвъ , изъ свита згубьёвъ ,

За того кабасыка , що у саду рывъ !“

Гончарыкы й соби просять ; а дудочка и имъ грає :

„По малу , малу , гончарыку , грай !“ и т. д.

Ажъ батько й маты й дочулыся , да попросилы и соби загра-ты . Дудочка й заграла :

„По малу , малу , татусеньку , грай ,“ и т. д.

Маты й соби просить сёго дьва . И ий заграла :

„По малу , малу , матусенько , грай ,“ и т. д.

А братъ той стоить уже билый ; излякався , що дизнаюцьця . Дали ёму заграсть . Ажъ дудочка й ёму одказує :

„По малу , малу , братику , грай !

Не вразы мого серденька въ край !

Ты жь мене вбьёвъ , изъ свита згубьёвъ ,

За того кабасыка , що у саду рывъ !“

Тогди то дознались уси ; да ще й баба просить . — „А дайте мыни , заграю я ще.“ Вона й заграла :

„По малу, малу, бабусенько, грай,“ и т. д.
Тогди-то вси вже увирылись. По меньшому жъ обидь поставылы, а старшого привязали до киньскаго хвоста, й рознесли его на кисточки.
(Онъ же.)

КУРЬ И КУРОЧКА.

Бувъ соби дидь да баба, а у ихъ була курочка да пивныкъ. Дидь да баба померлы, а пивныкъ да курочка все безъ ихъ повыйдали, й бобокъ, и все чысто. Посидали на сидали. Пивныкъ: „Ку-куруку!“ — ухопывъ каминчыкъ да й, удавився. Осъ курочка плакала, плакала, а дали побигла до моря воды просыть: — „Море, море! Дай воды!“

„На що воды?“
— Куру воды;
Лежить куръ на гори,
Да не дыше,
Тилько хвостыкомъ
Да колыше.“

А море говорыть: „Пиды до вола: нехай ригъ дасть!“ Вона й пишла; просыть:

— „Воле, воле! дай ригъ!“
„На що ригъ?“
Мору ригъ:
Море воды дасть.
„На що воды?“
— Куру воды;
Лежить куръ на гори,
Да й не дыше,
Тилько хвостыкомъ
Да колыше.“ —

Осъ виль й говорыть: — „Пиды жъ до кабана: нехай иколь дасть!“

— „Кабанъ, кабанъ! Дай иколь!“
„На що иколь?“
— Волу иколь:
Виль ригъ дасть.
— „На що ригъ?“
— Мору ригъ:
Море воды дасть.
„На що воды?“
— Куру воды,
Лежить куръ,“ и т. д.

— „Пиды жь до дуба: нехай жолудь дасть!“ Ось вона пошла:

— „Дубе, дубе! дай жолудь!

— „На що жолудь?“

— Кабану жолудь,
Кабань иколь дасть.

„На що иколь?“

Виль ригь дасть.

„На що ригь?“

— Море воды дасть.

„На що воды?“

— Куру воды,“ и т. д.

— „Пиды жь до дивкы: нехай нытокь дасть!“ Ось курочка пошла, да й говорыть:

— „Дивко, дивко, дай нытокь!

„На що нытокь?“

— Дубу нытокь?

Дубь жолудь дасть.

„На що жолудь?“

— Кабань иколь дасть.

„На що иколь?“

— Волу иколь,
Виль ригь дасть.

„На що ригь?“

— Морю ригь,

Море воды дасть.

„На що воды?“ и т. д.

„Пиды жь,—говорыть,—до бабы: нехай масла дасть!“ Пошла вона, да :

— „Бабо, бабо! дай масла!

„На що масла?“

— Дивци масла,
Дивка нытокь дасть.

„На що нытокь?“

— Дубу нытокь,
Дубь жолудь дасть.

„На що жолудь?“

Кабану жолудь,

Кабань иколь дасть,“ и т. д. *

„Пиды жь до лыпы: — нехай лыпы (лыпового цвѣту) дасть!“
Вона й пошла:

* Вопросы продолжаются.

— „Лыпо, лыпо! дай лыпы!

„На що лыпы?“

Баби лыпы:

Баба масла дасть.

„На що масла?“

Дивци масла,

Дивка нытокъ дасть.

„На що нытокъ?“

Дубу нытокъ.

Дубъ жолудь дасть,“ и т. д. *

Дала їй лыпа лыпы, баба за лыпу масла, за масло дивка нытокъ, дубъ за нытки жолудь, кабанъ за жолудь иколь, виль за иколь ригъ, а море за ригъ и воды дало. Отъ курочка напоила кура, дай живуть, и хлебъ жують, и постоломъ добро возять.

(Отъ жс.)

ИВАСЬ.

Якъ бувъ соби чоловікъ да жинка, да въ ихъ сынъ Ивашко. Ось Ивашко той на батька: — „Тату, тату! Зробы, да й зробы, мыни човныкъ; поїду рыбки ловить!“ А батько говорить: „Да на що, сыночку; ты малый: пойдешъ, да ще утопысься!“ — „Ни, — каже, — не утоплюсь, зробить!“ — Винъ й зробывъ ёму. Ивашко й поплывъ, и наловывъ рыбки. Въ обидню пору маты понесла ёму обидать; прышла до берега, да й клыче ёго:

„Ивась, сынокъ,

Золотый човнокъ,

А сребнее веселечко!

Плывы до мене,

Мое сердечко!“

Ивась почувъ: —

„Блызче, блызче, човнику, до бережка:

Се моя матинка!“ —

Ось винъ прыплывъ, да й отдавъ рыбку; а самъ попойвъ, да й поплывъ изновъ. А змя пидслухала, да й прышла соби, и клыче (товстымъ голосомъ):

„Ивась, сынокъ,“ и т. д.

— „Дальше, дальше, човнику, одъ бережка:

Се не моя матинка!“

— Отъ змя й пишла до коваля, и просыть ёго: „Ковалю, ковалю! Скуй мыни такый голосокъ, якъ у Ивашченой матери!“ Ось винъ п сковавъ. Вона й пишла до берега, колыжъ изновъ чус:

* Вопросы продолжаютя.

„Ивась, сынокъ,“ и т. д.

Якъ пишла мати, змія й собі:

„Ивась, сынокъ,“ и т. д.

Винъ и прыплывъ, а вона ёго ухопыла, да въ зализный мишокъ, да й понесла ажъ до себе. Прышла пидъ двери й говорыть: „Сучко-Оленко, одчыны!“ Сучка - Оленка одчыныла. Такъ вона взяла, да ёго пидъ пичь: сорочку биленьку, штанци надила, товкачку дала й оришкивъ, винъ бѣ товкачкою й йсть, да й говорыть змія Суцьци-Оленьци: „Нажаръ,—каже,—пичь, да въ пичь ёго и всады, и замажь, да й попрыбирай тутъ все чисто, а я пиду по гостей.“ И пошла. Такъ тая Сучка - Оленка взяла, да й нажарыла пичь, да на Ивасыка: — „Ось вылезъ сюды, Ивасыку!“ — А Ивасыкъ все й пидслухавъ, що говорыла змія Оленьци. Сучка - Оленка и лопату положила, да говорыть: — „Сидай, Ивасыку, на лопатку!“ Отъ винъ и положивъ нижку; вона говорыть: „Не такъ.“ Положивъ ручку: „Не такъ“—каже. Ось винъ говорыть:—„А сядъ же,—каже,—сама, да научы й мене, якъ сидать!“ — Тилько що вона сила, а Ивасыкъ за лопату, да въ пичь, да й замазавъ ии у печи. Попрыбиравъ самъ, вышовъ, да й заперъ хату, а самъ злизъ на превысоченного ясокора. Колы змія и йде: „Сучко-Оленко, одчыны!“ Тыхо: „Сучко - Оленко! одчыны!..... Оцде немає Сучкы - Оленкы: пошла на побридкы.“ Взяла сама й одчыныла. Гости посидали за стиль. Вона выняла зъ печи, да й идять. Попойлы добре, да повыходылы на двирь, да й качаюцьця. „Покочуся, повалюся, Ивашыного мясьця найвшыся!“ А Ивашко зъ ясокора й крычыть: — „Брешете, стары суки, Оленчыного!“—А воны: — „Де се?“—„Дывылысь, дывылысь, да й угледили. Отъ зміи й побиглы до коваля:—„Ковалю, ковалю! Скуй намъ такы сокырки, щобъ того ясокора зрубать!“ Винъ имъ и поковавъ. Ось воны пишлы и давай рубать. Колы летять гусы; Ивашко давай ихъ просыть:

— „Гусы, гусы,—лебедятя!

Визьмить мене на крылята!

Понесить мене до батенька!

А въ батенька пыты, исты,

И хороше походыты.“

А гусы й говорять: „Нехай тебе середни визьмутъ!“ Ось летять середни; винъ просыть середнихъ:

„Гусы,“ гусы,—лебедечкы!

Возьмить мене на крылечкы!

Понесить мене,“ и т. д.

А воны й говорять: „Нехай тебе саме поганише задне визьме!“ Ось воно й летыть; зосталося, сердешне, зъ заду. А зміи усе цюкають да рубають: оть-оть-оть упаде за того. Ивась и просыть ёго:

„Гуса, гуса,—лебедятко!

Возьмы жъ мене на крылятко,

Понесы жъ мене,“ и т. д.

Ось воно й ухопыло его на крыла, да втосмылось, сердешне, то такъ нызько несе. А зміи за нимъ, чы не схопляютъ ёго: женуцьця, женуцьця, да такы не наздогнали. Ось воно прынесло, да й посадыло Івашка на верху, а само ходыть по двору, пасецьця. А маты й говорить :

„Печу, печу хлибчыкъ !

Старшому — старшый,

Меньшому — меньшый.“

А Івашко: — „А мыни?“ — Маты каже: „Хто се тамъ?“ Да зновъ: „Се тобі, диду, пирожокъ, а се мыни.“ — „А винь зновъ: — „А мыни, мамо!“ — Дидъ и баба повыбигали, да дивляцьця, и угледили Івашка; зхопылы ёго на руки, да въ хату й внеслы; гусятко жъ ходыть по двору, а маты й побачыла: — „Онъ гусятко ходыть: пйду я ёго визьму, да зарижу.“ А Івашко каже: — „Нить, мамо, не рижте ёго; колы бъ не воно, то я бъ у васъ и не бувъ. Пойдите, да нагодуйте!“ — Отъ вона пошла, да взяла ёго, да наговодвала и напоила, и пидъ крыльця насыпала пшона и пустила. Дакъ воно й полетило. — Отъ вамъ и казочка, и бублычкывъ вязочка.

(Онъ жсе.)

МАЧЫХА.

Якъ бувъ соби дидъ да баба, а у ихъ дочка. Прышло время — баба и умерла. Дидъ соби другу взявъ, да и у ии дочка. У дида й корова. Отъ мачыха й говорить на дидову дочку: — „Жены корову пасты!“ — и дала ий кужелю прясты. Дакъ вона й погнала, и плаче дорогою. Коривка пытае: „Чого ты, дивочко, плачешъ?“ — Якъ же мыни, — говорить, — не плакать? Дали кужелю прясты.“ — „Не журысь, — та коривка на дивочку каже, — сажай мыни кужель у праве ухо!“ А зъ ливого й выймае уже попряженный. Да оце, якъ стане смеркацьця, й пожене ии до дому. То на другый разъ мачыха й говорить на свою дочку: „Гоны, доню, ты пасты коривку!“ — Та и пожене, да на поли й каже: — „Сорокы, вороны! Идите до мене кужелю прясты!“ То сорокы й вороны поназлитаюцьця и порозхапують кужель, да й порозносять на гнизда. У вечери вона и пожене тую коривку до дому. До дому прыжене, то маты й пытае ии: „А що, доню, попряла кужель?“ — „Ни, мамо, не попряла: сокоры да вороны порозхапювали.“ То мачыха на дидову й говорить: — „Гоны отъ уже ты коривку пасты!“ — Оцьце вона пожене, — жене да й плаче. Такъ коривка изновъ пытае: „Чого се ты плачешъ, дивочко?“ — „Якъ же мыни не плакать, що тебе хочуть заризать? И кужелю, — говорить, — мыни дали прясты.“ — „Не журысь, дивочко, — сажай у праве ухо кужель!“ Оцьце вона сажае, а зъ ли-

вого уха й виймає попрядене. Да й говорять тая коривка:—„Слухай,— каже,— дивочко: якъ будуть мене ризать, такъ ты просыся хлякы мыть. Да якъ будешь мыть, то тамъ знайдешь двое яблучокъ; якъ ты ихъ посадишь, то яблунькы повырастають.“ Отъ, ту коривку и заризалы. Дидова дочка й просыщца хлякивъ мыть. Такъ вона пошла на ричку, да й мыє, а тамъ двое яблучокъ: одно золотеньке, а друге сребрененьке. А бабына угледила дочка, да й гонищца за нею, хоче однять. Такъ тая взяла, да въ крапывку и вкинула ихъ. Колы жъ й выросла яблунька: сребрененьке яблучко, золотеньке яблучко, а пидъ нею крынычка. — Ажъ йде Царь, да й говорять: — „Хто мыни тее яблучко вырве, то я ёму половину царства, половину панства, оддамъ.“ Отъ бабына (дочка) прыскочыла, — хотила вырвать яблучко, дакъ яблунька въ гору; хотила водычкы зъ крынычкы набрать, а крынычка вывзъ.

Дидова жъ прышла, водычкы набрала, яблучко вырвала, да й дала Царевычу. Осъ винъ ий и говорять: — „Я тебе визьму за себе замужъ.“ — И взявъ ии зъ собою. Такъ вони соби й дытынку нажылы. А мачыха розсердылась на ии, да взяла, да зробыла дидовий такъ, щобъ козою побигла, а свою дочку й посадила на ии мисто. Дытынка й щыцкы у ии не ссе,— плаче усе. Отъ слуга й просыщца у свого пана:—„Понесу я дытя на погулянье?“ — „Несы,“ той каже. Винъ оцьце й понесе, и клыче:

„А— рысь, коза, молодець плаче,
Молодець плаче, исты хоче.“

А вона й отказує.

— „Бижу, лечу, мій сыночку,
Роса очы забыває,
Очереть нижкы пидколное,
Быстра вода не пускає.“

Оцьце й прыбжыть, да зъ себекож у скине, а сама за дытыну, сяде й годує, да гирко, гирко плаче. Погодує, оддасть служи дытынку, да й зновъ побжыть. То тее слуга дытынку прынесе, то воно до сутокъ спыть. На другий день изновъ плаче. Такъ винъ й зновъ просыщца: — „Пусты мене, пане, на погулянье!“ — „Ну, йды!“ Понесе, да й гукає на ии:

А — рысь, коза, молодець плаче,“ и проч. —

То вона й бижыть:

„Бижу, лечу, мій сыночку,“ и т. д.

Прыбжыть, да зъ себе шубу скине, й нагодує дытынку. А писья й каже до ёго: „А, дытынка моя любая! Тилько ще разъ намъ бачыщца, а то далеко уже поженуть мене; не почую, якъ будуть звать.“ — Отъ винъ й однесе дытынку. Дытынка до сутокъ й зновъ спыть; на другий день встане, да й плаче. То слуга й зновъ просыщца:—„Пане мій мылий, пане мій любый! Пусты мене на погулянье!“ — Отъ панъ ёго й пытає: — „Що се значыть, — каже, — що ты оцьце понесешь дытыну

на погуляньє, да й не плаче?“ Такъ винь єму давай признавацьця: — „Щось, — говорять — твоя, пане, жона побигла козою.“ — Отъ воны й пишли у двоохъ. Слуга й зове їи:

„А — рысь, коза, молодець плаче,“ и т. д.

Вона й одвичаеть:

„Бижу, лечу, мій сыночку!“ и т. д.

Прыбигла, скинула зъ себе шубу, взяла дытынку, да такъ плаче! „Теперь, — говорять, — моя дытыночко, никола въ свити не прыбижу!“ — А пань узавь, да и вкынувъ їи шубу въ огонь. Якъ затрецьть шерсть, а вона й почула, да зъ кущъ: немає шубы! Дакъ пань їи плащемъ накрывъ, й пошлы до дому, да й жывуть изъ нею. А тыхъ розстрелялы.

(Овъ жє.)

УЖЬ И ЦАРЕВНА.

Бувъ соби Царь до Царьця, до було въ ихъ тры дочки. Осъ Царь и занедужавъ, да й пославъ свою старшу дочку по воду. Вона й пошла набарать, ажъ ужъ: — „А куку!“ говорять, — чы пидешъ за мене замужь?“ „А Царевна: — „Не пиду.“ — „Ну, не дамъ же, — говорять — й воды.“ — Вона й пошла до дому и сказала: — „Тату! Не давъ ужъ воды!“ Осъ друга говорять: — „Пиду я: винь мыни дасть.“ И пошла. Ужъ и їй: „А куку! Чы пидешъ за мене за мужъ?“ — „Нить, — говорять, — не пиду.“ — „Не дамъ же й воды.“ — Дакъ вона пошла й говорять: — „Не давъ воды; якъ пидешъ замужь, то дамъ.“ — А меньша говорять: — „Я пиду, дакъ мыни дасть.“ — Пишла, дакъ ужъ и до сієи каже: — „А куку! Чы пидешъ за мене за мужъ?“ — „Пиду, — говорять. — Отъ винь и набравъ їй воды изъ самого дна, холодной, свижої. Вона прынесла до дому, напоила батька, такъ батько й одужавъ. Колы въ недилю поїздъ иде и говорять:

— „Ой одчыйнай вориточка,
На що люба любовала,
Кацаривно!
Зъ броду воду набирала,
Кацаривно!“

Отъ вона злякалась, плаче, да йде, одчыйняє ворота. Осъ воны зновъ:

— „Ой одчыйнай, синечкы, Кацаривно!“ и т. д.
Вона одчыйнала, йде, да й плаче. Воны зновъ:
„Ой одчыйнай хаточку,
Кацаривно!
На що люба любовала,
Зъ броду воду набирала,
Кацаривно!“

Отъ вишли въ хату, а ужа на столи на тарильци й поставылы; а винъ лежить, — такый, ажъ золотый. Выходять зъ хаты й говорять:

„Ой сидай же въ кареточку,
Кацаривно!“ и т. д.

Теперь поїхалы ажъ увъ уживъ домъ. Тамъ ось живутъ вони, й дытя нажылы. И взяли соби куму, тилько не добра вона була. А дытина та скоро умерла, й маты скоро умерла за нею. Ось ничьчу пошла тая кума, де їи сховалы, да руки їи й пообризовала. А ничьчу окропу награла, парить тьи руки, й золоты перстни здыймае. Ажъ тая Царивна, — такъ Богъ давъ,— й прышла до їи за рукамы, и говорять:

— „И куры сплять, и гусы сплять,
Тилько моя кума не спыть;
Билии руки въ окропи парить,
Золоты перстни здыймае.“

А кума й сховалась пидъ пиль. А вона изновъ говорять:

„И куры сплять, и гусы сплять,
Тилько моя кума не спыть,“ и т. д.

На другый день прышлы, ажъ кума пидъ поломъ и вмерла. Такъ їи, не запечатавшы, такъ и вкынули въ яму.

(Она жсе.)

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Смѣсь.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Всѣмъ.

НЕ ЛЮВО — НЕ СЛУШАЙ.

ЛЮДЯТА

Якъ бувъ я ще парубкомъ, а дидъ тоди ще невеличкимъ бувъ, а батька ще на свити не було; то дидусь покійныкъ було пытаецця: — „А що будемъ, сыну, робить? Зима холодна!“

То я було дида ражу: — „Пойдмо, — кажу, — дидусю, въ лись, да нарубаемъ дровь!“

— „Пойдмо, такъ и пойдемъ!“

А въ насъ бычечкы невеличкы соби булы, такъ, — можна на прыгорщъ було взять. Пойхалы въ лись. Дивлюсь, ажъ ломачьча така велика купа! Я стукъ сокырою въ те ломачьче! А видьмидъ звидтыля, зъ того ломачьчи. Колы я въ те ломачьче, ажъ шестеро яецъ. Якъ узялы мы зъ дидомъ, то дручьчямъ на визъ не скотылы, да вже я ледви не ледви въ шапку забравъ, такы великы! Отто прынисъ додому, а въ насъ якъ на те, правда, свиня квоктала. Отъ я пидсыпавъ пидъ ту свиню, а воиа й вылупыла мыни шистъ воливъ, такъ якъ соколивъ. Тоди вже якъ узялы мы зъ дидомъ тымы воламы поле орать, да хлибъ сїать: да и вродыло жъ добре! Выйдемъ було зъ дидомъ на поле, такъ то чуже, а то не наше, то чуже, а то не наше! Якъ узялы жъ мы женцивъ збирать, такъ, Боже мій мылостывый! що то мы того женця зобрали! Ажъ одну бабу! Якъ понажынала вона намъ кипъ: Боже мылостывый, скилько кипъ! А дидъ покійныкъ и пытаецця въ мене: — „Де жъ мы, — каже, — сыну, будемъ скырты складаты?“

А я кажу: — „Аже жъ у насъ комень великый, то на комени скырты складаемо, а на печи молотытымемъ!“

Якъ же вклюнулася та проклята кузька, мышы, да такъ же вклюнулася! А въ насъ, признаецця, кить добрый бувъ. Якъ махнувъ винь по комену, якъ ударить хвостомъ, а нашы скырты да въ помийныцю!

А тутъ уже й батько пидрисъ. Дакъ маты було все любить молоко парене, а мы все кисле; то маты було по селу парить, парить, а мы въ запичку кыснемъ, кыснемъ! А батько, правда, рыбалка добрый бувъ: кыне удочку въ чужу будочку, то й тягне не кожухъ, такъ свиточку. Отъ мы й розжылысь. Такъ батько й каже: — „У тебе маты, вмерла, а въ мене жинка, то поставымо обидъ!“

Якъ узялы жъ мы збирать людей на обидъ, да зъ такымъ договоромъ, щобъ була своя ложка, и хлибъ, и силъ. Ото якъ найшло

народу, такъ Боже мылостивый! Ажъ два чоловіка! Дакъ батько й каже: — „Засолить же оце озерце, до выйште щербичку, а насподи буде рыба!“

Дакъ ты люде не здяковалысь!

(*Разказывалъ одинъ старикъ, возлѣ Канева.*)

ЗАГАДКИ.

Ото оре чоловікъ у поли, ажъ иде Царь. Чоловікъ доходить до шляку, а Царь зове ёго: — „Диду!“ — каже, — чы якъ тамъ. — „Чого, пане!“ Бо тоди ще не було сухъ Благородій, а запросто: „Пане!“ да й тилько. „Чого, — каже, — пане?“ — „Чы давно, диду, на гори лягли снігы?“ — „Давно, пане: годивъ пятнадцять, або й двадцять.“ А се бѣ то бачъ, чы давно голова посывила. — „Э!“ думавъ соби Царь. — „А чы давно, — каже, — пошла вода зпидъ гирь?“ Зъ выщого, бачъ, розуму закидыае ключка. Знаешъ, у старыхъ людей такъ слёзы зъ очей идуць. Э, да се жъ и дидъ соби вдався! Пытаецъца ще: — „Чы багато на неби звиздъ?“ — Каже: „Пасъ волы, давсе личивъ, а передъ свитомъ заснувь, то й не доличивъ.“ Оце загнавъ дида! Думавъ соби. — „Глядыжъ, — каже, — чоловіче, залетять сиры гусы зъ Билои Русы, то пиддери хорошенько!“ — „Добре, — каже, — якъ жывъ буду, то пиддери!“ И поихавъ соби. Ото прышовъ въ Сенать, а тамъ старыкы такыи сыдять, звисно Сенаторы. Отъ винъ заразы: — „А чы давно лягли снігы на горахъ?“ Тыи тамъ думалы, думалы. А вже бачыть, що вже стары, да ничего не втнуть. Вони тамъ до книгъ, вони до богословіи, перекидыають, книжки ламають: Оттакъ Богъ создавъ небо, оттаки ричкы. Ни, не втнуть! „Эге, — каже, — пошлить до такого й такого старычка, винъ скаже. Ну, а грошей до смутку въ тыхъ членивъ. Отъ вони выбрали поштара, дали ёму кылько тамъ тысячъ: „Дуй!“ Убигъ той у сельце, спытавъсь: — „Чы жывъ такый и такый старыкъ?“ — „Жывъ,“ — кажутъ. До ёго заразы: „Здоровъ, диду!“ — „Здоровъ, пане!“ — „Пусты на кватеру!“ — „Идъ же, пане!“ — „Сино, овесь есть?“ — „Есть, пане.“ — „Ну, такъ пусты на кватеру!“ — „Идъ же, — каже, — пане!“ Ото заихавъ, заразы пославъ за горилкою, що треба якосьне будь ключка закынуть. А якъ якого, то й горилкою не обманышь. Пытаецъца ото: — „Чы знаешъ, диду, давно на гори лягли снігы?“ — „А якъ же не знать?“ — „А чы знаешъ, — пытаецъца, — чы давно пишла вода зпидъ гирь?“ — „Да знаю, — каже, — колы й вода, колы й що.“ А тутъ того й прыхавъ. Кынулось диду въ голову: „Оце, може, то й панъ прыславъ!“ — „Що, — каже, — тоби дать, щобъ сказавъ?“ — „Тысячу рублей, — каже, — то скажу.“ — Тягне той тысячу зъ кармана: — „Кажы, старыкъ!“ А дидъ: „Постій, — каже, — заховаю грошы въ комору.“ Заховавъ. — „Ну, — каже, — старыкъ: „Ото такъ, пане. Оце, що снігы

впали, то то ваша голова посидила.“ Той дивыщця. — „Оце,“ — каже, — такъ!“ — „А то, — каже, — що вода пшла зпидь гирь, то то въ старого чоловіка, такъ хочъ бы й въ мене, слёзы почалы йты зь очей.“ Той тоди: — „Господи! Оце такъ!“ каже. — „Видкыля, — каже, — вы, пане?“ Каже: „Зь Петинбурха“ — „Ге! Якъ, — каже, — йхавъ колысь якыйся панъ. Я, — каже, — дохожу до шляху, а винъ почавъ мене пытать, а я ёму одвичавъ. Пытавъ: „Чы давно на гори сныгы ляглы?“ а я ёму одвичавъ: „Годивъ зь пятнадцять, або й зь двадцять.“ Пытавъ: „Чы давно пишла вода зпидь гирь, а я ёму отакъ, отакъ одвичавъ. То винъ и сказавъ: — „Гляды жь, диду, налетять сныгы гусы зь Билои Русы, то пиддеры хорошенько!“ А я ёму й кажу: — „Якъ буду живъ, то пиддеру.“ Тоди той поштаръ назадъ: — „Оттакъ и такъ, панове!“ — Ты ажъ за голову вхопылысь: — „Шобъ намъ було такъ казать! Мужыкъ, да давъ Царю одвить!“ — „Эге! И зь нашимъ братомъ часомъ не жартуй!“

(Тамъ же, другой старикъ.)

СЦЕНЫ ИЗЪ ДОМАШНЯГО ВЪТА.

I.

Мы зь жинкою, — не хай легко ий души! — прожылы до старостей своихъ. А дидызны було доволи, — вичный покой предкамъ и дидамъ! — и къ тому ище прыжылы. А дитокъ намъ Богъ не давъ. Дакъ ото мы зь бабою й порадылысь. Такъ вона и каже: „Що будемо, диду, робыты? Нездужаемъ, а робыты никому. Да й прыняли небожа. Ёму жь я и препоручывъ свое мизерство. А баба й каже: — „Що жь то, старый! Тоби в помичь, а мыни нема!“ Постій, бабо, оженю, такъ и тоби помочь буде!“ Да ото й оженылы. Отъ и баби в помичь. Правду кажуть: *що рада, то незрада*. А воны, — слава Богу, — добры, ище не огрызающця; а якъ що не такъ, то я такы не втерплю, да й скажу, а якъ мижь собою заведущця, то я й ципуру покажу: „Ось, — я кажу, — вась помырю!“ А умремо, то й буде имъ худибчына.

(Розказывалъ Семень Юрченко, съ Мартишовкы.)

II.

„Вы у охотныщке дильце, голубчыкы, охотытесь?“ — „Охотымось, добродію; а не знаємо, въ яке.“ — „Въ легеньке, — каже: налыть, про-

дять.“—„Въ шинкарське! Охотимось.“—То вы бѣ у мене брали горилочку!“ — „А може вы, добродію, на выгодку не такъ, якъ иншы.“— „О, ни, мы зійдемось!“

(Онъ жє.)

III.

Спасыби вамъ за ягідкы! Понесу для внукивъ!“ — „Чы вони жѣ тебе жалуютъ?“ — „А якъ же? Прыйде до мене, да сяде на коліняхъ: „Дисусечку, голубычку! Слипесенькій!“ да й обниме. „Да ну, йдить!“ — „Э, ни, дидусечку! Мы тебе жулуемъ.“ Да якъ сяде на коліняхъ, то и сердце радіє. А другиы дурни: „Чого винъ ихъ жулує? Чы вони ёго диты?“ А я имъ: „Дурачество вы говорыте! Чоловикъ пташку пойме, на руку посадыть, да й радуецьця; а то жѣ такы Хрыстыянынь, свое ридне!“

(Онъ жє.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЬ ПЕРВЫЙ.

Преданія Историческія.

	Стр.
Золотые Кіевскіе ворота	1
Жидовскіе откупы.....	2
Козаки и Жолнѣры.....	—
Хмельницкій и Барабашъ	—
Хмельницкій въ Запорожской Сѣчи.....	3
Плата Хмельницкаго за плѣнныхъ.....	4
Хмельницкій надъ Случью.....	—
Войны Хмельницкаго.....	—
Юрій Хмельницкій.....	5
Царь Петръ и Палій.....	—
Мазепа и Палій.....	7
Степанъ Плаха.....	8
Чупрына и Чортоусъ	11
Шелестъ, Лусконигъ, Гныда и Зализнякъ.....	19
Максымъ Шыло.....	23
Гайдамаки въ Черкасахъ.....	25
Наймытъ Гайдамака.....	26
Вовчокъ.....	—
Гайдамака и пасичныкъ.....	27
Местъ за имя Жида.....	28
Гайдамаки въ Мотренинскомъ монастырѣ	—
Максымъ Зализнякъ.....	30
Бѣгство Гайдамакъ.....	33
Золотая Грамота.....	34
Гайдамаки въ Каневѣ.....	—
Швачка.....	36
Гайдамаки въ Жаботинѣ.....	37
Гайдамаки въ Умани.....	—
Неживый.....	—
Цехмыстеръ.....	38
Благочестіе.....	40
Ярмарки.....	—

Жолитры.....	41
Харко	—
Базиліане.....	42
Разказы о Запорожцах.....	—
Очаковская бѣда.....	52
Разказы о Татарахъ.....	55
Козаки 1790 годовъ	55
Война съ Польшею (1793 — 1795)	59
Камышники	—
Гладкій	60
Урочища въ Смѣлой	—
Урочища въ Звенигородкѣ	61
Прежнія времена въ Украинѣ	62

ОТДѢЛЬ ВТОРОЙ.

Преданія Фантастическія.

Кирило Кожемяка	67
Свиридова могила.....	69
Соколь и пчела	70
Превращенія	—
Царевичъ и баба	71
Царевичъ и Цыганка.....	72
Мышь и воробей	74
Волкъ прожора.....	75
Братоубійца.....	76
Кузь и курочка	77
Ивась	79
Мачиха	81

ОТДѢЛЬ ТРЕТІЙ.

С м ѣ с њ.

Не любо—не слушай.....	87
Загадки	88
Сцены изъ домашняго быта.....	89

8780
911146/487

